

ПРАВДА И ЗАКОН

3(37)/2026

Научно-практический журнал
Издается с 2017 года

ISSN 2587-8387

Выходит один раз в три месяца

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Скиба Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Петрянин Алексей Владимирович
доктор юридических наук, профессор

Ответственный редактор

Степкин Сергей Михайлович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-69137

Научно-практический журнал «Правда и закон» публикует оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы по отраслям науки:

Право 5.1

Педагогика 5.8

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям **5.1.1, 5.1.2, 5.1.3, 5.1.4, 5.8.2**

Ответственность за содержание статей и достоверность фактов, изложенных в них, а также версий английского перевода несут авторы статей.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова приводятся автором в обязательном порядке на английском и русском языках.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью или частично материалов журнала «Правда и закон» ссылка на журнал обязательна.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бастрыкин Александр Иванович, председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва)

Безручко Евгений Валерьевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Бессонов Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент (Москва)

Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Москва)

Готчина Лариса Владимировна, доктор юридических наук, профессор, кандидат социологических наук (Санкт-Петербург)

Кондаков Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Коршунова Ольга Николаевна, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Кутузов Александр Владиславович, доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Латышов Игорь Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Никишин Владислав Васильевич, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Сазин Сергей Тихонович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Тюнин Владимир Ильич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Уткин Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Фролов Владислав Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Харченко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Чельшева Ольга Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Шадрин Виктор Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Шарапов Роман Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Шебалин Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Ялышев Станислав Алимович, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Ячменев Юрий Васильевич, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ

Бастрыкин А.И.

О роли Следственного комитета Российской Федерации в противодействии экономическим преступлениям (по итогам XIV Петербургского международного юридического форума).....3

Евтушевский Е.В.

К вопросу об обстоятельствах совершения преступлений военнослужащими Вооруженных сил Украины в период проведения специальной военной операции.....7

Мусиенко Т.В.

Правовые последствия управления рисками ядерной безопасности (к 40-летию аварии на Чернобыльской атомной электростанции).....14

Скиба А.П.

Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 3).....24

Магнатов Ю.С.

Обусловленность противодействия незаконной миграции: теоретико-правовой анализ.....33

Бастрыкин А.А.

Обеспечение правопорядка и продовольственной безопасности в блокадном Ленинграде.....41

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Харченко С.В., Пальцев А.А.

Особенности осмотра места происшествия при расследовании террористического акта в зоне проведения специальной военной операции.....45

Кунц Е.В.

К вопросу о классификации несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к лишению свободы.....57

Петрянин А.В., Петрянина О.А.

Приоритетные направления предупреждения преступности, сопряженной с занятием проституцией.....63

Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В.

«Тёмная материя» уголовного дела: психологический код мотива и проблемы его расшифровки.....72

Гордолопов А.Н.

Особенности получения осужденным компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении.....78

Бушина Д.Ю.

Диверсия как угроза национальной безопасности: отграничение от смежных составов и феномен «куратора» в уголовном праве России.....87

Дмитриев А.И.

Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.....95

Скибенко А.Ю.

К вопросу об учете результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве критерия принятия решения по вопросам при исполнении приговора.....101

Спасских В.В.

Уголовно-правовое значение сети Интернет как средства совершения мошенничества.....108

Шнепелева К.В.

Криминологические аспекты рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: направления совершенствования профилактического воздействия.....117

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Марочкина В.В.

Почерковые объекты, выполненные при помощи программ искусственного интеллекта 123

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Савенков А.М.

Некоторые вопросы определения типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, сопряженных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающих на общественную безопасность Российской Федерации.....132

Сизов Д.О.

Система лиц, оказывающих юридическую помощь осужденным: современное состояние и перспективы развития.....138

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ.....149

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ**

УДК 343

**О роли Следственного комитета Российской Федерации
в противодействии экономическим преступлениям
(по итогам XIV Петербургского международного юридического форума)**

Александр Иванович Бастрыкин

Следственный комитет Российской Федерации, Москва, Россия

Аннотация. Рассматриваются актуальные вопросы противодействия экономическим преступлениям и совершенствования действующего законодательства в целях обеспечения экономического суверенитета страны.

Ключевые слова: Петербургский международный юридический форум, экономическая безопасность, уголовная политика, меры уголовно-правового воздействия, Следственный комитет Российской Федерации, международное сотрудничество

Для цитирования: Бастрыкин А.И. О роли Следственного комитета Российской Федерации в противодействии экономическим преступлениям (по итогам XIV Петербургского международного юридического форума) // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 3–6.

**On the role of the Investigative Committee of the Russian Federation
in countering economic crimes (based on the results of the
XIV St. Petersburg International Legal Forum)**

Alexander I. Bastrykin

Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The current issues of countering economic crimes and improving current legislation in order to ensure the economic sovereignty of the country are considered.

Keywords: St. Petersburg International Legal Forum, economic security, criminal policy, criminal law enforcement measures, Investigative Committee of the Russian Federation, international cooperation

For citation: Bastrykin A.I. On the role of the Investigative Committee of the Russian Federation in countering economic crimes (based on the results of the XIV St. Petersburg International Legal Forum) // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 3–6.

В период с 24 по 26 июня 2026 г. в Санкт-Петербурге проходил XIV Петербургский международный юридический форум, ставший центральной площадкой для обсуждения глобальных правовых вызовов и будущего развития российской правовой системы. Работа форума была организована по нескольким

стратегически важным направлениям, отражающим наиболее острые вызовы современности.

На семинаре, посвященном вопросам противодействия экономической преступности, обсуждены новые виды угроз экономической безопасности, а также современные методы их выявления и нейтрализации.

Касаясь этой важной темы, необходимо отметить, что следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (СК России) уделяют повышенное внимание организации системной работы, направленной на экономическое обеспечение государственного суверенитета. Только в 2025 г. в суды направлено 22,5 тыс. уголовных дел об экономических преступлениях, в структуре которых 1 123 дела об уклонении от уплаты налогов; 169 дел о преступлениях в сфере военно-промышленного комплекса; 258 дел о нарушениях при исполнении государственного оборонного заказа; 590 дел в отношении руководителей предприятий, не выплачивающих заработную плату.

Количество дел коррупционной направленности увеличилось на 25 % по сравнению с 2024 г., достигнув около 14,2 тыс. дел. При этом более 500 коррупционных преступлений совершены в составе организованных групп и преступных сообществ, в том числе международных.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время следственные органы СК России все чаще сталкиваются с высокотехнологичными схемами хищений с использованием электронных платежных систем, криптоактивов, трансграничных финансовых платформ и технологий искусственного интеллекта.

В связи с этим в специализированном подразделении Главного следственного управления СК России, занимающемся расследованием преступлений в цифровой сфере, применяются авторские программные решения, которые позволяют обрабатывать большие массивы данных, получать необходимую для следствия информацию, анализировать и документировать цифровые следы злоумышленников.

Одновременно СК России принимаются меры по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства для противодействия экономическим преступлениям и коррупции.

Так, СК России принимал активное участие в подготовке Федерального закона от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ «О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹, по которому цифровая валюта признана имуществом для целей Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ), в том числе для обеспечения возможности ее конфискации. В нем также закреплены особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий.

В настоящее время СК России активно проводится работа по разработке законопроекта, который наделит следователей полномочиями накладывать арест на имущество лиц, причастных к совершению любых преступлений коррупционной направленности, а не только тех, которые сейчас перечислены в ст. 104.1 УК РФ.

Вместе с тем необходимо также принять законодательные меры по более широкому применению механизмов уголовно-правовой конфискации, предполагающей изъятие имущества, законность происхождения которого лицо не способно подтвердить в случае совершения коррупционных преступлений.

Еще одной важной инициативой СК России является предложение о возможности продолжения поиска преступных активов после завершения расследования основного уголовного дела. Это связано с тем, что на практике

¹ О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ // Парламентская газета. 2026. 27 февр. № 7.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имущество нередко обнаруживается уже после направления уголовного дела в суд либо после смерти фигуранта. В таком случае затруднительно обратиться за взысканием на установленные активы. Ввиду этого предлагается закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве новое основание, при котором следователь (дознатель) вправе выделить из одного уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело исключительно для целей установления, розыска и конфискации имущества преступного происхождения.

Следует подчеркнуть, что особую обеспокоенность вызывает то обстоятельство, что преступные группы активно используют преимущества глобального цифрового пространства, анонимно действуя из юрисдикций недружественных государств.

В качестве серьезного вызова стоит отметить также использование технологий искусственного интеллекта для противоправных целей, в том числе при так называемых телефонных мошенничествах.

Следственная практика показывает, что важнейшим элементом противодействия таким преступлениям становится не только установление виновных лиц, но и своевременное выявление, арест и возврат активов, полученных преступным путем. В настоящее время подобные преступления все больше обретают трансграничный характер, и эффективность их расследования напрямую зависит от качества международного взаимодействия следственных органов. Вследствие этого особое значение приобретает взаимная правовая помощь, развитие прямых контактов, а также выработка единых подходов к выявлению и пресечению незаконных финансовых операций, их предупреждение. По этим вопросам расширяется взаимодействие с иностранными государствами в рамках международных организаций и объединений.

На этом направлении стоит отметить положительный опыт взаимодействия с коллегами из Республики Беларусь.

Важно, что в ходе проведения XIV Петербургского международного юридического форума состоялась рабочая встреча Председателя СК России с Председателем Следственного комитета Республики Беларусь К.Ф. Бычком и Председателем Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь А.А. Волковым³. На встрече обсуждены актуальные вопросы сотрудничества, которое охватывает широкий спектр направлений. В их числе – разработка совместных методик расследования различных категорий преступлений, обмен опытом в вопросах криминалистического сопровождения и проведения судебных экспертиз, реализация совместных программ повышения квалификации следователей и криминалистов, а также проведение международных научно-практических конференций и семинаров.

Обсуждены также перспективы создания Координационного совета для оперативного взаимодействия, обмена информацией и ресурсами при расследовании сложных и многоэпизодных дел, выходящих за пределы одного государства. Безусловно, такой орган позволит выработать единые стандарты и процедуры для органов следствия, а также повысить эффективность борьбы с транснациональной организованной преступностью.

³ Председатель СК России провел рабочую встречу с коллегами из Республики Беларусь // Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL: <https://sledcom.ru/news/item/2103198> (дата обращения: 20.07.2026).

Необходимо подчеркнуть, что на данном направлении в структуре Содружества Независимых Государств⁴ уже действуют различные координационные советы (генеральных прокуроров, министров внутренних дел, органов безопасности), и создание аналогичного органа для следственных подразделений, несомненно, будет способствовать унификации подходов, дальнейшему взаимопониманию и выработке единой позиции по вопросам экстрадиции и правовой помощи по уголовным делам.

Статья поступила в редакцию 30.07.2026; одобрена после рецензирования 03.08.2026; принята к публикации 04.08.2026.

The article was submitted 30.07.2026; approved after reviewing 03.08.2026; accepted for publication 04.08.2026.

Информация об авторе

А.И. Бастрыкин – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Председатель Следственного комитета Российской Федерации (Россия, 105005, г. Москва, Технический пер., 2).

Information about the author

A.I. Bastrykin – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Russia, 105005, Moscow, Technical Lane, 2).

⁴ О Содружестве Независимых Государств // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/sng/2001532/ (дата обращения: 20.07.2026).

УДК 343.985.7

**К вопросу об обстоятельствах совершения преступлений
военнослужащими Вооруженных сил Украины в период проведения
специальной военной операции**

Евгений Владимирович Евтушевский

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
rector@spba.sledcom.ru

Аннотация. На основе анализа материалов о преступлениях военнослужащих Вооруженных сил Украины, имевших место в 2022 г. во время проведения специальной военной операции в г. Мариуполе и иных населенных пунктах Донецкой Народной Республики, раскрываются некоторые обстоятельства их совершения. Акцентируется внимание на факторах, затрудняющих расследование убийств и иных общественно опасных деяний, недостаточности сведений о военнослужащих Вооруженных сил Украины и о лицах, в отношении которых преступления были совершены, преимущественно мирного населения и т.д. Делается вывод, что на первоначальном этапе расследования таких преступлений необходимо установление лиц, являющихся причастными к инцидентам и/или их очевидцами, перепроверка и сравнительный анализ полученных от них сведений и т.д., поскольку ввиду проходящей специальной военной операции не всегда имеется возможность оперативно проверить их показания путем выезда на место происшествия.

Ключевые слова: Следственный комитет Российской Федерации, военные следственные органы, специальная военная операция, расследование преступлений, допрос военнослужащего Вооруженных сил Украины, убийство гражданского лица

Для цитирования: Евтушевский Е.В. К вопросу об обстоятельствах совершения преступлений военнослужащими Вооруженных сил Украины в период проведения специальной военной операции // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 7–13.

**On the circumstances of crimes committed by members of the Armed
Forces of Ukraine during the special military operation**

Evgeny V. Yevtushevsky

SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, rector@spba.sledcom.ru

Abstract. Based on an analysis of materials about the crimes committed by Ukrainian Armed Forces soldiers in 2022 during the special military operation in Mariupol and other settlements in the Donetsk People's Republic, the article reveals some of the circumstances surrounding these crimes. The article focuses on the factors that make it difficult to investigate murders and other socially dangerous acts, such as the lack of information about the military personnel of the Armed Forces of Ukraine and the victims of these crimes, which are mostly civilians. The article concludes that at the initial stage of the investigation of such crimes, it is necessary to identify the individuals involved in the incidents and/or their witnesses, to verify and compare the information they provide, and so on. This is because, due to the ongoing special military operation, it is not always possible to quickly verify their statements by visiting the crime scene.

Keywords: Investigative Committee of the Russian Federation, military investigative bodies, special military operation, investigation of crimes, interrogation of a serviceman of the Armed Forces of Ukraine, murder of a civilian

For citation: Yevtushevsky E.V. On the circumstances of crimes committed by members of the Armed Forces of Ukraine during the special military operation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 7–13.

Общеизвестно, что проведение боевых действий ухудшает оперативную обстановку на конкретной территории, осложняет взаимодействие как между самими ведомствами, занимающимися предупреждением, выявлением, раскрытием и расследованием преступлений, так и с судебными и другими государственными органами, в целом с населением, а также влияет на эффективность достижения задач Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), целей применения уголовных наказаний и назначения уголовного судопроизводства. Изучение же обстоятельств совершения преступлений в период проведения специальной военной операции (СВО) гражданами Украины и других государств, находившихся в составе Вооруженных сил Украины (ВСУ), приобретает все большую значимость ввиду обсуждения в юридической литературе особенностей организации расследования преступлений в условиях СВО [1–4], продолжительного теоретического обоснования целесообразности формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иного законодательства военного времени [5–11], а также необходимости выработки новых подходов к повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в подобных условиях [12–16].

Вне зависимости от трудностей в деятельности следственных и иных подразделений в условиях СВО в целом можно констатировать, что военные следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (СК России) смогли скорректировать свою работу для наиболее успешного выполнения стоящих перед ними задач.

Основой для вынесения российскими судами приговоров в отношении военнослужащих ВСУ стали их показания, полученные в ходе допросов следователями военных следственных органов СК России. В отношении указанных лиц, находящихся в соответствующих учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний России, сотрудниками данных учреждений совместно с должностными лицами Федеральной службы безопасности России проводилась работа по выявлению информации о преступлениях данной категории и лицах, их совершивших (данная категория лиц в период изоляции требует особой профилактической работы [17–19]), после получения чего она оперативно передавалась в военные следственные органы СК России для проверки следственным путем.

Приведем пример из практики. 16 мая 2022 г. из военного следственного отдела СК России по Ивановскому гарнизону поступил протокол допроса пленного К., содержавшегося на территории Ивановской области, главного сержанта разведывательной роты одного из подразделений морской пехоты ВСУ. Допрошенный пояснил, что в конце марта 2022 г. во временном расположении роты десантного обеспечения войсковой части в районе завода «Азовмаш» г. Мариуполь ему стало известно об убийстве российского военнопленного, совершенном сослуживцем К. – военнослужащим этого же подразделения ВСУ – посредством нанесения потерпевшему ножевого ранения в голову. В ходе расследования уголовного дела было установлено, что российский военнослужащий, которого военнослужащий ВСУ К. счел мертвым и переместил в яму на территории завода, на самом деле остался жив и находится на территории Российской Федерации. На основании полученных в ходе предварительного следствия доказательств, в том числе показаний обвиняемого, потерпевшего и очевидцев преступления, суд признал

военнослужащего Украины виновным в совершении покушения на убийство и ряда иных преступлений и приговорил к 21 году лишения свободы.

Между тем по объективным обстоятельствам не всегда удастся оперативно возбудить уголовное дело и довести его до логического завершения с вынесением итогового судебного решения.

В рамках данного исследования было изучено более 100 материалов о преступлениях (протоколов допросов подозреваемых/свидетелей и др.), совершенных в 2022 г. военнослужащими ВСУ в г. Мариуполе и иных населенных пунктах Донецкой Народной Республики.

Прежде чем раскрыть ряд обстоятельств совершения этих преступлений, выделим особенности, обуславливающие данные противоправные деяния.

Во-первых, нередко военнослужащие ВСУ не знают друг друга по имени (не говоря уже о фамилии – прим. авт.), ограничиваясь в общении только позывными, что усложняет установление лиц, виновных в совершении преступления, и свидетелей произошедших событий.

Во-вторых, систему управления в ВСУ можно назвать излишне «разветвленной» (или, точнее, «хаотичной» – прим. авт.), что обусловлено одновременным наличием как сугубо воинских подразделений, состоящих из украинских военнослужащих, так и практически автономно действующих военизированных националистических объединений, укомплектованных разными категориями лиц, в том числе «добровольцами» из числа неонацистов и иных лиц, приверженцев радикальных идей, а также отдельных подразделений, преимущественно состоящих из наемников, являющихся гражданами других государств (далее не будет проводиться такая классификация среди военнослужащих ВСУ, хотя в изученных материалах неоднократно упоминались и представители украинского военизированного националистического объединения «Азов», признанного Верховным судом Российской Федерации террористической организацией, а также иностранные граждане – прим. авт.).

В-третьих, многие преступления совершались путем хаотичного обстрела артиллерийским и стрелковым оружием группами военнослужащих ВСУ жилых помещений, автотранспорта и иных объектов, когда причиненный материальный ущерб и негативные последствия этого, в том числе количество убитых и раненых гражданских лиц, сложно точно оценить (в материалах упоминалось количество в несколько десятков погибших гражданских лиц или даже больше – прим. авт.).

В-четвертых, подавляющее большинство преступлений совершалось в отношении гражданских лиц, и нередко даже в случае их «задержания» военнослужащими ВСУ обычно оформление, надлежащее установление их личности, регистрация и прочие процедуры не осуществлялись, что также влечет затруднения в последующем установлении их личностей в случае убийства и совершения в отношении них других преступлений.

В-пятых, как правило, в ходе первоначальных допросов военнослужащие ВСУ отрицали как личное участие в совершении преступлений против мирного населения либо пленных российских военнослужащих, так и свою осведомленность о совершении таковых преступлений своими сослуживцами, подчиненными и командирами.

В-шестых, нередко место совершения преступления и/или наступивших негативных последствий находится вне полноценного контроля со стороны российских властей, в том числе из-за продолжающихся боевых действий в Донецкой Народной Республике, что не всегда позволяет соответствующие показания потенциальных подозреваемых и свидетелей оперативно проверить путем выезда на место преступления.

Таким образом, исходя из вышеуказанных и иных данных, уже очевидна специфика организации расследования рассматриваемых общественно опасных деяний, а также их оперативно-розыскного и иного обеспечения.

Выделим следующие обстоятельства совершения военными ВСУ рассматриваемых преступлений:

1. Все материалы содержали сведения об убийстве, а также неоднократно – об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, незаконном лишении свободы, изнасиловании, нарушении неприкосновенности жилища или иных преступлениях. Причем в ряде случаев имели место случаи, когда одни военнослужащие ВСУ совершали вышеуказанные и иные преступления, а другие (в том числе совместно с первыми) – дополнительно осуществляли «контрольные» действия, добивали раненых путем расстрела для доведения убийства до логического завершения, сжигали или перемещали тела в ямы и т.п.

2. Поводом для процессуальной проверки зачастую был допрос потенциального свидетеля, примерно в трети материалов – допрос подозреваемого, а в остальных случаях – явка с повинной.

3. Примерно в каждом четвертом случае в совершении преступлений непосредственно участвовали или отдавали соответствующий приказ офицеры ВСУ, вплоть до звания подполковника (приблизительно в каждом десятом случае).

4. Почти каждое второе происшествие происходило по приказу непосредственного командира (а не по инициативе непосредственного исполнителя – прим. авт.).

5. В подавляющем большинстве случаев преступление совершалось из стрелкового оружия, иногда – из артиллерийского оружия или танка, в единичных случаях – с помощью холодного оружия или различных предметов (например, бейсбольной биты).

6. В основном преступления совершались в отношении гражданских лиц, причем подавляющее большинство было совершено из «хулиганских побуждений», а также из-за подозрений в поддержке населением действий российских военнослужащих или опасения в раскрытии боевых позиций военнослужащих ВСУ, расположенных в жилых помещениях (примерно 10 % от общего количества), для недопущения перехода по так называемым «гуманитарным коридорам» мирного населения на российскую территорию, сокрытия фактов изнасилования или противоправных действий в отношении собственников по защите незаконно занятых жилых помещений и иных противоправных действий, ранее допущенных военнослужащими ВСУ. В единичных случаях преступления совершались в отношении других сотрудников ВСУ для пресечения и наказания за пьянство (что также свидетельствует об отсутствии четко выстроенной системы управления в украинских войсках – прим. авт.), а в отношении российских военнопленных – менее чем в 10 % происшествий.

7. Зачастую убийство совершалось в отношении одного человека, однако примерно в каждом шестом инциденте – в отношении двух лиц, в каждом одиннадцатом – трех лиц, в единичных случаях – около и более 10 лиц, а почти в каждом пятом происшествии количество убитых лиц вообще не учитывалось. При этом пенсионеры и женщины также постоянно становились жертвами расстрелов, осуществленных военнослужащими ВСУ, и примерно обе категории фиксировались в каждом седьмом случае. Кроме того, среди фактов расстрела российских пленных военнослужащими ВСУ количество погибших не фиксировалось в трети случаев.

8. В двух из трех случаев сначала происходило задержание лиц (причем примерно в четверти эпизодов – последние передвигались на авто- или мототранспорте), а затем совершалось убийство.

9. Все происшествия происходили на гражданских объектах. По распространенности: на первом месте – на улицах, на втором – в жилых помещениях, на третьем – на промышленных объектах (включая завод «Азовмаш» – прим. авт.), на четвертом – в детских садах, а в остальных случаях – в школах и других образовательных организациях, в учреждениях культуры и пр.

Можно обозначить наиболее характерные обстоятельства рассматриваемых преступлений – они совершены на гражданских объектах одним, двумя или более военнослужащими ВСУ (нередко – по приказу командира) из стрелкового оружия путем убийства одного, двух и более гражданских лиц после их задержания из «хулиганских побуждений».

Ввиду этого очевидно, что на первоначальном этапе расследования таких преступлений необходимо установление лиц, являющихся причастными к инцидентам и/или их очевидцами, перепроверка и сравнительный анализ полученных от них сведений и т.д., поскольку ввиду проходящей СВО не всегда имеется возможность оперативно проверить их показания путем выезда на место происшествия. Кроме того, подавляющее большинство совершенных преступлений было обусловлено не проведением боевых действий, а, по всей видимости, полной безнаказанностью лиц, их совершивших, а также бесконтрольностью со стороны командования за их поведением, особенно правонарушающим. Это заставляет задуматься о том, насколько в целом деятельность ВСУ в зоне проведения СВО была организована для обеспечения безопасности мирного населения либо, наоборот, в целях проведения в его отношении репрессий.

Список источников

1. Александрова О.И. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в условиях специальной военной операции в практике Следственного комитета Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 12. С. 64–70.
2. Бастрыкин А.И. Особенности расследования преступлений киевского режима в условиях проведения специальной военной операции // Вестник Российской академии наук. 2025. № 11. С. 36–40.
3. Данилова Н.А., Кульпин А.А. Обстоятельства, подлежащие установлению в ходе расследования публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил Российской Федерации и иных участников специальной военной операции на территории Украины (ст. 207.3 УК РФ) // Криминалистика. 2023. № 4(45). С. 38–45.
4. Ишигеев В.С. Преступления в местах лишения свободы как объект криминалистического исследования // Закон и право. 2025. № 4. С. 214–217.
5. Боев В.И. Уголовное право военного времени: монография. М., 2007.
6. Закомолдин Р.В. О тенденциях действующего военно-уголовного законодательства и практики его применения // Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (к 100-летию со дня рождения Г.М. Миньковского): сб. науч. трудов. материалов междунар. конф. М., 2023. С. 162–166.
7. Милюков С.Ф. Криминологические основы российского военно-уголовного права // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2005. № 2(9). С. 13–20.
8. Ображиев К.В. Перспективы кодификации военно-уголовного законодательства // Современное состояние и пути развития уголовного права Российской Федерации: научные и учебно-методические аспекты: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти профессоров кафедры уголовного права В.А. Елеонского и Н.А. Огурцова / под ред. В.Ф. Лапшина. Рязань: Академия ФСИН России, 2016. С. 274–280.
9. Пономарева А.В. О необходимости разработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства военного времени // Военное право. 2017. № 2(42). С. 176–181.
10. Рарог А.И. Военно-уголовное право России: состояние и перспективы // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3(73). С. 45–52.
11. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения: монография /

И.А. Ефремова [и др.]; под общ. ред. А.А. Крымова; под науч. ред. А.П. Скибы // Российский криминологический взгляд. 4-е изд., испр. и доп. М.: Криминологическая библиотека, 2022.

12. Бастрыкин А.И. Стратегические направления работы Следственного комитета Российской Федерации по фиксации и расследованию преступлений против мира и безопасности человечества // Мир криминалистики. 2023. № 1. С. 18–22.

13. Гусева Т.А. Вопросы противодействия органов прокуратуры Российской Федерации экстремистской деятельности в сети Интернет в свете специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2024. № 7(235). С. 60–62.

14. Максимов С.В., Васин Ю.Г., Рудая Т.Ю. Корректировка тенденций регистрируемой преступности в России в условиях специальной военной операции и комбинированных нелегитимных санкций стран коллективного запада (предварительные оценки) // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 6. С. 116–122.

15. Самойлов С.Ф., Кузнецов В.А. Меры противодействия пропаганде русофобии и неонацизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 4(62). С. 114–121.

16. Яковец Е.Н., Журавленко Н.И., Еремеев Д.В. Укрепление национальной безопасности России в условиях проведения специальной военной операции: монография. Симферополь, 2025.

17. Кашуба Ю.А. О местах отбывания наказания осужденными иностранными гражданами из числа военнопленных // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 4. С. 446–453.

18. Скиба А.П., Малолеткина Н.С., Тепляшин П.В. Исправительное воздействие на военнопленных осужденных: международно-правовое, уголовно-исполнительное и иное регулирование // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15. Вып. 2. С. 422–434.

19. Яковлева М.А., Зорина Е.М. Пути трансформации личности военнопленного в направлении ресоциализации в условиях специальной военной операции // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 2. С. 232–243.

References

1. Aleksandrova O.I. Kriminalisticheskoe obespechenie rassledovaniya prestuplenij v usloviyah special'noj voennoj operacii v praktike Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2025. № 12. S. 64–70.

2. Bastrykin A.I. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij kievskogo rezhima v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. 2025. № 11. S. 36–40.

3. Danilova N.A., Kul'pin A.A. Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu v hode rassledovaniya publichnogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii o dejstviyah Vooruzhennyh Sil Rossijskoj Federacii i inyh uchastnikov special'noj voennoj operacii na territorii Ukrainy (st. 207.3 UK RF) // Kriminalist". 2023. № 4(45). S. 38–45.

4. Ishigeev V.S. Prestupleniya v mestah lisheniya svobody kak ob"ekt kriminalisticheskogo issledovaniya // Zakon i pravo. 2025. № 4. S. 214–217.

5. Boev V.I. Ugolovnoe pravo voennogo vremeni: monografiya. M., 2007.

6. Zakomoldin R.V. O tendenciayah dejstvuyushchego voenno-ugolovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya // Ugolovnaya politika Rossii na sovremennom etape: sostoyanie, tendencii, perspektivy (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya G.M. Min'kovskogo): sb. nauch. trudov. materialov mezhdunar. konf. M., 2023. S. 162–166.

7. Milyukov S.F. Kriminologicheskie osnovy rossijskogo voenno-ugolovnogo prava // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2005. № 2(9). S. 13–20.

8. Obrazhiev K.V. Perspektivy kodifikacii voenno-ugolovnogogo zakonodatel'stva // *Sovremennoe sostoyanie i puti razvitiya ugolovnogogo prava Rossijskoj Federacii: nauchnye i uchebno-metodicheskie aspekty: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. pamyati professorov kafedry ugolovnogogo prava V.A. Eleonskogo i N.A. Ogurcova / pod red. V.F. Lapshina. Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2016. S. 274–280.*
9. Ponomareva A.V. O neobходимosti razrabotki ugolovnogogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva voennogo vremeni // *Voennoe pravo. 2017. № 2(42). S. 176–181.*
10. Rarog A.I. Voennougolovnoe pravo Rossii: sostoyanie i perspektivy // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 3(73). S. 45–52.*
11. Ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo v usloviyah stihijnogo bedstviya, vvedeniya chrezvychajnogo ili voennogo polozheniya: monografiya / I.A. Efremova [i dr.]; pod obshch. red. A.A. Krymova; pod nauch. red. A.P. Skiby // *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Kriminologicheskaya biblioteka, 2022.*
12. Bastrykin A.I. Strategicheskie napravleniya raboty Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii po fiksacii i rassledovaniyu prestuplenij protiv mira i bezopasnosti chelovechestva // *Mir kriminalistiki. 2023. № 1. S. 18–22.*
13. Guseva T.A. Voprosy protivodejstviya organov prokuratury Rossijskoj Federacii ekstremistskoj deyatel'nosti v seti Internet v svete special'noj voennoj operacii // *Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2024. № 7(235). S. 60–62.*
14. Maksimov S.V., Vasin Yu.G., Rudaya T.Yu. Korrektirovka tendencij registriruemoj prestupnosti v Rossii v usloviyah special'noj voennoj operacii i kombinirovannyh nelegitimnyh sankcij stran kollektivnogo zapada (predvaritel'nye ocenki) // *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17. № 6. S. 116–122.*
15. Samojlov S.F., Kuznecov V.A. Mery protivodejstviya propagande rusofobii i neonacizma // *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 4(62). S. 114–121.*
16. Yakovec E.N., Zhuravlenko N.I., Ereemeev D.V. Ukreplenie nacional'noj bezopasnosti Rossii v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii: monografiya. Simferopol', 2025.
17. Kashuba Yu.A. O mestah otbyvaniya nakazaniya osuzhdennymi inostrannymi grazhdanami iz chisla voennoplennyh // *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2023. T. 18. № 4. S. 446–453.*
18. Skiba A.P., Maloletkina N.S., Teplyashin P.V. Ispravitel'noe vozdejstvie na voennoplennyh osuzhdennyh: mezhdunarodno-pravovoe, ugolovno-ispolnitel'noe i inoe regulirovanie // *Vestnik SPbGU. Pravo. 2024. T. 15. Vyp. 2. S. 422–434.*
19. Yakovleva M.A., Zorina E.M. Puti transformacii lichnosti voennoplennogo v napravlenii resocializacii v usloviyah special'noj voennoj operacii // *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal. 2023. T. 3. № 2. S. 232–243.*

Статья поступила в редакцию 15.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 15.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

Е.В. Евтушевский – и.о. ректора Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

E.V. Yevtushevsky – Acting Rector of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

УДК 338.24.01

Правовые последствия управления рисками ядерной безопасности (к 40-летию аварии на Чернобыльской атомной электростанции)

Тамара Викторовна Мусиенко^{1,2}

¹Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия, tvn77777@mail.ru, SPIN-код: 2319-0146

²Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук – Социологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Осуществлен экспресс-анализ отдельных конвенций Международного агентства по атомной энергии, разработанных и принятых международным сообществом в качестве рекомендаций по управлению рисками ядерной безопасности, а также процесса их имплементации в российское национальное законодательство. Реконструирована эволюция международно-правовых и российского режимов ядерной безопасности.

В историко-правовом ключе разработаны и сопоставлены советская «реактивная» модель 1986–1991 гг. и российская «проактивная» модель 1994–2026 гг. управления рисками ядерной безопасности.

Обозначены отдельные направления правового обеспечения деятельности российского государства по управлению такими рисками. Осуществлен анализ основных отечественных нормативных правовых актов, призванных обеспечить качественный уровень государственного управления в этой сфере. Раскрыто содержание отдельных изменений и дополнений, внесенных к настоящему времени в ряд нормативных правовых актов: Федеральный закон от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ «Об использовании атомной энергии»¹, Федеральный закон от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения»², направленных на минимизацию рисков ядерной безопасности.

Выявлено, что историко-правовой анализ управления рисками ядерной безопасности остается фрагментарным, несмотря на значительный массив публикаций, посвященных техническим, экологическим, социальным и медицинским аспектам проблемы.

Наличие международного «правового вакуума» и политическая ангажированность Международного агентства по атомной энергии способствует нарастанию рисков ядерной безопасности в глобальном масштабе.

Ключевые слова: управление, риски, конвенция, федеральный закон, правовое поле, законность, нормативный правовой акт

Для цитирования: Мусиенко Т.В. Правовые последствия управления рисками ядерной безопасности (к 40-летию аварии на Чернобыльской атомной электростанции) // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 14–23.

¹ Об использовании атомной энергии: Федер. закон от 21 нояб. 1995 г. № 170-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О радиационной безопасности населения: Федер. закон от 9 янв. 1996 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**Legal consequences of managing nuclear safety risks
(on the 40-th anniversary of the Chernobyl nuclear power plant)**

Tamara V. Musienko^{1,2}

¹St. Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, St. Petersburg, Russia, tvn77777@mail.ru, SPIN: 2319-0146

²Federal research sociological center of the Russian academy of sciences – Sociological institute of the Russian academy of sciences, St. Petersburg, Russia

Abstract. Provides an express analysis of individual International Atomic Energy Agency Conventions developed and adopted by the international community as recommendations for managing nuclear security risks, as well as the process of their implementation in Russian national legislation. The evolution of international legal and Russian nuclear security regimes is reconstructed.

The Soviet «reactive» model of 1986–1991 and the Russian «proactive» model of 1994–2026 for managing nuclear security risks are developed and compared in a historical and legal context.

Certain areas of legal support for the Russian state's activities in managing such risks are outlined. An express analysis of the main domestic regulatory legal acts designed to ensure a high-quality level of public administration in this area has been carried out. The content of individual amendments and additions introduced to date in a number of regulatory legal acts is disclosed: Federal Law of november 21, 1995 № 170-FZ «On the Use of Atomic Energy», Federal Law of yanuary 9, 1996 № 3-FZ «On Radiation Safety of the Population», aimed at minimizing nuclear safety risks.

It has been revealed that the historical and legal analysis of nuclear safety risk management remains fragmented, despite a significant number of publications on the technical, environmental, social, and medical aspects of the issue.

The presence of an international «legal vacuum» and the political involvement of the International Atomic Energy Agency contribute to the escalation of nuclear safety risks on a global scale.

Keywords: management, risks, convention, federal law, legal framework, legality, regulatory legal act

For citation: Musienko T.V. Legal consequences of managing nuclear safety risks (on the 40-th anniversary of the Chernobyl nuclear power plant) // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 14–23.

Современная геополитическая ситуация актуализирует проблему государственного управления рисками ядерной безопасности. Западная антироссийская коалиция стран, обладающих ядерным оружием (ЯО), открыто угрожает им, как в случае с Ираном. При этом в последнее пятилетие ряд государств этой коалиции пересмотрели ядерные доктрины, расширив условия и возможности применения ЯО.

В «Обзоре ядерной политики» США («Nuclear Posture Review») 2022 г. заложена возможность применения ЯО и отсутствует формулировка о неприменении ЯО при первом ударе³. Во «Внешнеполитической доктрине» Великобритании («Global Britain in a competitive age») 2021 г. объявлялось об увеличении количества ядерных боеголовок со 180 до 260. А в ее обновленную версию «Integrated Review Refresh 2023. Responding to a More Contested and Volatile World. 2023» включена возможность применения ЯО при «обороне союзников по НАТО»⁴.

³ Kerr P.K. 2022 Nuclear Posture Review. Dec. 6, 2022. URL: <https://www.congress.gov/crs-product/IF12266> (дата обращения: 02.04.2026).

⁴ Global Britain in a competitive age. The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. March 2021. 111 p. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/government>; Integrated Review Refresh 2023:

В «Стратегическом обзоре» Франции («Revue nationale stratégique») 2022 г. продемонстрирована готовность использовать ЯО «для защиты жизненно важных интересов». На сайте премьер-министра документ опубликован на пяти языках ООН, кроме русского⁵.

В этой связи в «Концепции внешней политики Российской Федерации» 2023 г. было отмечено повышение роли «фактора силы в международных отношениях» и расширение конфликтного пространства в условиях замены международного права правилами, устанавливаемыми англосаксами и их лишенными суверенитета европейскими союзниками⁶.

Эти и ряд других обстоятельств заставили Россию пересмотреть и в 2024 г. принять утвержденные «Основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», в которых обозначены десять ключевых рисков (опасностей) ядерной безопасности⁷.

Из их числа выделим «действия противника, которые могут привести к экологическим или социальным катастрофам». Наличие в зоне боевых действий атомных электростанций, регулярные обстрелы Запорожской атомной электростанции (АЭС), а также наличие на планете в 2026 г. 413 атомных реакторов для производства электроэнергии и еще 67 реакторов, находящихся в стадии строительства⁸, требуют обращения к трагическому опыту Чернобыльской катастрофы 1986 г. Это событие стало важным фактором в формировании правовых норм ядерной безопасности, привело к пониманию необходимости управления рисками и определения ответственности как в международном масштабе, так и на национальном уровне.

Чернобыльская авария – седьмой, максимальный уровень по международной шкале ядерных событий (INES) – вызвала глубинную трансформацию правовых систем на национальном уровне Советского Союза постсоветских государств. Это заставило мировое сообщество осознать необходимость формирования соответствующей архитектуры ядерной безопасности и управления не только на национальном, но и на глобальном уровне посредством создания институтов ее обеспечения на основе обязательных международных правовых норм. Юридическое измерение этой трагедии охватывает широкий спектр проблем: формирование современного правового поля, создание новых институтов управления чрезвычайными ситуациями, пересмотр принципов трансграничной ответственности за ядерный ущерб, формирование социальной защиты пострадавших, а также уголовное преследование виновных и привлечение их к суду.

До Чернобыля существовали Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. и всего три конвенции в области ядерной безопасности⁹, а после – уже

Responding to a more contested and volatile world. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/integrated-review-refresh-2023-responding-to-a-more-> (дата обращения: 17.04.2026).

⁵ Revue nationale stratégique. 9 novembre 2022. 56 с. URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/publications/revue-nationale-strategique-2022> (дата обращения: 17.04.2026).

⁶ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811> (дата обращения: 18.04.2026).

⁷ Об утверждении Основ государственной политики в области ядерного сдерживания: Указ Президента Рос. Федерации от 19 нояб. 2024 г. № 991 URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/410653348/?> (дата обращения: 18.04.2026).

⁸ ООН. Атомная энергия. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/atomic-energy?ysclid=mnuiocofd880739717> (дата обращения: 02.04.2026).

⁹ Договор о нераспространении ядерного оружия (одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г.); Конвенция об ответственности перед третьей стороной в области ядерной энергии 1960 г. (в ред. 1964 г.); Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г.; Конвенция о физической защите ядерного материала 1979 г. (вступила в силу 8 февр. 1987 г. в новой редакции). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

восемь основных договоров¹⁰, дополненных сотнями двусторонних межгосударственных соглашений. При этом состояние международно-правовой базы регулярно становилось предметом исследований как отечественных¹¹ [1–4], так и зарубежных ученых [5–7].

Через 20 лет после введения в действие Конвенции о раннем оповещении о ядерной аварии и Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, подготовленные Международным агентством по атомной энергетике (МАГАТЭ), М.И. Балонов проанализировал их эффективность и степень имплементации основных положений конвенций в российское законодательство. Россия использует их для систем мониторинга, сделаны соответствующие выводы и извлечены уроки для безопасности: обязательный обмен данными минимизирует трансграничные риски [8]. Ходжабегова К.Л. осуществила обзор Конвенции о физической защите ядерного материала, Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации и последствий их реализации в ходе обеспечения ядерной безопасности, включая снятие с эксплуатации опасных установок. Сделан вывод об интеграции норм в отечественное национальное право с фокусом на экологическую реабилитацию [9].

Следует отметить, что ряд рекомендаций МАГАТЭ имплементированы в действующее российское законодательство. Так, Федеральным законом «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ введено обязательное оповещение о радиационных инцидентах, предусмотрено создание аварийных центров и систем взаимопомощи в системах Ростехнадзора и Росатома. В ст. 4–7 сформулированы принципы регулирования, ст. 18–20 раскрывают сущность государственного регулирования, ст. 25–27 определяют обязательные требования к эксплуатации, ст. 32 вводит основные принципы ядерной безопасности.

Во исполнение Конвенции о ядерной безопасности Федеральным законом от 9 января 1996 г. № 3-ФЗ «О радиационной безопасности населения» установлены требования по созданию эшелонированной защиты АЭС, постоянному мониторингу рисков, введены лимиты доз облучения. В редакциях «Основ государственной политики в области ядерной и радиационной безопасности»¹² 2012 и 2018 гг. установлена необходимость гармонизации с требованиями МАГАТЭ, включая культуру безопасности и организационные меры: подготовка персонала, автоматизация систем безопасности и др.

Известный российский эксперт по ядерной безопасности В.М. Кузнецов, отмечая положительную роль «чернобыльских» конвенций и анализируя эффективность деятельности и современную позицию МАГАТЭ, обвинил Агентство в политической ангажированности из-за влияния США, других западных стран,

¹⁰ Конвенция о раннем оповещении о ядерной аварии от 26 сент. 1986 г.; Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации от 26 сент. 1986 г.; Конвенция о ядерной безопасности от 17 июня 1994 г.; Конвенция о дополнительном возмещении за ядерный ущерб от 12 сент. 1997 г.; Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок от 26 окт. 1979 г. в ред. от 8 июля 2005 г. (в условиях угрозы ядерного терроризма); Протокол о внесении поправок в Венскую конвенцию о гражданской ответственности за ядерный ущерб от 12 сент. 1997 г. и Конвенции о дополнительном возмещении за ядерный ущерб от 12 сент. 1997 г.; Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12 авг. 1949 г. (ст. 56), запрещающего нападения на ядерные объекты (не вступил в силу). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹¹ Чувахин П.И. Три взрыва, изменившие мир: как Чернобыль породил международное ядерное право. URL: <https://science.mail.ru/articles/7059-kak-chernobyl-porodil-yadernoe> =mnuscnc9ml618263239 (дата обращения: 03.04.2026).

¹² Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2018 г. № 585. URL: <https://base.garant.ru/72075716/> (дата обращения: 19.04.2026).

а также в игнорировании обстрелов российских атомных объектов и предложил пересмотреть участие России в этой структуре ООН¹³ [10, 11].

В российских публикациях внимание акцентировано в основном на развитии российского экологического и социального законодательства; детально воссозданы ход следствия, судебный процесс, осуждение ответственных работников Чернобыльской АЭС и последующее их досрочное освобождение; раскрывается, как чернобыльский кризис стимулировал создание института «чернобыльцев» и ужесточение норм ядерной безопасности, отсутствие уголовной ответственности высшего руководства и разработчиков реактора [12, 13]. К восстановлению справедливости в отношении пострадавших в аварии привлекался и Конституционный Суд Российской Федерации¹⁴. Деятельность в этом направлении также не оставалась без внимания исследователей [14].

Результаты систематизации основных положений национальных нормативных правовых актов, данные Российского национального доклада [15] позволяют представить динамику перехода от разрозненных решений времен СССР к системному российскому законодательству, а затем и к адресной модели социальной поддержки пострадавших в Чернобыльской аварии (табл.) [14].

Таблица

Динамика формирования и систематизации нормативно-правовой базы
на национальном уровне*

Аспект сравнения	Советское законодательство (1986–1991)	Постсоветское законодательство	Ключевые нормативные акты	Критерии зонирования	Категории бенефициаров
Нормативно-правовая база	Постановления Совмина (от 17 июня 1986 г. № 569, от 26 дек. 1986 г. № 1081); Закон СССР от 12 мая 1991 г. № 2396-1	Закон РФ от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (с поправками по 2025 г.); законы в Беларуси и на Украине (Закон Украины от 28 февр. 1991 г. № 796-XII)	Закон СССР № 2396-1, Закон РФ № 1244-1, Закон Украины № 796-XII	30-км зона отчуждения; неформализованные или ранние критерии дозы (1–5 мЗв/год)	Ликвидаторы (1986–1987), эвакуированные лица
Зонирование территорий	30-км зона отчуждения (установлена в мае 1986 г.); первичный акцент на географическом принципе	Разделение на зоны: отчуждения, отселения, проживания с правом на отселение и проживания с льготным социально-экономическим статусом	Концепция 1991 г., Закон РФ № 1244-1	Уровень загрязнения почвы изотопами (Cs-137: 1–5 Ки/км ² и выше) и годовая эффективная доза (≤ 1 мЗв/год)	Жители зон с официально установленным льготным статусом

¹³ «Пока без последствий»: Удары ВСУ по ЗАЭС приближают выход России из МАГАТЭ. URL: <https://nsn.fm/incident/poka-bez-posledstviy-udary-vsu-po-zaes-priblizhaut-vyход-rossii-iz-magatэ> (дата обращения: 19.04.2026).

¹⁴ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 10 дек. 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52. Ст. 5971; Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 1 дек. 1997 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года "О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации "О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС"». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Аспект сравнения	Советское законодательство (1986–1991)	Постсоветское законодательство	Ключевые нормативные акты	Критерии зонирования	Категории бенефициаров
Система льгот и компенсаций	Прямые доплаты ликвидаторам (100–200 руб./мес.), предоставление жилья и медпомощи; прямое финансирование из союзного бюджета	Досрочный выход на пенсию, бесплатное жилье, проезд, санаторно-курортное лечение, двойной оклад ликвидаторам, пособия на детей	Закон РФ № 1244-1	Факт проживания в зонах загрязнения или документально подтвержденное участие в ликвидационных работах	Ликвидаторы, эвакуированные, дети пострадавших первого и последующих поколений
Категории пострадавших и учет	Ликвидаторы и эвакуированные; статус пострадавшего зачастую присваивался по факту нахождения в зоне (от одного дня работы)	Выделение 4 основных групп: ликвидаторы, эвакуированные, жители зон, инвалиды ЧАЭС; обязательное ведение реестра доз (ср. 12 сГр)	Закон РФ № 1244-1	Суммарная дозовая нагрузка или подтвержденный факт проживания/работы на определенных территориях	Инвалиды ЧАЭС, участники ликвидации, постоянные жители пораженных территорий
Административные и судебные меры	Режим секретности данных о радиации; уголовное преследование персонала ЧАЭС (1986–1987); экстренная принудительная эвакуация	Гражданско-правовые иски к государству; создание и реформы ГО и МЧС; массовая судебная практика по спорам о статусе (1997–2001)	Реформы ведомств ГО/МЧС, судебная практика РФ и стран СНГ	Не применимо	Гражданские истцы, сотрудники МЧС, лица, восстанавливающие статус в судебном порядке

*Источник: составлено автором.

Формирование «чернобыльского» правового поля, в основе которого советские и российские законы¹⁵, продолжается и не завершено до настоящего времени¹⁶.

В зарубежных публикациях, посвященных уголовному преследованию и внутренним правовым механизмам, анализируются фрагментарность международного права по ядерной безопасности на момент Чернобыльской катастрофы и причины отсутствия судебных исков к СССР; представлена ретроспективная оценка возможной квалификации действий СССР как нарушения обязанности предотвращать трансграничный вред; акцентируется отсутствие

¹⁵ О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС: Закон СССР от 15 мая 1991 г. № 1244-1 (в ред. от 31 июля 2025 г.); О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска: постановление Верховного Совета Рос. Федерации от 27 дек. 1991 г. № 2123-1; О ветеранах: Федер. закон от 12 янв. 1995 г. № 5-ФЗ; О социальной защите инвалидов в Российской Федерации: Федер. закон от 24 нояб. 1995 г. № 181-ФЗ; О социальной защите граждан Российской Федерации, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча: Федер. закон от 26 нояб. 1998 г. № 175-ФЗ; О правовом режиме территорий, подвергшихся радиоактивному загрязнению в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС: Закон Республики Беларусь от 18 дек. 1991 г. № 1227-XII. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части учета и совершенствования предоставления мер социальной поддержки исходя из обязанности соблюдения принципа адресности и применения критериев нуждаемости: Федер. закон от 29 дек. 2015 г. № 388-ФЗ (в ред. от 12 дек. 2023 г.); О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 25 дек. 2023 г. № 622-ФЗ (в ред. от 8 авг. 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

механизмов компенсации пострадавшим странам и людям, и даже продвигаются обвинения России в «ядерном терроре» [16–20].

В условиях ведения войны против Российской Федерации, подготовки к размещению европейского и американского ядерного оружия у ее границ, принятые договоренности по ядерной безопасности становятся ничтожными. Актуальным остается вопрос о законности применения ядерного оружия. В Консультативном заключении Международного суда ООН от 8 июля 1996 г.¹⁷, подчеркивает А.П. Чувахин, отмечено, что это относится к компетенции политических органов ООН [21].

Таким образом, использование в рамках проведенного исследования историко-правового метода позволило раскрыть концептуальную основу в виде конвенций МАГАТЭ для гармонизации национальных норм с международными стандартами безопасности, выявить тенденции развития правовых институтов в динамике. Применение формально-юридического метода легло в основу проведенного анализа текстов конвенций и федеральных законов, использование сравнительно-правового метода обеспечило сопоставление советского и постсоветского законодательства. Исследование проблемы в историко-правовом ключе способствовало разработке периодизации правовых последствий Чернобыльской аварии в виде этапов «реактивного правотворчества» (1986–1991 гг.) и «проактивного регулирования» (1994–2026 гг.).

Перспективным представляется и метод правового моделирования, например, для прогнозирования типов возможных исков в будущем и соответствующего правового регулирования.

Тем не менее историко-правовой анализ управления рисками ядерной безопасности остается во многом фрагментарным, несмотря на значительный массив публикаций, посвященных техническим, экологическим, социальным и медицинским аспектам проблемы.

До настоящего времени в международном правовом поле отсутствуют реальные механизмы санкций, однако присутствуют размытость понятий, политизация деятельности МАГАТЭ и их пиринговых обзоров.

Сущностной правовой причиной современного состояния ядерной безопасности остается «правовой вакуум», искусственно создаваемый англосаксонским политикумом в этой сфере, который нивелирует сорокалетние усилия международного сообщества по минимизации рисков управления ядерной безопасностью после Чернобыльской катастрофы.

Список источников

1. Когут В.Г., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В. Безопасность жизнедеятельности: проблемы нормативно-правового обеспечения // Культура и безопасность. 2023. № 4. С. 22–34.
2. Брагина Е.А. Роль и правовое положение международного ядерного права в системе отраслей международного публичного права // Глобальная ядерная безопасность. 2015. № 1(14). С. 86–92.
3. Кожеуров Я.С. От Хиросимы до Фукусимы: международно-правовые аспекты практики государств по возмещению ядерного ущерба // Российский юридический журнал. 2014. № 5(98). С. 89–109.
4. Фененко А.В. Политические аспекты проблемы ядерной безопасности в странах Северной Европы: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО, 2008. 180 с.

¹⁷ United Nations Security Council. Cooperation between the United Nations and regional organizations in maintaining international peace and security. S/RES/1631.17 October 2005. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/558609?v=pdf> (дата обращения: 19.04.2026).

5. International Nuclear Law in the Post-Chernobyl Period. OECD. 2006. NEA. № 6146. 242 s.
6. Peterson M. The Chernobyl Disaster. New York: Nova Science Publisher's, 2016. 170 s.
7. Malone L.A. The Chernobyl Accident: A Case Study in International Law Regulating State Responsibility for Transboundary Nuclear Pollution // Columbia Journal of Environmental Law. 2020. № 12(2). S. 203–241. <https://doi.org/10.7916/cjel.v12i2.5683>.
8. Балонов М.И. Последствия Чернобыля: 20 лет спустя // Радиация и риск. 2006. Т. 15. № 3–4. С. 97–119.
9. Ходжабегова К.А. Участие МАГАТЭ в решении вопросов охраны окружающей среды // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 6. С. 174–177.
10. Кузнецов В.М. Неизвестный Чернобыль: История, события, факты, уроки / Е.Б. Бурлакова [и др.]; под общ. ред. В.М. Кузнецова. М.: МНЭПУ, 2006. 381 с.
11. Кузнецов В.М., Юрчевский Е.Б., Спиридонов В.П. Правовое регулирование безопасности атомных станций мощности (АСММ) // Энергосбережение и водоподготовка. 2023. № 2(142). С. 69–79.
12. Анисимов А.П. Влияние аварии на Чернобыльской атомной электростанции на развитие российского экологического и социального законодательства // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 79–85.
13. Горбанев Б.И. Главная тайна чернобыльского суда // Бюллетень по атомной энергии. 2006. № 2. С. 70–74.
14. Максименко А.В., Новопавловская Е.Е. Конституционный Суд Российской Федерации на защите прав граждан, подвергшихся радиационному воздействию // Юрист-правовед. 2018. № 3(86). С. 38–44.
15. Российский национальный доклад 35 лет Чернобыльской аварии: итоги и перспективы преодоления ее последствий в России 1986–2021 / под общ. ред. Л.А. Большова. М.: Академ-Принт, 2021. 104 с.
16. Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities // Draft Articles on Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities, with Commentaries. Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part Two. S. 148–170.
17. Müller K. State Responsibility and Nuclear Accidents: The Chernobyl Case // European Journal of International Law. 2020. № 12(2). <https://doi.org/10.7916/cjel.v12i2.5683>.
18. Vande Putte J., Burnie S. Chornobyl Anniversary: Moscow's Nuclear Terror, 39 Years Later // Ukrainska Pravda. 2025. 26 April. URL: <https://www.pravda.com.ua/eng/news/2025/04/26/7528348/> (дата обращения: 01.04.2026).
19. Ternavska A.A. The Seizure of the Chornobyl Nuclear Power Plant as a War Crime Against Radioecological Security: Criminological Analysis of the Mechanism of Commission // Bulletin of Kharkiv National University of Internal Affairs. 2025. Vol. 109. № 2. S. 270–285.
20. Tellioglu E., Yalvac M. Legal Liability for Nuclear Accidents Under International Conventions: Inferences from the Chernobyl and Fukushima Nuclear Accidents // International Journal of Environmental Trends (IJENT). 2025. № 9(2). S. 73–87.
21. Чувахин П.И. Международно-правовые основы взаимодействия международных организаций: теория и актуальные проблемы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 2. С. 245–271. DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.245.271.

References

1. Kogut V.G., Lukin V.N., Musienko T.V. Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti: problemy normativno-pravovogo obespecheniya // Kul'tura i bezopasnost'. 2023. № 4. S. 22–34.
2. Bragina E.A. Rol' i pravovoe polozhenie mezhdunarodnogo yadernogo prava v sisteme otraslej mezhdunarodnogo publichnogo prava // Global'naya yadernaya bezopasnost'. 2015. № 1(14). S. 86–92.
3. Kozheurov Ya.S. Ot Hirosimy do Fukusimy: mezhdunarodno-pravovye aspekty praktiki gosudarstv po vozmeshcheniyu yadernogo ushcherba // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 5(98). S. 89–109.
4. Fenenko A.V. Politicheskie aspekty problemy yadernoj bezopasnosti v stranah Severnoj Evropy: dis. ... kand. polit. nauk. M.: MGIMO, 2008. 180 s.
5. International Nuclear Law in the Post-Chernobyl Period. OECD. 2006. NEA. № 6146. 242 s.
6. Peterson M. The Chernobyl Disaster. New York: Nova Science Publisher's, 2016. 170 s.
7. Malone L.A. The Chernobyl Accident: A Case Study in International Law Regulating State Responsibility for Transboundary Nuclear Pollution // Columbia Journal of Environmental Law, 2020. № 12(2). S. 203–241. <https://doi.org/10.7916/cjel.v12i2.5683>.
8. Balonov M.I. Posledstviya Chernobylya: 20 let spustya // Radiaciya i risk. 2006. T. 15. № 3–4. S. 97–119.
9. Hodzhabegova K.L. Uchastie MAGATE v reshenii voprosov ohrany okruzhayushchej sredy // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 6. S. 174–177.
10. Kuznecov V.M. Neizvestnyj Chernobyl': Istoriya, sobytiya, fakty, uroki / E.B. Burlakova [i dr.]; pod obshch. red. V.M. Kuznecova. M.: MNEPU, 2006. 381 s.
11. Kuznecov V.M., Yurchevskij E.B., Spiridonov V.P. Pravovoe regulirovanie bezopasnosti atomnyh stancij moshchnosti (ASMM) // Energoberezhenie i vodopodgotovka. 2023. № 2(142). S. 69–79.
12. Anisimov A.P. Vliyanie avarii na CHernobyl'skoj atomnoj elektrostancii na razvitie rossijskogo ekologicheskogo i social'nogo zakonodatel'stva // Yuridicheskaya nauka. 2016. № 1. S. 79–85.
13. Gorbanyov B.I. Glavnaya tajna chernobyl'skogo suda // Byulleten' po atomnoj energii. 2006. № 2. S. 70–74.
14. Maksimenko A.V., Novopavlovskaya E.E. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii na zashchite prav grazhdan, podvergnutih radiacionnomu vozdeystviyu // YUrist"-pravoved". 2018. № 3(86). S. 38–44.
15. Rossijskij nacional'nyj doklad 35 let CHernobyl'skoj avarii: itogi i perspektivy preodoleniya ee posledstvij v Rossii 1986–2021 / pod obshch. red. L.A. Bol'shova. M.: Akadem-Print, 2021. 104 s.
16. Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities // Draft Articles on Prevention of Transboundary Harm from Hazardous Activities, with Commentaries. Yearbook of the International Law Commission. 2001. Vol. II. Part Two. S. 148–170.
17. Müller K. State Responsibility and Nuclear Accidents: The Chernobyl Case // European Journal of International Law. 2020. № 12(2). <https://doi.org/10.7916/cjel.v12i2.5683>.
18. Vande Putte J., Burnie S. Chornobyl Anniversary: Moscow's Nuclear Terror, 39 Years Later // Ukrainska Pravda. 2025. 26 April. URL: <https://www.pravda.com.ua/eng/news/2025/04/26/7528348/> (data obrashcheniya: 01.04.2026).
19. Ternavskaya A.A. The Seizure of the Chornobyl Nuclear Power Plant as a War Crime Against Radioecological Security: Criminological Analysis of the Mechanism

of Commission // Bulletin of Kharkiv National University of Internal Affairs. 2025. Vol. 109. № 2. S. 270–285.

20. Tellioglu E., Yalvac M. Legal Liability for Nuclear Accidents Under International Conventions: Inferences from the Chernobyl and Fukushima Nuclear Accidents // International Journal of Environmental Trends (IJENT). 2025. № 9(2). S. 73–87.

21. Chuvahin P.I. Mezhdunarodno-pravovye osnovy vzaimodejstviya mezhdunarodnyh organizacij: teoriya i aktual'nye problemy // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2025. T. 18. № 2. S. 245–271. DOI:10.17323/2072-8166.2025.2.245.271.

Статья поступила в редакцию 24.04.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 24.04.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

Т.В. Мусиенко – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры управления и экономики Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Россия, 196105, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149); ассоциированный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук – Социологического института РАН, действительный член Петровской академии наук и искусств (Россия, 190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25).

Information about the author

T.V. Musienko – Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Economics of the St. Petersburg university of State fire service of EMERGOM of Russia (Russia, 196105, St. Petersburg, Moskovsky Ave., 149); Associate Researcher at the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts Member of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, 190005, St. Petersburg, 7th Krasnoarmeyskaya St., 25).

УДК 343

**Конституционно-правовое, уголовно-правовое,
уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное
и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 3)**

Андрей Петрович Скиба

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
apskiba@mail.ru, SPIN-код: 7422-9870

Аннотация. Продолжается краткий сравнительный анализ ряда норм Конституции Российской Федерации, а также преимущественно Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации с акцентом на применении наказания в виде смертной казни. Делается вывод, что в контексте взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации в части недопущения совершения лицом, осужденным за особо тяжкое преступление против жизни, нового подобного преступления, целесообразно четко определить конституционно-правовые и отраслевые меры, направленные на всестороннюю защиту от посягательств права человека на жизнь. Обосновывается также необходимость пересмотра конструкции ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации о возможности применения смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни или корректировки в уголовном законе ряда санкций. Вызывает сомнение и открытое провозглашение в Конституции Российской Федерации намерения отказаться в будущем от применения смертной казни как вида наказания, которое обеспечивает недопущение совершения осужденным нового преступления, в том числе против жизни другого человека, при отсутствии «альтернативного» решения данного вопроса.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, смертная казнь, предупреждение преступления, государственная защита прав и свобод человека, особо тяжкие преступления против жизни

Для цитирования: Скиба А.П. Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 3) // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 24–32.

**Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural,
and other regulation: issues of interconnection (part 3)**

Andrey P. Skiba

SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, apskiba@mail.ru, SPIN: 7422-9870

Abstract. Continues with a brief comparative analysis of a number of provisions of the Constitution of the Russian Federation, as well as, primarily, the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, with a focus on the application of the death penalty. It is concluded that, in the context of the interrelated provisions of Part 1 of Article 20 and Part 1 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation, in terms of preventing a person convicted of a particularly serious crime against life from committing a new similar crime, it is advisable to clearly define the constitutional legal and sectoral measures aimed at comprehensive protection against encroachments on the right to life. It is also argued that there is a need to revise the structure of Part 2 of Article 20 of the Constitution of the Russian Federation regarding the possibility of applying the death penalty for particularly serious crimes against life, or to adjust a number of sanctions in the criminal law. The open declaration in the Constitution of the Russian Federation of the intention to abandon the use of the death penalty as a form of punishment in the future, which ensures that the convicted person

will not commit a new crime – including a crime against the life of another person – in the absence of an «alternative» solution to this issue, also raises doubts.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, death penalty, crime prevention, state protection of human rights and freedoms, particularly serious crimes against life

For citation: Skiba A.P. Constitutional, criminal, criminal-executive, criminal-procedural, and other regulation: issues of interconnection (part 3) // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 24–32.

В данной статье с акцентом на вопросы, связанные с применением уголовных наказаний, продолжаем исследование, начатое в предыдущих номерах журнала «Правда и закон» за 2026 г. [1, 2], относительно недостатков взаимосвязи конституционно-правового, уголовно-правового, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного регулирования, а также наличия коллизий законодательства (несмотря на то, что Конституция Российской Федерации¹ имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории нашей страны, а законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 15) – прим. авт.). Наряду с этим по-прежнему отмечаем, что затрагиваем лишь отдельные проблемы взаимосвязи конституционно-правового и отраслевого регулирования (безотносительно изучения судебной практики, в том числе Конституционного суда Российской Федерации – прим. авт.).

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 20 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на жизнь. Данное право человека является одним из основополагающих и закреплено на международном уровне, включая Всеобщую декларацию прав человека².

Реализация права человека на жизнь обеспечивается, помимо прочего, государством, что и закреплено в ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации путем установления, что гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина. В этом случае фактически определяется, что государство должно принимать все правовые и иные меры, необходимые для защиты права человека на жизнь и недопустимости подобного посягательства со стороны иных лиц.

На отраслевом уровне подобное обеспечивается положениями ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (УК РФ) «Необходимая оборона», гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» и другими специально созданными уголовно-правовыми запретами (например, ст. 277, 295, 317 УК РФ и др.), гл. 5 «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»⁴, ст. 14 «Право на применение боевой техники, оружия, специальных средств и физической силы» Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности»⁵, ст. 7 «Пресечение террористических актов в воздушной среде» и ст. 8 «Пресечение террористических актов во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства» Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁶ и т.д. Данные нормативные правовые

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 20 февр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О полиции: Федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ «О федеральной службе безопасности: Федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О противодействии терроризму: Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

акты, предусматривающие причинение в соответствии с законодательством вреда лицу, которое своими незаконными действиями посягает на права других лиц (включая право на жизнь – прим. авт.), являются непосредственно применяемыми на практике, в том числе путем реализации своих полномочий вышеуказанными правоохранительными и иными государственными органами.

Однако иная ситуация имеет место с одним из уголовных наказаний – согласно ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации смертная казнь (которая может исполняться исключительно государственными органами – прим. авт.) впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Между тем наличие данного вида наказания (несмотря на намерение законодателя его упразднить – прим. авт.) полностью соответствует конституционным нормам в контексте определения правового положения человека, поскольку, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (то есть на уровне федерального закона, в том числе УК РФ, разрешается в установленном законом порядке применять к преступнику любой вид наказания, включая смертную казнь, предусмотренную ст. 59 УК РФ, для недопущения его посягательства на права иных лиц, в том числе права на жизнь – прим. авт.).

Фактически из положений ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 45 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации следует, что государство должно принимать все необходимые меры, регулируемые на отраслевом уровне, для недопущения посягательства на жизнь человека, что в контексте данного исследования (в рамках назначения и исполнения уголовных наказаний – прим. авт.) означало бы применение таких наказаний, которые не позволяют осужденному совершить новое преступление, в том числе против жизни человека. Понимая наличие значительного профилактического потенциала у наказаний как в виде лишения свободы [3–6], так и не связанных с ним [7–11], отметим, что, вероятно, лишь применение смертной казни позволяет стопроцентно не допустить совершения осужденным нового преступления (хотя в этом случае не достигается другая цель уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, предусмотренная ч. 2 ст. 43 УК РФ и ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁷ (УИК РФ), заключающаяся в исправлении осужденного – прим. авт.).

Не вдаваясь в уже давно активно ведущуюся дискуссию относительно (не-)целесообразности/обоснованности применения наказания в виде смертной казни [12–19], акцентируем внимание на отдельных вопросах.

Так, в Конституции Российской Федерации отражено стремление законодателя в принципе отменить смертную казнь как вид наказания. С учетом того, что разд. 1 Основного закона страны в целом составлен по принципу «здесь и сейчас» (лат., *hic et nunc*), такой подход в отношении именно смертной казни вызывает сомнение в своей обоснованности и выглядит как некое «отступление» от общего правила.

При этом открытое провозглашение в Конституции Российской Федерации намерения отказаться в каком-либо обозримом будущем от применения смертной казни как вида наказания, которое стопроцентно обеспечивает недопущение совершения осужденным нового преступления, в том числе против жизни другого

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 11 февр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

человека, не влечет формулирования «альтернативного» решения данного вопроса на конституционном уровне. В этом случае логично было бы вышеуказанный вопрос либо всесторонне раскрыть в Основном законе нашей страны, либо вообще подобные намерения «о будущем» исключить из его текста (второй подход, вне зависимости от того, будет ли в итоге (не-) применяться смертная казнь, кажется более предпочтительным – прим. авт.).

Предложенная в теории уголовного и уголовно-исполнительного права, а также имеющаяся в отраслевом законодательстве некая «альтернатива» смертной казни в виде пожизненного лишения свободы [20–23] не выдерживает серьезной критики поскольку согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ такой осужденный может быть освобожден условно-досрочно, если судом будет признано, что он не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыл не менее 25 лет лишения свободы (за исключением осуждения этого лица за совершение преступления, предусмотренного ст. 205, 205.1, 205.3, 205.4, 205.5, 279, 361 УК РФ, либо совершения им в период отбывания пожизненного лишения свободы нового тяжкого или особо тяжкого преступления – прим. авт.).

Таким образом, представляется требующей корректировки конструкция в ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации, закрепляющая как таковую смертную казнь, но ориентирующая законодателя на ее последующую отмену, тем более без законодательного предложения разрешения исследуемого вопроса по существу в контексте взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации.

Более того, несмотря на нормативно закрепленное в ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации желание законодателя отменить смертную казнь, в настоящее время уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство уже содержат основные положения, позволяющие назначать и исполнять наказание в виде смертной казни, а также освобождать от него. В частности, в ст. 59 УК РФ определен перечень лиц, которым наказание в виде смертной казни не назначается, а также предусмотрена возможность в порядке помилования заменить его пожизненным лишением свободы или лишением свободы на срок 25 лет; гл. 23 УИК РФ посвящена в целом исполнению наказания в виде смертной казни; ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁸ (УПК РФ) – особенностям подсудности уголовных дел, по которым в качестве наиболее строгого вида наказания могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь; ст. 51 УПК РФ – обязанности участия защитника в уголовном судопроизводстве, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение свободы или смертная казнь и т.д. При этом в уголовно-исполнительном законе даны общие положения исполнения наказания в виде смертной казни (ст. 184 УИК РФ), описываются особенности правового положения такого осужденного (ст. 185 УИК РФ) и раскрыт порядок исполнения данного вида наказания (ст. 186 УИК РФ).

В настоящее время также законодательно предусмотрены возможности по освобождению осужденного от отбывания рассматриваемого наказания. Так, в ст. 59 УК РФ и ст. 184, 185 УИК РФ прямо говорится о праве на помилование осужденного к смертной казни, а в ст. 81, 84 УК РФ – соответственно о возможности освобождения от наказания (без конкретизации его вида, то есть теоретически и в отношении смертной казни – прим. авт.) в связи с болезнью осужденного или при его амнистировании.

Таким образом, несмотря на желание законодателя в принципе отменить смертную казнь в качестве вида наказания, изложенное в Конституции Российской Федерации, действующее уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-

⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 8 марта 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исполнительное законодательство содержат в целом необходимые положения, позволяющие его применять на практике.

Кроме того, формулировка ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации о возможности применения смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни вызывает вопрос в контексте изучения положений уголовного законодательства, которое содержит соответствующий раздел, посвященный преступлениям против жизни.

Так, смертная казнь в качестве вида наказания действительно может применяться за совершение одного из преступлений, указанных в гл. 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья» – убийства (ч. 2 ст. 105).

Если же рассматривать возможность назначения данного наказания за другие общественно опасные деяния, то они уже расположены в иных главах действующего уголовного закона: ст. 227 УК РФ «Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля» находится в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование» – в гл. 31 «Преступления против правосудия», ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа» – в гл. 32 «Преступления против порядка управления», а ст. 357 УК РФ «Геноцид» – в гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». В этом случае получается, что смертная казнь может применяться за преступления, представляющие более серьезную угрозу безопасности общества и государства, чем за собственно преступления против жизни.

Более того, объективная сторона преступления, предусмотренного в ст. 357 УК РФ «Геноцид», кроме действий, непосредственно направленных против жизни, также включает еще причинение тяжкого вреда здоровью людей, насильственное воспрепятствование деторождению, принудительную передачу детей, насильственное переселение и пр.

В этой связи дополнительно актуализируется вопрос о том, обоснованно ли назначать смертную казнь за совершение преступлений, непосредственно не посягающих на жизнь человека (или же наоборот – необходимо расширить перечень таких составов), а также в рамках дискуссии о «высшей ценности» прав человека в сравнении с необходимостью обеспечения безопасности общества и государства [24–29], следует ли считать наиболее общественно опасными преступления не против жизни человека, а против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества и т.д.

При этом совершение некоторых общественно опасных деяний, непосредственно направленных против жизни человека и одновременно снижающих уровень безопасности общества и государства, по непонятной причине не влечет даже теоретическую возможность назначения виновным лицам смертной казни (например: применение насилия в отношении представителя власти, опасного для его жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья (ч. 3 ст. 321 УК РФ), мародерство, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия (ч. 3 ст. 356.1 УК РФ), мародерство, соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего (ч. 4 ст. 356.1 УК РФ) и т.п.).

Очевидно, что целесообразен либо пересмотр конструкции ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации в части возможности установления смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни, либо корректировка в уголовном законе ряда санкций за совершение соответствующих деяний.

Кроме того, в контексте взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 20 и ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации в части недопущения совершения лицом, осужденным за особо тяжкое преступление против жизни, нового подобного преступления, логично было бы определиться с конституционно-правовыми и/или

отраслевыми мерами, направленными на всестороннюю защиту от посягательств на право человека на жизнь.

Представляется, что вышеуказанные и иные подобные недостатки законодательства требуют продолжения комплексного переосмысления конституционно-правового и отраслевого регулирования различных вопросов при применении уголовных наказаний.

Список источников

1. Скиба А.П. Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 1) // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 15–21.
2. Скиба А.П. Конституционно-правовое, уголовно-правовое, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное и иное регулирование: вопросы взаимосвязи (часть 2) // Правда и закон. 2026. № 2(36). С. 18–24.
3. Ишигеев В.С., Закаржевский Н.Н., Лапша В.А. Актуальные вопросы предупреждения и пресечения преступлений и правонарушений в местах лишения свободы и правовой статус осужденных: монография. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021.
4. Костюк М.Ф. Предупреждение преступлений, совершаемых в местах лишения свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 27(281). С. 96–98.
5. Кунц Е.В. Общесоциальное предупреждение рецидива преступлений лицами, ранее отбывавшими наказание в виде лишения свободы // Вестник Кузбасского института. 2023. № 2(55). С. 90–98.
6. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю., Неганов Д.А. Государственно-частное партнерство в предупреждении совершения новых преступлений в местах лишения свободы (на примере общественно опасных деяний экстремистской направленности) // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18. № 1. С. 42–51.
7. Направления совершенствования уголовно-исполнительного и иного законодательства в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»: монография / Е.В. Ермасов [и др.]; под ред. А.П. Скибы. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2026.
8. Ольховик Н.В. Ресоциализация осужденных без изоляции от общества и деятельность уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению преступлений // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 1(7). С. 68–74.
9. Рогова Е.В., Гайдай М.К. Применение профилактических мер к несовершеннолетним, осужденным к наказаниям без изоляции от общества // Сибирский юридический вестник. 2020. № 4(91). С. 78–82.
10. Организационно-правовое и научно-методическое обеспечение деятельности специализированных государственных органов уголовно-исполнительной системы по ресоциализации осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы в механизме предупреждения повторных преступлений: монография / И.Н. Смирнова [и др.]. Псков: Псковский государственный университет, 2026.
11. Уткин В.А. Правовые основы участия общественности и трудовых коллективов в предупреждении рецидива преступлений среди осужденных без лишения (ограничения) свободы и судимых: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1990.
12. Дементьев С.И., Дзигарь А.А. О целесообразности смертной казни // Бизнес в законе. 2006. № 1-2. С. 87–89.
13. Коробеев А.И. Смертная казнь: целесообразность сохранения // Lex Russica (Русский закон). 2016. № 7(116). С. 190–199.

14. Милюков С.Ф. Смертная казнь как актуальное наказание // Профессиональное юридическое образование и наука. 2021. № 1(1). С. 11–22.
15. Минязева Т.Ф., Добряков Д.А. И все же, где поставить запятую: «казнить нельзя помиловать»? // Библиотека криминалиста. 2016. № 2(25). С. 9–16.
16. Побегайло Э.Ф. Современная криминологическая ситуация и проблема смертной казни // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 208–215.
17. Рарог А.И. Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 6. С. 661–668.
18. Скобликов П.А. Смертная казнь: доводы против и их опровержение // Российский криминологический взгляд. 2011. № 2. С. 286–290.
19. Смертная казнь: за и против: сб. статей / отв. ред. С.Г. Келина. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1989. 528 с.
20. Андреева В.Н. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы как ее альтернатива: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
21. Борсученко С.А., Дроздов В.Ю. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: анализ российского законодательства и правоприменительной практики: монография. М.: РПА Минюста России, 2011.
22. Куликов А.В., Ткачева С.В., Шелег О.А. Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни: монография. М.: Русайнс, 2024.
23. Подройкина И.А. Смертная казнь или пожизненное лишение свободы? // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 11(114). С. 122–125.
24. Права человека и безопасность в современном мире: гибридные угрозы и новые вызовы: монография / Н.Н. Аверьянова [и др.]. М.: Проспект, 2023.
25. Воронцов С.А. О соотношении прав и свобод человека с уровнем безопасности личности, общества, государства в период пандемии // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 5(120). С. 50–53.
26. Гончаров И.В. Проблемы прав человека при обеспечении безопасности государства // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 10. С. 154–156.
27. Ильин И.С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2023.
28. Крылов Н.Б. Международная безопасность, вооруженная сила и массовые нарушения прав человека // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 1. С. 233–246.
29. Мархгейм М.В. Безопасность государства и права человека: диалектики приоритетов // Реализация конституционных прав человека и гражданина в Российской Федерации в контексте национальной безопасности: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. Т.Н. Матюшева, А.Е. Горбань, С.В. Радаева, И.В. Карданова. Ростов н/Д.: Российский государственный университет правосудия, 2018. С. 90–95.

References

1. Skiba A.P. Konstitucionno-pravovoe, ugovolno-pravovoe, ugovolno-ispolnitel'noe, ugovolno-processual'noe i inoe regulirovanie: voprosy vzaimosvyazi (chast' 1) // Pravda i zakon. 2026. № 1(35). S. 15–21.
2. Skiba A.P. Konstitucionno-pravovoe, ugovolno-pravovoe, ugovolno-ispolnitel'noe, ugovolno-processual'noe i inoe regulirovanie: voprosy vzaimosvyazi (chast' 2) // Pravda i zakon. 2026. № 2(36). S. 18–24.
3. Ishigeev V.S., Zakarzhevskij N.N., Lapsha V.L. Aktual'nye voprosy preduprezhdeniya i presecheniya prestuplenij i pravonarushenij v mestah lisheniya

svobody i pravovoj status osuzhdennyh: monografiya. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2021.

4. Kostyuk M.F. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh v mestah lisheniya svobody // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 27(281). S. 96–98.

5. Kunc E.V. Obshchesocial'noe preduprezhdenie recidiva prestuplenij licami, ranee otbyvavshimi nakazanie v vide lisheniya svobody // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2023. № 2(55). S. 90–98.

6. Petryanin A.V., Bogomolov S.Yu., Neganov D.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v preduprezhdenii soversheniya novyh prestuplenij v mestah lisheniya svobody (na primere obshchestvenno opasnyh deyanij ekstremistskoj napravlenosti) // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2023. T. 18. № 1. S. 42–51.

7. Napravleniya sovershenstvovaniya ugolovno-ispolnitel'nogo i inogo zakonodatel'stva v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O probacii v Rossijskoj Federacii»: monografiya / E.V. Ermasov [i dr.]; pod red. A.P. Skiby. 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2026.

8. Ol'hovik N.V. Resocializaciya osuzhdennyh bez izolyacii ot obshchestva i deyatel'nost' ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij po preduprezhdeniyu prestuplenij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2013. № 1(7). S. 68–74.

9. Rogova E.V., Gajdaj M.K. Primenenie profilakticheskikh mer k nesovershennoletnim, osuzhdennym k nakazaniyam bez izolyacii ot obshchestva // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2020. № 4(91). S. 78–82.

10. Organizacionno-pravovoe i nauchno-metodicheskoe obespechenie deyatel'nosti specializirovannyh gosudarstvennyh organov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy po resocializacii osuzhdennyh k nakazaniyam, ne svyazannym s lisheniem svobody v mekhanizme preduprezhdeniya povtornyh prestuplenij: monografiya / I.N. Smirnova [i dr.]. Pskov: Pskovskij gosudarstvennyj universitet, 2026.

11. Utkin V.A. Pravovye osnovy uchastiya obshchestvennosti i trudovyh kollektivov v preduprezhdenii recidiva prestuplenij sredi osuzhdennyh bez lisheniya (ogranicheniya) svobody i sudimyh: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. Har'kov, 1990.

12. Dement'ev S.I., Dzigar' A.L. O celesoobraznosti smertnoj kazni // Biznes v zakone. 2006. № 1-2. S. 87–89.

13. Korobeev A.I. Smertnaya kazn': celesoobraznost' sohraneniya // Lex Russica (Russkij zakon). 2016. № 7(116). S. 190–199.

14. Milyukov S.F. Smertnaya kazn' kak aktual'noe nakazanie // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2021. № 1(1). S. 11–22.

15. Minyazeva T.F., Dobryakov D.A. I vse zhe, gde postavit' zapyatuyu: «kaznit' nel'zya pomilovat'»? // Biblioteka kriminalista. 2016. № 2(25). S. 9–16.

16. Pobegajlo E.F. Sovremennaya kriminologicheskaya situaciya i problema smertnoj kazni // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2009. № 4. S. 208–215.

17. Rarog A.I. Eshche raz o smertnoj kazni // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2022. T. 16. № 6. S. 661–668.

18. Skoblikov P.A. Smertnaya kazn': dovody protiv i ih oproverzhenie // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2011. № 2. S. 286–290.

19. Smertnaya kazn': za i protiv: sb. statej / otv. red. S.G. Kelina. M.: Izd-vo «Yuridicheskaya literatura», 1989. 528 s.

20. Andreeva V.N. Smertnaya kazn' i pozhiznennoe lishenie svobody kak ee al'ternativa: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2000.

21. Borsuchenko S.A., Drozdov V.Yu. Smertnaya kazn' i pozhiznennoe lishenie svobody: analiz rossijskogo zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki: monografiya. M.: RPA Minyusta Rossii, 2011.

22. Kulikov A.V., Tkacheva S.V., Sheleg O.A. Pozhiznennoe lishenie svobody kak al'ternativa smertnoj kazni: monografiya. M.: Rusajns, 2024.

23. Podrojkina I.A. Smertnaya kazn' ili pozhiznennoe lishenie svobody? // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019. № 11(114). S. 122–125.

24. Prava cheloveka i bezopasnost' v sovremennom mire: gibridnye ugrozy i novye vyzovy: monografiya / N.N. Aver'yanova [i dr.]. M.: Prospekt, 2023.
25. Voroncov S.A. O sootnoshenii prav i svobod cheloveka s urovnem bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstva v period pandemii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 5(120). S. 50–53.
26. Goncharov I.V. Problemy prav cheloveka pri obespechenii bezopasnosti gosudarstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2008. № 10. S. 154–156.
27. Il'in I.S. Teoreticheskie osnovy kriminologicheskogo analiza i preduprezhdeniya demonstrativno-protestnoj prestupnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2023.
28. Krylov N.B. Mezhdunarodnaya bezopasnost', vooruzhennaya sila i massovye narusheniya prav cheloveka // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2013. № 1. S. 233–246.
29. Marhgejm M.V. Bezopasnost' gosudarstva i prava cheloveka: dialektiki prioritetov // Realizaciya konstitucionnyh prav cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii v kontekste nacional'noj bezopasnosti: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem / otv. red. T.N. Matyusheva, A.E. Gorban', S.V. Radaeva, I.V. Kardanova. Rostov n/D.: Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, 2018. S. 90–95.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 15.07.2026; принята к публикации 16.07.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 15.07.2026; accepted for publication 16.07.2026.

Информация об авторе

А.П. Скиба – доктор юридических наук, профессор, декан факультета подготовки научно-педагогических кадров и организации научно-исследовательской работы Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

A.P. Skiba – Doctor of Law, Professor, dean of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff Training and Organization of Research work of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

УДК 343.3

**Обусловленность противодействия незаконной миграции:
теоретико-правовой анализ**

Юрий Сергеевич Магнутов

Борский городской суд Нижегородской области, Бор, Россия,
magnutov2018@yandex.ru, SPIN-код: 6439-2791

Аннотация. Исследуется комплекс факторов, обуславливающих необходимость и специфику противодействия незаконной миграции в Российской Федерации. Анализируются социально-экономические, политические, криминогенные и иные детерминанты, формирующие потребность в совершенствовании механизмов правового регулирования миграционных процессов. Рассматривается эволюция законодательства об ответственности за нарушения миграционных правил, а также новейшие изменения в данной сфере. Особое внимание уделяется проблеме определения незаконной миграции, ее общественной опасности и влиянию на национальную безопасность. На основе проведенного анализа формулируются выводы о системной обусловленности мер противодействия незаконной миграции и направлениях совершенствования правового регулирования.

Ключевые слова: незаконная миграция, противодействие преступности, миграционная политика, национальная безопасность, уголовная ответственность, криминологическая детерминация, административное принуждение

Для цитирования: Магнутов Ю.С. Обусловленность противодействия незаконной миграции: теоретико-правовой анализ // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 33–40.

**The conditionality of combating illegal migration:
a theoretical and legal analysis**

Yuri S. Magnutov

Borsky City Court of the Nizhny Novgorod Region, Bor, Russia,
magnutov2018@yandex.ru, SPIN: 6439-2791

Abstract. Examines the complex factors that determine the necessity and specific nature of combating illegal migration in the Russian Federation. It analyzes the socioeconomic, political, criminogenic, and other determinants that shape the need to improve mechanisms for legal regulation of migration processes. The evolution of legislation on liability for violations of migration regulations, as well as recent developments in this area, is examined. Particular attention is paid to the definition of illegal migration, its social danger, and its impact on national security. Based on the analysis, conclusions are drawn regarding the systemic conditionality of measures to combat illegal migration and areas for improving legal regulation.

Keywords: illegal migration, combating crime, migration policy, national security, criminal liability, criminological determination, administrative coercion

For citation: Magnutov Yu.S. The conditionality of combating illegal migration: a theoretical and legal analysis // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 33–40.

Миграционные процессы в современном мире приобретают все более сложный и масштабный характер. Российская Федерация, обладая уникальным геополитическим положением и оставаясь привлекательной для трудовых мигрантов

из стран ближнего и дальнего зарубежья, сталкивается с многообразными вызовами, связанными с нелегальной миграцией. Актуальность исследования обусловленности противодействия незаконной миграции продиктована не только ростом количественных показателей данного явления, но и качественными изменениями его структуры, появлением новых форм и способов организации нелегальных миграционных потоков.

Как отмечается в современных научных исследованиях, вопросы регулирования миграционных потоков остаются чрезвычайно актуальными для Российской Федерации [1]. Миграционная ситуация складывается непростая. Решение проблем, существующих в этой сфере, требует комплексных мер, ориентированных на противодействие нарушениям миграционного законодательства, включая пресечение каналов нелегального трафика мигрантов.

Цель данного исследования состоит в выявлении и систематизации факторов, детерминирующих необходимость противодействия незаконной миграции, а также в анализе адекватности правовых мер характеру и степени общественной опасности данного явления. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: рассмотрение понятия и сущности незаконной миграции; анализ социально-экономических, политических и криминогенных факторов, обуславливающих противодействие незаконной миграции; исследование эволюции законодательства в данной сфере; выявление проблем правоприменительной практики и направлений совершенствования правового регулирования.

В юридической науке отсутствует единообразное понимание незаконной миграции, что создает определенные трудности как для теоретических разработок, так и для правоприменительной практики. Легальное определение данного понятия в российском законодательстве не закреплено, что порождает множественность доктринальных подходов.

В наиболее общем виде незаконную миграцию можно определить как перемещение через государственную границу или пребывание на территории государства иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением установленного законом порядка. Однако данное определение не охватывает всего многообразия проявлений этого сложного социально-правового явления.

Как справедливо отмечается в научной литературе, проблема определения незаконной миграции обусловлена рядом обстоятельств: наличием спора о выделении миграционного права в самостоятельную отрасль; различным подходом законодателя, правоприменителя и научного сообщества к определению терминов, связанных с миграционной деятельностью; отсутствием систематизированного миграционного законодательства.

В уголовном законодательстве понятие незаконной миграции раскрывается через составы преступлений, предусмотренных ст. 322–322.3 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ). К ним относятся: незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации (ст. 322 УК РФ), организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ), фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации (ст. 322.2 УК РФ), фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации (ст. 322.3 УК РФ).

Следующей, не менее значимой проблемой обусловленности противодействия незаконной миграции является определение ее уровня общественной опасности, в целях принятия соответствующих симметричных политико-правовых мер

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

реагирования. Общественная опасность незаконной миграции проявляется в различных сферах жизнедеятельности общества и государства. В современной научной литературе она рассматривается как одна из серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации [2, 3]. Обусловлено это следующими факторами.

Во-первых, незаконная миграция создает условия для функционирования теневой экономики. Нелегальные мигранты, не имея официального статуса, трудоустраиваются без оформления трудовых отношений, что влечет неуплату налогов, нарушение трудовых прав самих мигрантов и недобросовестную конкуренцию легальным работодателям. В современной уголовно-правовой науке она рассматривается как дисфункция национальной экономики [4].

Во-вторых, незаконная миграция сопряжена с ростом преступности. Речь идет как о преступлениях, совершаемых самими мигрантами, так и о преступлениях, направленных против них. Особую опасность представляет деятельность организованных групп, специализирующихся на организации нелегальной миграции, подделке документов и торговле людьми.

В-третьих, незаконная миграция способствует формированию этнических анклавов, возникновению социальной напряженности и межнациональных конфликтов. Как отмечается в политическом дискурсе, в таких анклавах возникает параллельный мир со своими ценностями и законами, опирающийся на всевозможные диаспоры и землячества [5].

В-четвертых, незаконная миграция создает предпосылки для проникновения на территорию страны лиц, причастных к террористической и экстремистской деятельности. Эта угроза особенно актуализировалась в свете последних событий, требующих усиления контроля за миграционными потоками [6].

Обусловленность противодействия незаконной миграции коренится, прежде всего, в социально-экономической сфере. Основной причиной, побуждающей людей к нелегальной миграции, являются экономические трудности в странах исхода: безработица, низкий уровень оплаты труда, отсутствие перспектив профессиональной реализации.

Россия, обладая значительными экономическими возможностями и потребностью в рабочей силе в ряде отраслей (строительство, сельское хозяйство, сфера обслуживания), объективно привлекательна для трудовых мигрантов. Однако дисбаланс между потребностями экономики и возможностями легального трудоустройства создает благоприятную почву для развития нелегальной миграции.

Как показывает исторический анализ, в 90-е гг. прошлого века на фоне еще развивающейся правовой базы для регулирования пребывания мигрантов в России появилось большое количество нелегальных мигрантов, которые работали на стройках, в сфере обслуживания и других отраслях экономики. Они жили в непригодных для жилья условиях и часто становились жертвами эксплуатации со стороны работодателей.

В ответ на это правительство России начало бороться с нелегальной миграцией. Были приняты законы, которые ужесточили ответственность за незаконное пересечение границы и трудоустройство нелегальных мигрантов. Были созданы специальные органы, которые занимались их выявлением и депортацией [7].

Обусловленность противодействия незаконной миграции также связана с высокой степенью криминализации данной сферы. Незаконная миграция редко существует изолированно, как правило, она сопряжена с целым комплексом иных правонарушений и преступлений.

Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве выявляемых нарушений миграционного законодательства. Только за 2025 г. сотрудниками российской полиции выявлено более 1 400 фактов подделки

миграционных документов [8]. Это свидетельствует не только о масштабах проблемы, но и о профессионализации преступной деятельности в данной сфере.

Особую озабоченность вызывает деятельность организованных групп, специализирующихся на организации незаконной миграции. Они, как правило, имеют транснациональный характер, устойчивые связи с коррумпированными должностными лицами и значительные финансовые ресурсы.

В научных исследованиях отмечается необходимость выявления распространенных видов, способов и признаков незаконной миграции, а также разработки комплексных системных мер по укреплению законности въезда и пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства [9].

Обусловленность противодействия незаконной миграции имеет также политико-правовое измерение. Государство как основной субъект управления миграционными процессами обязано обеспечивать баланс между открытостью экономики и безопасностью общества, между соблюдением прав мигрантов и защитой интересов принимающего населения.

В последние годы наблюдается существенная трансформация государственной миграционной политики России. В настоящее время борьба с нелегальной миграцией относится к числу приоритетных задач Министерства внутренних дел России.

Политическая обусловленность противодействия незаконной миграции усилилась после ряда резонансных событий, включая террористические акты, совершенные лицами, имевшими отношение к нелегальной миграции. Это потребовало не только усиления правоохранительной составляющей, но и пересмотра концептуальных подходов к регулированию миграционных процессов.

Отмеченное выше усложняет становление миграционного законодательства России, соответствующего современным реалиям в исследуемой области.

Первым системообразующим актом в данной сфере стал Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»², который определил правовые основы статуса иностранцев и порядок их пребывания на территории страны.

Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией, была установлена Федеральным законом от 28 декабря 2004 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»³, которым УК РФ был дополнен ст. 322.1 (организация незаконной миграции), 322.2 (фиктивная регистрация) и 322.3 (фиктивный учет).

В 2024–2025 гг. произошло существенное обновление законодательства в сфере противодействия незаконной миграции. Ключевым событием стало принятие Федерального закона от 9 ноября 2024 г. № 383-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁴, которым были внесены изменения в УК РФ, существенно усиливающие ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией.

Анализ нововведений позволяет выделить следующие наиболее значимые изменения:

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 28 дек. 2004 г. № 187-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 9 нояб. 2024 г. № 383-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– установление минимальных пределов наказания. За действия по организации незаконной миграции теперь установлен минимальный предел наказания в виде лишения свободы на срок от двух лет (ранее минимальный срок составлял два месяца);

– введение новых квалифицирующих признаков. Например, ч. 2 ст. 322.1 УК РФ дополнена признаками: «с использованием поддельных документов, а равно с изъятием, сокрытием либо уничтожением документов, удостоверяющих личность» и «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет»;

– более глубокая дифференциация ответственности. Введена ч. 3 ст. 322.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за деяния, совершенные организованной группой или в целях совершения тяжких или особо тяжких преступлений;

– изменение категории тяжести преступлений. Максимальное наказание за фиктивную регистрацию и фиктивную постановку на учет (ст. 322.2 и 322.3 УК РФ) увеличено с трех до пяти лет лишения свободы. Реализация такого приема юридической техники повлекла увеличение сроков давности привлечения к ответственности и расширило возможности назначения реального лишения свободы;

– отдельно отметим включение в ст. 63 УК РФ нового отягчающего обстоятельства: «Совершение преступления лицом, незаконно находящимся на территории Российской Федерации».

Кроме того, в 2024 г. был введен принципиально новый институт – режим высылки. Как отмечается в научных публикациях, он предусматривает применение комплекса запретов и ограничений для незаконных мигрантов в качестве меры федерального государственного контроля (надзора) в рассматриваемой сфере юридического регулирования [10].

В рамках введения этого режима значительно расширены полномочия должностных лиц органов внутренних дел при осуществлении контроля за нахождением в России контролируемого лица. Полиция теперь может депортировать нелегалов без решения суда [11].

Отмеченное также актуализирует развитие направления по предупреждению взятых для рассмотрения форм криминально-деликвентного поведения.

Профилактика незаконной миграции представляет собой самостоятельное направление противодействия, имеющее собственную теоретико-правовую основу. В современной юридической доктрине под профилактикой незаконной миграции понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих незаконному перемещению через границу и присутствию на территории государства мигрантов [12].

В рамках системы профилактики незаконной миграции предлагается рассматривать несколько взаимосвязанных направлений:

– во-первых, это устранение причин и условий. Данное направление предполагает воздействие на факторы, порождающие незаконную миграцию: экономическое неравенство, политическую нестабильность в странах исхода, недостатки национального миграционного законодательства;

– во-вторых, совершенствование механизмов легальной миграции, то есть создание доступных и эффективных каналов легального въезда и пребывания, что снижает стимулы к использованию противоправных способов миграции. Как отмечается в публичных выступлениях российских политических деятелей, если иностранцу нечего скрывать, он законопослушен и хочет честно трудиться – для этого должны быть созданы все возможности;

– в-третьих, информационное обеспечение, предполагающее распространение информации о правовых последствиях нарушения миграционного законодательства,

о рисках, связанных с нелегальным статусом, что способствует формированию законопослушного поведения;

– в-четвертых, развитие международного сотрудничества. Противодействие незаконной миграции невозможно без координации усилий стран происхождения, транзита и назначения мигрантов. Важную роль здесь играют двусторонние соглашения и многосторонние механизмы в рамках интеграционных объединений (СНГ, ЕАЭС);

– в-пятых, решение имеющихся проблем при квалификации деяний, связанных с нелегальной миграционной деятельностью. Например, к числу наиболее сложных вопросов относятся: разграничение организации незаконной миграции и пособничества в незаконном пересечении границы; квалификация действий по подделке документов для мигрантов; определение момента окончания преступления; установление субъективной стороны при фиктивной регистрации.

Важную роль в обеспечении единообразия судебной практики конечно же играет постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2020 г. № 18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией»⁵. Но оно не дает ответа на все вышеуказанные вопросы, связанные с правовой оценкой противоправного поведения, сопряженного с нелегальным миграционным поведением. Вместе с тем подчеркнем, что п. 19 данного постановления рекомендует судам выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению данных преступлений, и реагировать на них частными определениями.

Изучение современного состояния противодействия незаконной миграции позволяет выделить следующие перспективные направления совершенствования правового регулирования:

1. Систематизация миграционного законодательства. Отсутствие единого кодифицированного акта в сфере миграции создает трудности как для правоприменителей, так и для самих мигрантов. Перспективным представляется разработка Миграционного кодекса Российской Федерации, который объединил бы разрозненные нормы и устранил существующие противоречия.

2. Совершенствование механизмов идентификации. Введение обязательной биометрии при пересечении границы и расширение практики дактилоскопической регистрации позволят исключить возможность повторного въезда лиц, ранее высланных из страны, под измененными анкетными данными.

3. Развитие институтов ответственности работодателей. Целесообразно усиление ответственности юридических и физических лиц, привлекающих нелегальных мигрантов к труду, включая введение механизмов депозитарного обеспечения выполнения обязательств перед работниками-мигрантами.

4. Оптимизация финансовых механизмов. Предлагается введение въездного сбора для иностранных граждан, прибывающих в безвизовом порядке, с направлением аккумулированных средств на финансирование депортационных мероприятий.

5. Усиление контроля за интеграцией мигрантов. Необходимо создание действенных механизмов, обеспечивающих адаптацию и интеграцию законно пребывающих мигрантов в российское общество, включая изучение языка, истории, правовых основ.

В заключение делаем вывод о комплексной, многофакторной обусловленности противодействия незаконной миграции. Ее социально-экономические, криминологические, политико-правовые детерминанты формируют объективную

⁵ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 июля 2020 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

потребность в совершенствовании механизмов правового регулирования миграционных процессов и усилении ответственности за нарушения в данной сфере.

Существенное обновление законодательства в 2024–2025 гг., включая усиление уголовной ответственности, введение режима высылки, расширение полномочий органов внутренних дел, свидетельствует о понимании государством масштабов угроз, связанных с незаконной миграцией, и готовности к решительным действиям по их нейтрализации.

Вместе с тем эффективное противодействие незаконной миграции невозможно ограничить исключительно репрессивными мерами. Необходим комплексный подход, сочетающий совершенствование законодательства, развитие институтов профилактики, создание условий для легальной миграции и международное сотрудничество. Только такой системный подход позволит обеспечить баланс между потребностями экономики в трудовых ресурсах и требованиями национальной безопасности, между открытостью страны и защитой интересов российского общества.

Дальнейшие научные исследования в данной сфере должны быть направлены на разработку теоретических основ систематизации миграционного законодательства, совершенствование методик выявления, расследования и квалификации преступлений, связанных с незаконной миграцией, а также на изучение позитивного зарубежного опыта противодействия данному явлению.

Список источников

1. Розовская Т.И., Петрянин А.В. Миграция и преступность: частный взгляд на проблему // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 4. С. 42–49.
2. Емельянова Е.В., Петрянин А.В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: переоценка современных вызовов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 4. С. 10–16.
3. Емельянова Е.В., Петрянин А.В. Основы обеспечения национальной безопасности // Основные направления совершенствования системы национальной безопасности. 2022. № 2. С. 131–133.
4. Санинский Р.А. Концептуальные основы противодействия и специального предупреждения теневой экономики: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2025. С. 11.
5. Миронов С.М. Такая миграция нам не нужна: интервью // Парламентская газета. 2025. 14 апр. URL: <https://www.pnp.ru/social/sergey-mironov-takaya-migraciya-nam-ne-nuzhna.html> (дата обращения: 23.02.2026).
6. Петрянин А.В. Миграция как фактор распространения поддельных денег или ценных бумаг в целях финансирования экстремистской деятельности // Противодействие преступлениям в сфере экономики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2015. С. 293–296.
7. Торбенко С.Д. Незаконная миграция: причины, последствия и пути преодоления // Миграционное право. 2024. № 2. С. 34–36.
8. Волк И. МВД России напоминает об ответственности за подделку миграционных документов // Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/news/item/33568795/> (дата обращения: 23.02.2026).
9. Мерецкий Н.Е., Жердев П.А. Правовые возможности регулирования незаконной миграции и преступности среди населения в Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33. № 2. С. 207–215.

References

1. Rozovskaya T.I., Petryanin A.V. Migratsiya i prestupnost': chastnyj vzglyad na problemu // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2023. № 4. S. 42–49.
2. Emel'yanova E.V., Petryanin A.V. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: pereocenka sovremennyh vyzovov // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2021. № 4. S. 10–16.
3. Emel'yanova E.V., Petryanin A.V. Osnovy obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Osnovnye napravleniya sovershenstvovaniya sistemy nacional'noj bezopasnosti. 2022. № 2. S. 131–133.
4. Saninskij R.A. Konceptual'nye osnovy protivodejstviya i special'nogo preduprezhdeniya tenevoj ekonomiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. Kazan', 2025. S. 11.
5. Mironov S.M. Takaya migratsiya nam ne nuzhna: interv'yu // Parlamentskaya gazeta. 2025. 14 apr. URL: <https://www.pnp.ru/social/sergey-mironov-takaya-migratsiya-nam-ne-nuzhna.html> (data obrashcheniya: 23.02.2026).
6. Petryanin A.V. Migratsiya kak faktor rasprostraneniya poddel'nyh deneg ili cennyh bumag v celyah finansirovaniya ekstremistskoj deyatel'nosti // Protivodejstvie prestupleniyam v sfere ekonomiki: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. A.I. Bastrykina. M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2015. S. 293–296.
7. Torbenko S.D. Nezakonnaya migratsiya: prichiny, posledstviya i puti preodoleniya // Migracionnoe pravo. 2024. № 2. S. 34–36.
8. Volk I. MVD Rossii napominaet ob otvetstvennosti za poddelku migracionnyh dokumentov // Oficial'nyj sajt MVD Rossii. URL: <https://mvd.rf/news/item/33568795/> (data obrashcheniya: 23.02.2026).
9. Mereckij N.E., Zherdev P.A. Pravovye vozmozhnosti regulirovaniya nezakonnoj migracii i prestupnosti sredi naseleniya v Rossijskoj Federacii // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2025. T. 33. № 2. S. 207–215.

Статья поступила в редакцию 24.05.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 24.05.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

Ю.С. Магнатов – кандидат юридических наук, председатель Борского городского суда Нижегородской области (Россия, 606440, Нижегородская обл., г. Бор, ул. Профсоюзная, 3).

Information about the author

Yu.S. Magnutov – Candidate of Law, Chairman of the Borsky City Court of the Nizhny Novgorod Region (Russia, 606440, Nizhny Novgorod Region, Bor, Profsoyuznaya Street, 3).

УДК 351.741

Обеспечение правопорядка и продовольственной безопасности в блокадном Ленинграде

Алексей Александрович Бастрыкин

Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена историческому анализу деятельности сотрудников госбезопасности и милиции НКВД Ленинграда, которые обеспечивали правопорядок во время блокады Ленинграда. Рассматриваются ключевые аспекты работы НКВД, включая борьбу с диверсантами, мародерами и антисоветскими элементами, а также обеспечение продовольственной безопасности города. На основе изучения архивных материалов представлены исторические факты и особенности борьбы правоохранительных органов с преступностью в период блокады Ленинграда, в частности особое внимание уделяется анализу деятельности диверсионно-преступной группы «ЗИГ ЗАГ», возглавляемой Виталием Кошарным.

Ключевые слова: продовольствие, блокадный Ленинград, сотрудники милиции, преступная группа

Для цитирования: Бастрыкин А.А. Обеспечение правопорядка и продовольственной безопасности в блокадном Ленинграде // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 41–44.

Ensuring law and order and food security in besieged Leningrad

Alexey A. Bastrykin

Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Da. Kikotya, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the historical analysis of the activities of the Leningrad State Security and NKVD police officers who ensured law and order during the siege of Leningrad. The key aspects of the NKVD's work are considered, including the fight against saboteurs, looters and anti-Soviet elements, as well as ensuring the security of the city. Historical facts are presented based on the study of archival materials and the specifics of the struggle of law enforcement agencies against terrorism during the siege of Leningrad, in particular, special attention is paid to the analysis of the activities of the zigzag sabotage group, led by Vitaly Kosharny.

Keywords: food supplies, besieged Leningrad, police officers, criminal group

For citation: Bastrykin A.A. Ensuring law and order and food security in besieged Leningrad // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 41–44.

27 января 2026 г. наша страна отмечала 82-ю годовщину полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады – одного из важнейших и трагических событий в истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

С 8 сентября 1941 г. по 27 января 1944 г. жители непобедленного города пережили тяжелейшие испытания, массовый голод, артиллерийские обстрелы и бомбардировки. На героическую защиту города встали народное ополчение, бойцы и командиры Рабоче-крестьянской Красной армии, моряки Краснознаменного Балтийского флота, оперативные сотрудники Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР.

Во время блокады Ленинграда сотрудники госбезопасности и милиции НКВД активно боролись с диверсантами, мародерами, корректировщиками гитлеровской авиации и прогерманскими подпольными организациями. В условиях военного времени 20 июля 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР»¹, что позволило объединить усилия в указанных направлениях.

Архивные документы Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области свидетельствуют о том, что для предотвращения наводки немецких летчиков на цели вражескими агентами, которые запускали ракеты и давали световые сигналы, сотрудниками госбезопасности и милиции принимались активные меры – выставлялись специальные посты и проводилось патрулирование улиц [1, с. 49]. Помимо этого, сотрудники НКВД оперативно осуществляли эвакуацию мирных жителей и объектов промышленности, обеспечивали безопасность «Дороги жизни», по которой в город осуществлялось снабжение, пресекали масштабные действия противника по заброске диверсионно-разведывательных групп.

Следует подчеркнуть, что в суровые дни блокады, когда нормы выдачи продовольствия постоянно снижались и люди умирали от голода, сотрудниками НКВД охранялись склады и базы снабжения, активно пресекалась деятельность расхитителей продовольствия и спекулянтов. В условиях блокады это имело огромное значение для поддержки населения и боеспособности защитников Ленинграда.

Так, например, в феврале 1942 г. сотрудниками УНКВД СССР по Ленинградской области и г. Ленинграду, которое возглавлял Петр Николаевич Кубаткин, была выявлена и задержана преступная группа Кошарного, состоявшая из 11 человек. В период с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. эта группа изъясала для себя из торговой сети 16 т различных нормированных продуктов и хлеба [1, с. 54]. Участники этой группы подделывали, а затем реализовывали талоны на хлеб, сахар, крупу и другие продукты питания. Возглавлял группу Виталий Кошарный, ранее судимый за подделку документов [2].

В ходе проведенных обысков у участников этой преступной группы изъяты поддельные талоны на тонны продуктов, штампы с надписями «масло», «крупа», «сахар», «мясо», антиквариат, одежда и ювелирные украшения на десятки тысяч рублей, бланки различных справок для получения льгот. Обнаруженные и изъятые талоны свидетельствовали о том, что преступники состояли в сговоре с работниками торговли, которых также задержали [3]. На следствии было установлено, что участники преступной группировки – предатели, которые именовали себя «ЗИГ ЗАГ» (защита интересов Германии – знамя Адольфа Гитлера) – также занимались в блокадном Ленинграде подрывной деятельностью, агитируя жителей города сдаваться врагу. Все обвиняемые по делу были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

В конце 1942 г. были арестованы еще три преступные группы расхитителей продовольственных товаров, по уголовному делу были осуждены 40 человек.

Важно отметить, что Центром общественных связей ФСБ России к 82-й годовщине Дня полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады опубликованы редкие архивные документы о работе сотрудников НКВД в осажденном городе. Так, 22 апреля 1942 г. начальник УНКВД П.Н. Кубаткин направил заместителю наркома внутренних дел СССР В.Н. Меркулову

¹ Об объединении Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности в единый Народный комиссариат внутренних дел СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

спецсообщение о борьбе ленинградской милиции и сотрудников УНКВД с хищениями продуктов питания и преступлениями, связанными с введением карточной системы. В нем отмечено, что «...всего Ленинградской милицией арестовано 6 308 человек – расхитителей социалистической собственности и спекулянтов, пытавшихся дезорганизовать торговлю, расхищавших нормированные продукты и товары. У арестованных спекулянтов и расхитителей изъято свыше 315 т муки, крупы, мяса и других продуктов» [4].

Свидетельством эффективной работы органов НКВД в Ленинграде по защите людей также являлось снижение смертности жителей города. Из другого спецсообщения начальника УНКВД П.Н. Кубаткина следует, что «...в конце апреля 1942 г. смертность достигала приблизительно 1 000 человек в день, в то время как в первые дни февраля абсолютное большинство смертности достигало 20 000 человек в день».

Необходимо отметить, что блокада Ленинграда стала одним из наиболее бесчеловечных военных преступлений нацистов во Второй мировой войне. Санкт-Петербургский городской суд в октябре 2022 г. в открытом процессе признал блокаду Ленинграда войсками нацистской Германии и их пособниками в период с 1941 по 1944 г. военным преступлением, преступлением против человечности и геноцидом народов Советского Союза². Следственный комитет России принимал непосредственное участие в сборе и фиксации доказательств этого преступления, которое не имеет срока давности. В ходе расследования уголовных дел о геноциде в годы Великой Отечественной войны ведомством собраны доказательства массового уничтожения немецкими захватчиками и их пособниками мирного населения Северной столицы.

В процессе изучения архивных документов и материалов послевоенных судебных процессов, допросов потерпевших и свидетелей следствием достоверно установлены и документально подтверждены факты целенаправленного разрушения немецко-фашистскими захватчиками Ленинграда, совершения массовых убийств мирного населения и советских военнопленных. О намерении уничтожения жителей Ленинграда голодом свидетельствует тот факт, что первыми в сентябре 1941 г. пострадали продовольственные Бадаевские склады, под постоянными бомбежками находилась Дорога жизни, по которой в город осуществлялось снабжение.

Установлено, что количество жителей, погибших в результате блокады, составило не менее 1 930 000 человек, а размер материального ущерба, причиненного Ленинграду и его жителям, на сегодняшний день составляет свыше 35 трлн рублей. Однако эти потери были бы еще больше, если бы не героизм и самоотверженность, проявленные сотрудниками органов НКВД в годы блокады Ленинграда. Их подвиги и заслуги стали примером для всех поколений нашего Отечества и навечно останутся в народной памяти.

Список источников

1. Следствие продолжается. Кн. 16: Воспоминания сотрудников следственного и оперативных подразделений органов госбезопасности / сост. В.В. Егоров. СПб.: Первый класс, 2020. 869 с.

2. Сергеева Н. Дело банды «ЗИГ ЗАГ», подделывавшей карточки в блокадном Ленинграде // Секретные материалы. 2019. № 3(519). Янв.

3. Бернев С. Тихий враг // Записки следователя. 2020. № 5. С. 50–53.

4. ФСБ рассекретила архивы о деятельности НКВД в блокадном Ленинграде // Рос. газ. 2026. № 26. 26 янв.

² Суд признал блокаду Ленинграда геноцидом // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1733397> (дата обращения: 11.06.2026).

References

1. Sledstvie prodolzhaetsya. Kn. 16: Vospominaniya sotrudnikov sledstvennogo i operativnyh podrazdelenij organov gosbezopasnosti / sost. V.V. Egerev. SPb.: Pervyj klass, 2020. 869 s.
2. Sergeeva N. Delo bandy «ZIG ZAG», poddelyvavshchej kartochki v blokadnom Leningrade // Sekretnye materialy. 2019. № 3(519). Yanv.
3. Bernev S. Tihij vrag // Zapiski sledovatelya. 2020. № 5. S. 50–53.
4. FSB rassekretila arhivy o deyatel'nosti NKVD v blokadnom Leningrade // Ros. gaz. 2026. № 26. 26 yanv.

Статья поступила в редакцию 23.07.2026; одобрена после рецензирования 05.08.2026; принята к публикации 07.08.2026.

The article was submitted 23.07.2026; approved after reviewing 05.08.2026; accepted for publication 07.08.2026.

Информация об авторе

А.А. Бастрыкин – Московский ордена Почета университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Россия, 117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12).

Information about the author

A.A. Bastrykin – Moscow Order of Honor University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya (Russia, 117997, Moscow, Akademika Volgina str., 12).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ИНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 343.985.5

Особенности осмотра места происшествия при расследовании террористического акта в зоне проведения специальной военной операции

Сергей Владимирович Харченко^{1✉}, Александр Анатольевич Пальцев²

^{1,2}Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

¹kharchenko.sv@spba.sledcom.ru✉, SPIN-код: 2391-3477

²paltsevaa@mail.ru, SPIN-код: 1413-1560

Аннотация. Рассмотрены практические аспекты производства осмотра места происшествия при расследовании террористического акта, совершенного с использованием беспилотных летательных аппаратов в зоне проведения специальной военной операции. В качестве одних из основных задач такого осмотра места происшествия выделены: оперативное определение типа и модели беспилотных летательных аппаратов, примененного для совершения преступления; полноценное и планомерное исследование места происшествия; поиск и изъятие полетных контроллеров вышеуказанных беспилотных летательных аппаратов; обнаружение, фиксация и изъятие частей беспилотных летательных аппаратов, на которых могли остаться следы рук или генетический материал. Выработаны рекомендации по проведению подготовительного, рабочего и заключительного этапов данного следственного действия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, террористический акт, специальная военная операция, беспилотный летательный аппарат, полетный контроллер

Для цитирования: Харченко С.В., Пальцев А.А. Особенности осмотра места происшествия при расследовании террористического акта в зоне проведения специальной военной операции // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 45–56.

Features of investigating the scene of an act of terrorism in the zone of a special military operation

Sergey V. Kharchenko^{1✉}, Alexander A. Paltsev²

^{1,2}SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia

¹kharchenko.sv@spba.sledcom.ru✉, SPIN: 2391-3477

²paltsevaa@mail.ru, SPIN: 1413-1560

Abstract. Examines the practical aspects of conducting a scene inspection during the investigation of a terrorist act committed using unmanned aerial vehicles in the area where a special military operation is being conducted. Among the main tasks of such a scene inspection are: promptly identifying the type and model of the unmanned aerial vehicles used to commit the crime, conducting a comprehensive and systematic

examination of the scene, searching for and seizing the flight controllers of the aforementioned unmanned aerial vehicles, and detecting, recording, and seizing unmanned aerial vehicles parts that may contain fingerprints or genetic material. Recommendations have been developed for conducting the preparatory, operational, and final stages of this investigative action.

Keywords: scene inspection, terrorist attack, special military operation, unmanned aerial vehicle, flight controller

For citation: Kharchenko S.V., Paltsev A.A. Features of investigating the scene of an act of terrorism in the zone of a special military operation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 45–56.

В современных условиях деятельность правоохранительных органов Российской Федерации характеризуется выполнением стоящих перед ними задач по борьбе с преступностью в условиях проведения специальной военной операции (СВО). В этой связи увеличилась реальная потребность в разработке и внедрении в практику их деятельности новых организационных и управленческих форм и структур, отвечающих современным реалиям оперативно-розыскных, следственных и криминалистических тактических приемов и методов, а также в приведении системы правоохранительных органов в состояние, позволяющее обеспечить надежную защиту личности, общества и государства от преступных посягательств в любых, даже самых сложных условиях функционирования [1].

В первом полугодии 2026 г. в России зарегистрировано 1 066 террористических актов (-20,9 %), в 2025 г. – 2 472 (+107,6 %), в 2024 г. – 1 191 (+190,5 %), в 2023 г. – 410 (+222,8 %), в 2022 г. – 127 (+209,8 %)¹. Таким образом, несмотря на снижение количества рассматриваемых преступлений в 2026 г., на протяжении длительного периода наблюдается последовательный рост фиксируемых фактов их проявления.

В определенное время совершение указанных преступлений в зоне проведения СВО в большей степени характеризовалось использованием артиллерии, средств дистанционного минирования, ракетного и другого вооружения, требующего применения сотрудниками правоохранительных органов соответствующих средств криминалистической техники и тактики для расследования.

В настоящее время одной из особенностей преступной деятельности в рассматриваемой сфере является совершение лицами из числа Вооруженных сил Украины и иных украинских воинских формирований террористических актов в целях устрашения населения и воздействия на принятие органами власти Российской Федерации решений с использованием беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) различных моделей в боевом снаряжении.

По фактам совершения указанных преступлений Следственным комитетом Российской Федерации возбуждаются уголовные дела, проводится комплекс следственных действий и судебных экспертиз, направленных на сбор и фиксацию доказательств, а также на установление всех обстоятельств произошедшего.

Примерами таких преступлений могут выступить факты террористических атак на объекты гражданской инфраструктуры Российской Федерации, в частности 25 июля 2026 г., когда вооруженные формирования Украины с использованием БПЛА атаковали расположенные в поселке городского типа Кирилловка Запорожской области базы отдыха, в результате чего погибли и пострадали мирные жители².

Видоизменение орудий совершения преступлений, увеличение их количества, а также распространение применения далеко за пределы зоны проведения СВО требуют своевременной адаптации деятельности правоохранительных органов,

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/91991192> (дата обращения: 08.08.2026).

² Следственный комитет Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/search/?q=террористический+акт&page=3&sort=date&dates=> (дата обращения: 09.08.2026).

выработки новых научно обоснованных рекомендаций по использованию средств криминалистической техники и тактики. Необходимость теоретического осмысления различных аспектов выполнения следственных действий в зоне проведения СВО, а также повышения эффективности осмотров мест происшествий и устранения недостаточности правового регулирования соответствующей деятельности следователей уже отмечалась исследователями [3, 4], что подчеркивает актуальность данных вопросов.

Проведенное авторами исследование показывает, что эффективность раскрытия и расследования преступлений в особых условиях, в том числе в зоне проведения СВО, зависит от правильной оценки и разрешения конкретной тактической ситуации. Ситуации, возникающие в процессе раскрытия и расследования преступлений, отличаются большой широтой и многообразием [5].

Важнейшим элементом первоначального этапа расследования террористического акта в условиях проведения СВО является осмотр места происшествия. Официально публикуемые статистические сведения о деятельности правоохранительных органов Российской Федерации не содержат информации о количестве осмотров мест происшествий, проводимых при расследовании таких преступлений. Вместе с тем необходимость неоднократного проведения данных следственных действий, в том числе дополнительных осмотров мест происшествия по уголовным делам рассматриваемой категории, является очевидным.

В соответствии с ч. 1 ст. 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (УПК РФ) осмотр места происшествия производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. К числу таковых относятся обстоятельства, подлежащие доказыванию, перечисленные в ч. 1 ст. 73 УПК РФ, в том числе событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

В криминалистике осмотр места происшествия традиционно понимается как неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления, преступника и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события [6].

Осмотр места происшествия по праву признается одним из наиболее трудоемких первоначальных следственных действий, главной задачей которого является фиксация обстановки, изъятие следов, материальных объектов преступного события, установление иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и, соответственно, требующим особой подготовки к его производству, поскольку качество проведенного осмотра влияет на возможность выдвигать следственные версии и приступать к их проверке, а следовательно, и на весь ход дальнейшего расследования [7].

Сущность данного следственного действия заключается в непосредственном, тщательном исследовании обстановки на месте совершения преступления, поиске, выявлении, фиксации и при необходимости изъятии материальных объектов, обладающих признаками вещественных доказательств. В условиях СВО выполнение вышеуказанных действий в ходе осмотра места происшествия имеет свои особенности. Такой осмотр представляет собой комплексное мероприятие, для успешного проведения которого задействуются различные силы и средства.

В 2026 г. значимыми факторами, влияющими на организацию осмотров мест происшествий в условиях проведения СВО, явились:

- значительное удаление мест происшествий от мест дислокации следственных органов, специалистов, экспертов и затрудненность их своевременного, безопасного прибытия на места происшествий;

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 22 апр. 2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- возможность повторных террористических атак как при следовании участников следственных действий к местам их производства, так и непосредственно во время работы на местах происшествий;

- одновременное причинение вреда или смерти нескольким лицам, а также повреждение различных объектов, а именно: объектов недвижимости, находящихся в частной и государственной собственности, личных и служебных автотранспортных средств, объектов энергетики и др.;

- необходимость устранения последствий совершенного преступления до завершения осмотра места происшествия (разбор завалов сооружений и зданий при получении информации о возможном нахождении там людей, восстановление нарушенной инфраструктуры объектов энергетики и т.д.);

- действие особого режима работы объектов, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, ограничение движения транспортных средств, запрет нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в период действия комендантского часа и пр.⁴

В целях исследования различных аспектов следственных действий в условиях проведения СВО и повышения эффективности их выполнения рассмотрим осмотр места происшествия при расследовании террористического акта, традиционно разделив его на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Накопленный к настоящему времени практический опыт и результаты анализа исследований в рассматриваемой сфере позволяют выделить следующие особенности данного следственного действия в указанных условиях.

В настоящее время подготовительный этап осмотра места происшествия начинается задолго до поступления сообщения о необходимости сотрудникам правоохранительных органов выехать для производства осмотра места происшествия и принятия следователем соответствующего решения.

Необходимо заранее обеспечить наличие у следователя требуемых при проведении рабочего этапа следственного действия средств: форменной либо специальной одежды, средств индивидуальной защиты (шлем, бронежилет, перчатки, щитки, ботинки), тактической медицинской аптечки, боевого ручного стрелкового оружия и боеприпасов к нему, средств связи и дополнительных источников питания для них, рюкзака для удобного длительного ношения используемых предметов (планшет, ручки, запас бумаги формата А4, липкая лента типа скотч, упаковочный материал, перчатки стерильные медицинские, медицинские одноразовые трехслойные маски, криминалистические средства и т.д.).

Следует заблаговременно и внимательно изучить особенности и порядок их использования, опробовать ношение и, по возможности, применение. Отдельное внимание целесообразно уделить текущим климатическим условиям в регионе производства следственных действий. Они могут потребовать наличия у участников следственного действия определенного количества питьевой воды либо иных жизненно важных ресурсов. В частности, при его проведении в течение длительного периода в условиях, полностью исключающих возможность получения или приобретения питьевой воды. Например, в ситуации, когда все торговые точки в районе совершения террористического акта закрыты, их сотрудники эвакуированы, а колонки или колодцы находятся под контролем БПЛА лиц, причастных к совершению террористических актов.

На подготовительном этапе следует уделить внимание морально-психологической и физической готовности следователя к работе в таких условиях, а также при фиксации последствий террористических актов, во время совершения которых пострадали или погибли мирные граждане.

⁴ См. например: О применении мер на территории Запорожской области в связи с введением военного положения: Указ временно исполняющего обязанности Губернатора Запорожской области от 18 нояб. 2022 г. № 855-у (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

На данном этапе имеет значимость информационное обеспечение возможности последующего эффективного проведения рабочего этапа осмотра места происшествия, включающее в себя следующее.

Выяснение сведений о ранее совершенных на данной территории террористических актах, примененных при этом орудиях преступлений, результатах осмотров мест происшествий, использованных при их проведении средств и привлеченных для этого сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации и лиц, проходящих службу в добровольческих формированиях, специалистов, экспертов, организации взаимодействия с ними.

Одним из аспектов расследования террористических актов в зоне проведения СВО в настоящее время является то, что на его первоначальном этапе затруднен сбор информации о происшествии. В районе производства осмотра места происшествия может не работать мобильная связь и информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие Министерства обороны Российской Федерации и лица, проходящие службу в добровольческих формированиях, могут общаться между собой исключительно посредством радиосвязи, используя кодированные радиоканалы, к которым сотрудники следственных органов не имеют доступа без предварительной подготовки и взаимодействия.

В таких условиях особо значимым становится предварительный сбор и анализ информации о совершении преступлений указанной категории, а также о сложившейся практике деятельности правоохранительных органов. Эти данные необходимы для эффективной организации рабочего этапа осмотра места происшествия.

Не менее важной является подготовка документов, требуемых для проведения осмотра места происшествия, к которым относятся бланки протокола осмотра места происшествия и других следственных действий, необходимость в производстве которых может возникнуть на первоначальном этапе расследования, постановлений о назначении судебных экспертиз и так называемые «гербовые бланки» для незамедлительного направления запросов.

При производстве рабочего этапа осмотра места совершения террористического акта в зоне проведения СВО с использованием БПЛА следователем должна быть получена вся имеющаяся к этому времени информация о происшествии, в частности: что именно, когда и где произошло, кто и в какой степени пострадал, оказана или оказывается ли необходимая помощь, какие объекты получили повреждения, кто уже находится на месте происшествия и какие функции выполняет, какие специалисты и эксперты оповещены о происшествии и привлечены к работе на месте происшествия, а также иные возможные сведения.

На основании полученной информации следует принять решение о привлечении тех или иных сил и средств, своевременно выехать на место происшествия, где принять меры, направленные на разрешение следующих основных задач рассматриваемого осмотра места происшествия:

1. Оперативное определение типа и модели БПЛА, примененного для совершения преступления.

2. Поиск и изъятие полетных контроллеров вышеуказанного БПЛА.

3. Обнаружение, фиксация и изъятие частей БПЛА, на которых могли остаться следы рук или генетический материал лиц, участвовавших в сборке и применении БПЛА для совершения преступления.

Принимая во внимание значимость успешного решения вышеперечисленных задач для расследования уголовного дела, рассмотрим возможные алгоритмы их выполнения более подробно.

1. Оперативное определение типа и модели БПЛА, примененного для совершения преступления.

Работу с фрагментами БПЛА в ходе осмотра места происшествия при совершении террористических актов в зоне проведения СВО следует осуществлять только после их исследования саперами, специалистами по работе со следами взрыва (взрывотехниками) Министерства обороны Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, Росгвардии или МЧС России. Констатации ими факта отсутствия взрывоопасных предметов и возможности перемещения, а также транспортировки обнаруженных объектов.

После начала работы на месте происшествия необходимо провести общий осмотр, получить представление о произошедшем событии и территории, подлежащей осмотру, определить последовательность осмотра и с применением средств фото- и видеосъемки произвести общую фиксацию обстановки на месте происшествия.

При осмотре большой территории либо на участке с множественными поврежденными строениями, значительным числом погибших и пострадавших, работу по обнаружению и фиксации местонахождения фрагментов БПЛА целесообразно поручить отдельному сотруднику, участвующему в осмотре места происшествия (следователю, следователю-криминалисту).

Выбор способа проведения осмотра места происшествия (эксцентрический, фронтальный и др.) следует определять исходя из полученной к этому времени информации о территории подлежащей осмотру, расположенных на ней объектах и количестве срабатываний боевых частей БПЛА.

В ходе работы на месте происшествия с фрагментами БПЛА следователю, безусловно, необходимо применять средства индивидуальной защиты (перчатки стерильные медицинские и медицинские одноразовые трехслойные маски). Данные меры предосторожности связаны не только с возможным изъятием объектов, направляемых в дальнейшем для проведения генетических судебных экспертиз, но и обусловлены обеспечением личной безопасности.

Принятие подобных мер позволит исключить наступление негативных последствий возможного нанесения (распыления) лицами, причастными к совершению террористических актов, боевых отравляющих веществ и химикатов активного действия на внутренние и внешние поверхности частей БПЛА. Указанные химические вещества, попав на незащищенные участки кожи, а также в дыхательные пути человека при работе последнего с обработанными ими объектами на месте происшествия, могут привести к отравлениям и причинению вреда его здоровью.

В условиях высоких температур в летний период на территории зоны проведения СВО отдельные меры предосторожности следует применять при работе с обнаруженными на месте происшествия аккумуляторными батареями БПЛА. Под воздействием высокой температуры они могут самопроизвольно возгораться, провоцируя горение сухих растений и расположенных поблизости строений.

В целях последующего установления типа и модели БПЛА, а также лиц, причастных к совершению преступления, тщательной фиксации подлежат все маркировочные и иные обозначения, обнаруженные на фрагментах корпуса БПЛА. Лицами из числа Вооруженных сил Украины и иных украинских воинских формирований, иными лицами, причастными к совершению террористических актов, на корпус БПЛА могут быть нанесены надписи, облегчающие процессы установления их личности и привлечения к уголовной ответственности.

В ходе проведения осмотра места происшествия для определения типа и модели БПЛА в современных условиях можно использовать поиск необходимых сведений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе с применением систем с элементами искусственного интеллекта. В указанных целях могут быть использованы сведения об электронных устройствах, размещенные в открытом доступе на различных интернет-ресурсах⁵, что значительно облегчает процессы исследования частей БПЛА и составления протокола следственного действия.

⁵ RaspberryPi. URL: <https://www.raspberrypi.com> (дата обращения: 11.07.2026).

При проведении осмотра места происшествия с применением средств фото- и видеофиксации производится подробный осмотр частей БПЛА. Наиболее крупные фрагменты (например, части крыльев БПЛА самолетного типа, длина которых может достигать нескольких метров) осматриваются и измеряются на месте. Ввиду их громоздкости и отсутствия возможности получения в результате исследования таких сведений, как, например, при изучении систем управления и внутренних частей БПЛА, их изъятие и хранение представляется нецелесообразным.

В тоже время двигатели и иные малогабаритные элементы БПЛА подлежат изъятию в ходе осмотра места происшествия, поскольку с высокой долей вероятности позволяют определить тип и модель БПЛА, а также провести тщательное исследование оставленных на них следов.

В ходе осмотра места происшествия необходимо поручить следователю-криминалисту, в случае его участия в данном следственном действии, определение центра взрыва, для чего может быть использован портативный обнаружитель паров взрывчатых веществ «Пилот-М» или его аналоги. Одновременно надлежит принять меры к обнаружению и изъятию поражающих элементов боевой части БПЛА. В этих целях целесообразно использовать комплект поисковых магнитов, ручной металлодетектор (пинпойнтер) «Quest XPointer Pro», селективный металлодетектор «СИГНУМ MDF 7272M», детектор нелинейных переходов «NR 2000» и иные криминалистические средства.

2. Поиск и изъятие полетных контроллеров БПЛА.

В настоящее время при совершении преступлений исследуемой категории могут быть использованы полетные контроллеры, представляющие собой одноплатные компьютеры, которые можно охарактеризовать как компьютер на одной печатной плате с микропроцессором, с помощью которого осуществляется управление БПЛА. Такие устройства представляют собой компактные модули, выполненные из полимерного материала и установленные на пластиковую платформу; внутри может находиться карта памяти формата micro-SD⁶. Визуально полетный контроллер схож с материнской платой небольшого компьютера либо с иными электронными модулями БПЛА (например, с блоком управления подачи топлива и др.), из-за чего высока вероятность ошибочной идентификации.

Полетные контроллеры, как правило, размещаются в нижней части фюзеляжа БПЛА – отдельно от боевой части, что обеспечивает сохранение точности наведения, устойчивость к повреждениям и возможность завершения полета. При ударе корпуса о преграду дверца отсека может открыться, и контроллер (закрепленный на пластиковой платформе и снабженный соединительными проводами) способен с ускорением вылететь из внутренней части аппарата.

С учетом этих особенностей следователю перед проведением следственного действия необходимо иметь представление о внешнем виде и ключевых характеристиках наиболее распространенных моделей полетных контроллеров. В ходе осмотра при наличии возможности допустимо обращаться к справочным материалам, в том числе размещенным в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Указанные обстоятельства обуславливают необходимость расширения зоны поиска полетных контроллеров, так как при проведении осмотра места происшествия по уголовным делам о совершении преступлений вышеуказанной категории сотрудникам правоохранительных органов следует учитывать, что полетные контроллеры могут обнаруживаться как непосредственно среди фрагментов БПЛА в эпицентре взрыва, так и на значительном удалении от него – на расстоянии от 5 до 50 метров.

⁶ Справочно: полетный контроллер «CUBE ORANGE+» имеет основные технические характеристики: процессор: STM32H757 (32 Bit ARM® Cortex®-M7, 480 MHz, 2 MB flash, 1 MB RAM), приемник ADS-B: 978 или 1090 MHz, датчики: трехосевой гироскоп (3 ед.), трехосевой акселерометр (3 ед.), барометр (2 ед.), трехосевой магнитометр (1 ед.), соединение с ПК: USB-C. Существуют многочисленные аналоги данного устройства типа «Raspberry Pi» различных фирм производителей.

При обнаружении в ходе осмотра места происшествия отдельно лежащего полетного контроллера или при его демонтаже из корпуса БПЛА следователю в обязательном порядке необходимо использовать средства индивидуальной защиты: перчатки стерильные медицинские и медицинские одноразовые трехслойные маски. Поверхности используемых медицинских перчаток при этом следует обрабатывать раствором этилового спирта (72–95 %). Перчатки и маски должны меняться участниками следственного действия через каждые 15 минут производства осмотра места происшествия.

Столь короткий срок использования масок и перчаток в ходе рассматриваемого следственного действия обусловлен тем, что следователь либо следователь-криминалист, работая на месте совершенного террористического акта, зачастую осматривает различные деформированные объекты. В большинстве случаев эти объекты обладают неровными и острыми краями, а также подвергаются воздействию высоких температур. Соприкосновение с такими объектами быстро приводит в негодность используемые перчатки. Медицинские маски в условиях их активного использования в ходе осмотра места происшествия быстро увлажняются и сыреют. Все это может привести к тому, что генотип следователя может быть занесен на изымаемые предметы.

В ходе осмотра места происшествия с поверхности полетного контроллера целесообразно произвести соскобы (смывы) на две отдельные щетки для изъятия биологических следов. Например, «4N6 FLOQSwabs Crime Scene», которые затем упаковать в два отдельных пакета для стерилизации «ПСПВ-СТЕРИМАГ 150 x 250 мм» либо иные аналогичные. По полученным соскобам (смывам) могут быть назначены генетические судебные экспертизы без предоставления предмета на данное исследование.

Полетный контроллер, обнаруженный на месте совершения преступления, целесообразно незамедлительно передать специалистам в сфере использования БПЛА и IT-технологий в рамках назначения соответствующего исследования данного объекта.

При проведении исследования полетных контроллеров специалистами с соблюдением мер предосторожности, направленных на предупреждение удаления сведений, может быть получена следующая информация, имеющая существенное значение для расследования уголовного дела:

- запрограммированный маршрут полета БПЛА, который включает в себя сведения о полете по маршруту, его протяженности и высоте. Отдельного внимания заслуживает то, что высота на последней точке полета БПЛА, составляющая 0 м, может указывать на заданные координаты нанесения удара;

- координаты начальных точек включения БПЛА на территории другого государства и точек первичного включения БПЛА или подменные координаты.

Принимая во внимание вышеуказанную информацию, которая может быть получена при исследовании полетных контроллеров с привлечением специалистов, сложно переоценить важность обнаружения и изъятия данных объектов при расследовании террористических актов в зоне проведения СВО.

В случае производства в ходе осмотра места происшествия соскобов (смывов) с поверхности полетного контроллера для последующего назначения генетических судебных экспертиз, его последующая упаковка не имеет каких-либо специфических особенностей и отвечает общим правилам изъятия и упаковки изъятых на месте происшествия объектов.

Вместе с тем при изъятии и транспортировке полетных контроллеров следует исключить их ударение или падение, которые могут привести к физическому повреждению, частичной или полной потере имеющихся на них сведений.

3. Обнаружение, фиксация и изъятие фрагментов БПЛА, на которых могли остаться следы рук или генетический материал лиц, участвовавших в сборке и применении БПЛА для совершения преступления.

В ходе проведения осмотра места совершения с использованием БПЛА террористического акта в зоне проведения СВО обнаружению и изъятию указанных следов должно уделяться особое внимание. Имеющиеся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет видеоматериалы крупноузловой сборки БПЛА очевидно указывают на осуществление этой деятельности без применения средств индивидуальной защиты.

В связи с этим следователем должны быть приняты меры к изъятию внутренних частей БПЛА, на которых могут оставаться следы рук человека и его генетический материал. Процедура изъятия таких объектов соответствует обычным правилам изъятия предметов в целях дальнейшего исследования на предмет наличия следов рук человека и его генетического материала.

В большинстве случаев изъятие внутренних частей БПЛА гарантирует исключение привнесения генотипов участников следственного действия, а также сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации и лиц, проходящих службу в добровольческих формированиях, которые могли прикасаться к частям БПЛА в связи с осуществлением своей служебной деятельности в ходе осмотра места происшествия.

При упаковке объектов, подлежащих направлению на дактилоскопическую судебную экспертизу, следует придерживаться рекомендации об использовании картонных коробок с фиксацией положения предмета. Следы пальцев рук человека могут остаться именно на внутренних, запыленных частях БПЛА и нефиксирующая упаковка таких объектов в бумажные конверты может привести к повреждению или уничтожению следов рук человека.

Заключительный этап проведения осмотра места происшествия характеризуется проведением анализа всех сведений, полученных в ходе данного следственного действия. На этом этапе определяется все ли задачи решены, все ли объекты зафиксированы, изъятые и упакованы, в достаточном ли объеме получена информация, необходимая для составления протокола следственного действия.

Кроме того, заключительный этап осмотра места происшествия традиционно сводится к процессуальному оформлению протокола следственного действия, составление которого подробно регламентировано ст. 166 УПК РФ.

В целях наиболее полного и правильного его составления обстановка на месте происшествия должна быть максимально подробно зафиксирована с помощью средств фото- и видеосъемки. При производстве подобной фиксации применение сплошной видеозаписи не обязательно. Вполне достаточно выполнить необходимые измерения и исследования на месте происшествия, по правилам криминалистической фотосъемки произвести фотографирование объектов, имеющих значение для уголовного дела, а также панорамную видеозапись обстановки на месте совершения преступления. Применение в указанных целях видеокамер, установленных на БПЛА, в настоящее время представляется невозможным, ввиду затрудненности их отличия на расстоянии от иных БПЛА и возможности поражения сотрудниками мобильных огневых групп, обеспечивающими безопасность участников следственных действий.

В настоящее время следственные действия в зоне проведения СВО характеризуются необходимостью обеспечения безопасности их участников, в том числе путем сокращения периода нахождения на месте происшествия и минимизации концентрации сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих Министерства обороны Российской Федерации и лиц, проходящих службу в добровольческих формированиях, а также используемой ими техники в одном месте.

Произведенные на месте происшествия измерения, в том числе расстояний до объектов, имеющих значение для дальнейшего расследования уголовного дела, подлежат последующему отражению в протоколе следственного действия, к которому целесообразно приобщить схему и полученные фото- и видеоматериалы.

Таким образом, по результатам настоящего рассмотрения вопросов, связанных с осмотрами мест происшествий при расследовании террористических актов в зоне проведения СВО, следует прийти к следующим выводам.

1. На подготовительном этапе необходимо обеспечить наличие у следователя требуемых при проведении рабочего этапа следственного действия средств, изучить особенности и порядок их использования, выяснить сведения о ранее совершенных на данной территории террористических актах, собрать и проанализировать информацию о сложившейся практике деятельности правоохранительных органов и подготовить документы, требуемые для осмотра места происшествия.

2. При производстве рабочего этапа осмотра места происшествия принять меры, направленные на разрешение следующих основных задач.

2.1. Оперативное определение типа и модели БПЛА, примененного для совершения преступления. Работу с фрагментами БПЛА осуществлять после исследования предметов саперами, взрывотехниками, применять средства индивидуальной защиты, с осторожностью работать с аккумуляторными батареями БПЛА, тщательно фиксировать, в том числе с применением средств фото- и видеофиксации все маркировочные обозначения на фрагментах БПЛА. Для определения типа и модели БПЛА осуществлять поиск необходимых сведений при наличии такой возможности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе с применением систем с элементами искусственного интеллекта. Использовать криминалистические средства для определения центра взрыва.

2.2. Поиск и изъятие полетных контроллеров БПЛА. Для успешного выполнения данной задачи перед началом производства следственного действия следует изучить информацию о внешнем виде наиболее распространенных моделей полетных контроллеров. В ходе производства осмотра места происшествия при наличии такой возможности обращаться к справочным материалам, в том числе размещенным в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Иметь в виду, что полетные контроллеры могут находиться как вместе с частями БПЛА на месте взрыва, так и на расстоянии от 5 до 50 метров от его центра. При работе с отдельно лежащим полетным контроллером или при его демонтаже из корпуса БПЛА необходимо использовать средства индивидуальной защиты: медицинские одноразовые трехслойные маски, перчатки стерильные медицинские. С поверхности полетного контроллера производить соскобы (смывы) для назначения генетических судебных экспертиз. Полетный контроллер незамедлительно передавать специалистам в сфере использования БПЛА и IT-технологий для проведения исследования.

2.3. Обнаружение, фиксация и изъятие фрагментов БПЛА, на которых могли остаться следы рук или генетический материал лиц, участвовавших в сборке и применении БПЛА для совершения преступления. При решении данной задачи следует принимать меры к изъятию внутренних частей БПЛА, на которых могут оставаться следы рук человека, а также его генетический материал, придерживаться рекомендации об использовании для их упаковки картонных коробок с фиксацией положения предмета.

3. В целях наиболее полного и правильного составления протокола осмотра места происшествия следует максимально подробно фиксировать обстановку с помощью средств фото- и видеосъемки. Произведенные на месте происшествия измерения необходимо отразить в протоколе следственного действия, к которому приобщаются схема осмотра, а также полученные фото- и видеоматериалы.

Список источников

1. Харченко С.В., Гирько С.И. Некоторые типичные ситуации, возникающие в ходе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в особых условиях // Военное право. 2024. № 3(85). С. 215–217.
2. Харченко С.В., Васильев Н.Н. К вопросу о характеристике ряда современных проявлений терроризма и организации деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия информационной активности участников террористических и экстремистских действий // Проблемы правоохранительной деятельности. 2011. № 1. С. 12–21.
3. Поляков С.А. О необходимости включения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации новой статьи 164.2 в целях обеспечения безопасности следователя на особых территориях // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2026. Т. 57. № 1. С. 152–156.
4. Рогава И.Г. Особенности проведения отдельных следственных действий при расследовании преступлений в зоне проведения специальной военной операции // Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации: материалы Луганского междунар. юрид. форума. Луганск: Луганская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2025. С. 154–157.
5. Харченко С.В., Гирько С.И. Некоторые вопросы раскрытия и расследования преступлений в особых условиях // Военное право. 2022. № 6(76). С. 174–178.
6. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия: справ. пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учеб. заведений МВД, адъюнктов, докторантов, науч. сотрудников и практ. работников органов внутр. дел. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон-XXI, 2000. С. 92.
7. Марина Е.А., Никурадзе Н.О. К вопросу о тактических особенностях осмотра места происшествия при обнаружении взрывных устройств или на месте взрыва // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б.Я. Гаврилова): сб. науч. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. М.: Академия управления МВД России, 2023. С. 259–267.

References

1. Harchenko S.V., Gir'ko S.I. Nekotorye tipichnye situacii, vznikayushchie v hode raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij, sovershaemyh v osobykh usloviyah // Voennoe pravo. 2024. № 3(85). S. 215–217.
2. Harchenko S.V., Vasil'ev N.N. K voprosu o harakteristike ryada sovremennyh proyavlenij terrorizma i organizacii deyatel'nosti organov vnutrennih del v sfere protivodejstviya informacionnoj aktivnosti uchastnikov terroristicheskikh i ekstremistskikh dejstvij // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2011. № 1. S. 12–21.
3. Polyakov S.A. O neobkhodimosti vklyucheniya v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii novoj stat'i 164.2 v celyah obespecheniya bezopasnosti sledovatelya na osobykh territoriyah // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2026. T. 57. № 1. S. 152–156.
4. Rogava I.G. Osobennosti provedeniya otdel'nyh sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij v zone provedeniya special'noj voennoj operacii // Osobennosti protivodejstviya gibridnym ugrozam v otnoshenii Rossijskoj Federacii: materialy Luganskogo mezhdunar. yurid. foruma. Lugansk: Luganskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2025. S. 154–157.
5. Harchenko S.V., Gir'ko S.I. Nekotorye voprosy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v osobykh usloviyah // Voennoe pravo. 2022. № 6(76). S. 174–178.
6. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya enciklopediya: sprav. posobie dlya kursantov, slushatelej i prepodavatelej ucheb. zavedenij MVD, ad'yunktov, doktorantov, nauch.

sotrudnikov i prakt. rabotnikov organov vnutr. del. 2-e izd., dop. M.: Megatron-XXI, 2000. S. 92.

7. Marina E.A., Nikuradze N.O. K voprosu o takticheskikh osobennostyakh osmotra mesta proisshestviya pri obnaruzhenii vzryvnyh ustroystv ili na meste vzryva // Ugolovnyj process i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B.Ya. Gavrilova): sb. nauch. statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2023. S. 259–267.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 25.08.2026; принята к публикации 29.08.2026.

The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 25.08.2026; accepted for publication 29.08.2026.

Информация об авторах

С.В. Харченко – доктор юридических наук, профессор, проректор (по учебной и научной работе) Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96);

А.А. Пальцев – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the authors

S.V. Kharchenko – Doctor of Law, Professor, Vice-Rector (for Academic and Scientific Work) of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96);

A.A. Paltsev – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Forensic Expertise and Operational Investigative Activities of the Criminologist Training Faculty of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moiki, 96).

УДК 343

К вопросу о классификации несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к лишению свободы

Елена Владимировна Кунц

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия, 73kuntc@mail.ru, SPIN-код: 4668-2305

Аннотация. В настоящее время нельзя утверждать категорично, что проблема классификации несовершеннолетних осужденных решена, найдены все методологические подходы и проведены необходимые научно-теоретические исследования. С учетом вышеизложенного в настоящей статье анализируются имеющиеся в отечественной науке классификации несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к лишению свободы, предлагаются новые подходы к классификации.

Ключевые слова: воспитательная колония, классификация, лишение свободы, несовершеннолетний, осужденный

Для цитирования: Кунц Е.В. К вопросу о классификации несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к лишению свободы // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 57–62.

On the classification of juvenile offenders sentenced to imprisonment

Elena V. Kunts

Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service Russia, Moscow, Russia, 73kuntc@mail.ru, SPIN: 4668-2305

Abstract. It cannot be categorically stated at present that the problem of classifying juvenile offenders has been resolved, that all methodological approaches have been found, and that the necessary scientific and theoretical research has been conducted. Taking into account the above, this article analyzes existing classifications of juvenile offenders sentenced to imprisonment in Russian science and proposes new approaches to classification.

Keywords: correctional colony, classification, imprisonment, minor, convicted

For citation: Kunts E.V. On the classification of juvenile offenders sentenced to imprisonment // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 57–62.

Значение, критерии и иные основания, которые могут быть положены в основу классификации несовершеннолетних правонарушителей, осужденных к лишению свободы, влияют на определение объема исправительного воздействия, что предопределяет проведение новых исследований, получение научных знаний. Следует отметить, что в настоящее время не в полной мере разрешена общая проблема, с которой связаны вопросы классификации лишенных свободы, в частности, проблема типологии, классификации несовершеннолетних правонарушителей в широком криминологическом понимании. Учитывая современный тренд на гуманизацию уголовно-исполнительной системы¹, научные разработки классификации осужденных по местам лишения свободы ранее не находили в полной мере отражения при проведении исследований на монографических и диссертационных уровнях.

¹ На заседании расширенной коллегии Минюста России подвели итоги деятельности ведомства за 2025 г. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/51199/> (дата обращения: 30.04.2026).

В практической деятельности возникает множество вопросов, связанных не только с распределением несовершеннолетних осужденных по воспитательным колониям, с изоляцией друг от друга разных по полу правонарушителей, но и с дифференциацией процесса их исправления. Установленная официально в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации² классификация требует своего объяснения, научного обоснования, а в некоторых случаях и критического подхода.

Вопрос о классификации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы в возрасте до 18 лет имеет непосредственную связь с характеристикой их личности, с отысканием, прежде всего, личностно-типологических черт и особенностей различных категорий несовершеннолетних правонарушителей. Следовательно, его решить не представляется возможным только на основе юридических критериев без учета психологических особенностей осужденных. Наряду с юридическими критериями необходимо учитывать степень педагогической запущенности и социальной испорченности, уровень интеллектуально-волевого, нравственно-этического развития несовершеннолетних правонарушителей и наличие психических аномалий.

Профессор А.Б. Сахаров считал, что в основу классификации «должна быть положена степень общественной опасности подростка, степень его испорченности и педагогической запущенности. А это, в свою очередь, надо определять в результате совокупной оценки характера совершенного преступления, его мотивов, причин и условий, обусловивших его совершение, данных, характеризующих личность несовершеннолетнего» [1, с. 37]. Если придерживаться такой классификации, то применительно к настоящему времени категории несовершеннолетних правонарушителей будут представлены как:

- 1) впервые совершившие преступления небольшой и средней тяжести;
- 2) совершившие преступления тяжкие и особо тяжкие преступления;
- 3) лица, ранее совершившие преступления, состоящие на профилактическом учете в различных органах системы профилактики безнадзорности и правонарушений, например, в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел, комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН), органах социальной защиты, образования, здравоохранения, а также находившиеся ранее в воспитательных колониях;
- 4) ранее судимые и вновь совершившие аналогичные или иные умышленные преступления;
- 5) совершившие умышленное тяжкое преступление во время отбывания наказания в воспитательной колонии.

Данная классификация несовершеннолетних осужденных, построенная в основном на уголовно-правовой характеристике личности несовершеннолетних преступников, не может претендовать на охват всех категорий «несовершеннолетних правонарушителей» и не отражает очень важных психолого-педагогических аспектов. Вместе с тем она представлена шире в сравнении с ранее проводимыми исследованиями [2, с. 22].

Несмотря на ее односторонность, она представляет определенный интерес и может быть принята во внимание при классификации несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии.

Между тем, как показывают статистические данные Министерства просвещения Российской Федерации, в России резко выросло число детей, состоящих на учете в КДН. В 2024 г. их было 420 тыс., а в 2025 г. – уже на 33,6 тыс. больше. Причем 21,3 тыс. детей продолжили совершать правонарушения, уже находясь на учете. Выросло и количество наказаний по административным протоколам,

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

составленным комиссиями в отношении детей: в 2024 г. было назначено 90,3 тыс. наказаний, а в 2025 – уже 99,4 тыс. При этом заметно снизилось количество протоколов в отношении родителей несовершеннолетних: в 2021 г. их было около 500 тыс., в 2024 г. – 447 тыс., а в 2025 г. – 427,6 тыс. Число административных наказаний в отношении взрослых за пять лет снизилось с 251 тыс. до 213 тыс.³

Как представляется, данная информация не может не учитываться при классификации несовершеннолетних правонарушителей. Необходима последовательная работа с вновь поступившими несовершеннолетними осужденными, которая будет способствовать созданию благоприятной морально-психологической обстановки и противодействовать деструктивным субкультурам [3, с. 23].

Ввиду незначительного числа несовершеннолетних лиц женского пола, осужденных к лишению свободы, не требуется никакой дифференциации размещения их по воспитательным колониям: все осужденные, независимо от тяжести преступления, признаков и возраста, содержатся в одной воспитательной колонии. При этом много времени уходит на транзитные перевозки, а также иные сложности практического характера.

Особого внимания требует проблема дифференциации содержания осужденных несовершеннолетних в зависимости от состояния здоровья и умственного развития. Наличие определенного числа лиц с психическими аномалиями среди осужденных несовершеннолетних лиц, требующих к себе особого подхода, включения в работу с ними специалистов – психологов и психиатров, – делает данный вопрос актуальным.

Еще в начале 70-х г. прошлого столетия А.Г. Крахмальник подчеркивал, что «дальнейшее совершенствование законодательства, несомненно, коснется и проблемы групповой классификации осужденных. На очереди решение ряда сложных вопросов раздельного содержания в исправительно-трудовых учреждениях некоторых категорий осужденных: криминальных психопатов... и др.» [4, с. 72]. Тогда же Ю.М. Ткачевский замечал, что в местах лишения свободы содержатся осужденные с психическими расстройствами (в том числе с дебильностью и психоневротическими состояниями), совместное содержание которых со здоровыми нежелательно [5, с. 70].

Под психическими аномалиями следует понимать широкий спектр личностных отклонений, не исключающих вменяемости, психопатии и психопатических состояний непротекстуального генеза. В эту группу входят лица с психопатическим поведением и реакциями вне зависимости от нозологической принадлежности, поскольку для целей пенитенциарно-психиатрического анализа дифференциации врожденных (конституциональных) или приобретенных (в результате органического поражения центральной нервной системы, травм, инфекций, хронических интоксикаций) психопатических состояний принципиального значения не имеет [6, с. 13, 14].

Причинами патологических отклонений могут быть социальные факты, но по механизму они являются следствием нарушения мозговой функции. Логично, что морально-психологические отклонения можно выправить педагогическими средствами, в то время как патологию можно снять только медицинскими мерами. При патологических аффектах возможны самые опасные преступления: убийство вследствие гнева или ярости, повышенная эффективность нередко порождает хулиганские действия. Умственная ограниченность или тупость, эмоциональная черствость тоже могут служить внутренним источником преступных действий. Таким образом, ошибочность взглядов тех, кто прямо, минуя психологию, выводит преступность из экономических условий жизни.

Вместе с тем на поведение личности, кроме всех прочих обстоятельств, ее индивидуальных особенностей, иногда в значительной мере оказывает

³ В 2025 г. на учет поставили намного больше детей. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8623101> (дата обращения: 30.04.2026).

влияние фактор, известный под названием «психические аномалии в рамках невменяемости» [7, с. 243, 244].

Результаты специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, касающиеся психического здоровья осужденных, представлены в таблице, что косвенно подтверждает наличие обозначенной проблемы.

Таблица

Распределение осужденных в зависимости от их психического здоровья (%)

Состояние психического здоровья осужденных	Перепись 2009 г.			Перепись 2022 г.		
	ВК*	муж.	жен.	ВК*	муж.	жен.
Не страдает	91,1	–	–	97,8,	98,0	94,6
Страдает олигофренией в стадии дебильности	2,1	–	–	0,0	0,0	0,0
Страдает иными психическими расстройствами	6,8	–	–	2,2	2,0	5,4
Итого	100	–	–	100	100	100

Примечание: * ВК – воспитательные колонии

В период 1999–2009 гг. результаты специальной переписи зафиксировали ухудшение психического здоровья осужденных: доля страдающих этим недугом возросла с 4,9 % в 1999 г. до 8,9 % в 2009 г. [8, с. 23]. На это повлияли социально-экономические процессы, проходившие в стране в 90-х гг. прошлого столетия. Те стрессы, социальные девиации (наркомания, алкоголизм, токсикомания не только подростков, но и родителей), различного рода проблемы, которые пришлось пережить подрастающему поколению, дали определенный толчок росту доли лиц с психическими аномалиями. Затем, положение несколько стабилизировалось, и данные переписей 2009 и 2022 гг. свидетельствуют о том, что показатели психического здоровья осужденных в воспитательных колониях улучшились. Осужденных, страдающих олигофренией в стадии дебильности, не зафиксировано (в 2009 г. было 2,1 %), а доля осужденных, страдающих психическими расстройствами, уменьшилась более чем в три раза – с 6,8 % до 2,2 % [2, с. 23].

Учитывая вышеприведенные данные, речь не идет о каком-либо серьезном влиянии на преступность несовершеннолетних психических особенностей личности правонарушителей, хотя в то же время нельзя категорически отказаться от их значения. Если в исправительно-воспитательном плане, когда перед нами встает личность несовершеннолетнего осужденного во всей совокупности своих свойств и особенностей, нельзя не учитывать психическое здоровье. Если же одни и те же аномалии обнаруживаются у определенной группы несовершеннолетних осужденных, то целесообразно вести речь о выделении самостоятельной классификационной категории несовершеннолетних осужденных – несовершеннолетние осужденные с психическими расстройствами, не исключающими вменяемость.

Отсутствие достаточных и методически правильно проведенных исследований не позволяет с большей уверенностью говорить о психическом уровне осужденных несовершеннолетних, содержащихся в воспитательных колониях. Однако несомненно, что среди них имеется определенная категория, пусть даже сравнительно

небольшая по численности, лиц с заметными психическими аномалиями, которые вместе с тем не позволили в установленном законом порядке признать их невменяемыми. Не учитывать этих отклонений в психике правонарушителей при организации их исправления было бы неправильно. Правильнее будет вести речь не просто об учете данного обстоятельства при индивидуализации исправления, имея в виду оказание медицинской помощи, а прежде всего о необходимости дифференциации отбывания ими наказания для повышения эффективности исправительного воздействия.

Таким образом, учет при классификации несовершеннолетних осужденных к лишению свободы не следует ограничивать только рамками воспитательной колонии. Необходимо расширить круг, выделяя указанную категорию несовершеннолетних правонарушителей на стадиях предварительного следствия и дознания, а также судебного разбирательства.

Список источников

1. Сахаров А.Б. Правонарушение подростка и закон. Преступность несовершеннолетних и борьба с ней в СССР. М.: Юрид. лит., 1967. 215 с.
2. Селиверстов В.И., Кириллова Т.В., Кунц Е.В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях: материалы специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 г. М.: ООО «Проспект», 2024. 90 с.
3. Голубовский В.Ю. Методы противодействия молодежным деструктивным субкультурам // Организация работы по предупреждению деструктивной идеологии в подростковой среде: материалы науч.-практ. конф. М.: Московская академия следственного комитета, 2025. С. 21–23.
4. Крахмальник Л.Г. Совершенствование порядка исполнения наказания в виде лишения свободы // Ученые записки ВНИИСЗ. 1972. Вып. 27. С. 70–79.
5. Ткачевский Ю.М. Советское исправительно-трудовое право: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 232 с.
6. Козюля В.Г. Осужденные с психическими аномалиями, совершившие насилие против личности // Насильственные преступления: природа, расследование, предупреждение: сб. науч. трудов. М.: ВНИИ МВД России, 1994. С. 13–14.
7. Дубинин М.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1989. 350 с.
8. Данилин Е.М., Селиверстов В.И. Осужденные в воспитательных колониях: материалы специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.И. Селиверстова. М.: ИД «Юриспруденция», 2011. Вып. 2. 82 с.

References

1. Saharov A.B. Pravonarushenie podroostka i zakon. Prestupnost' nesovershennoletnih i bor'ba s nej v SSSR. M.: Yurid. lit., 1967. 215 s.
2. Seliverstov V.I., Kirillova T.V., Kunc E.V. Harakteristika osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazanie v vospitatel'nyh koloniyah: materialy special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, soderzhashchihsya pod strazhej, dekabr' 2022 g. M.: ООО «Prospekt», 2024. 90 s.
3. Golubovskij V.Yu. Metody protivodejstviya molodezhnym destruktivnym subkul'turam // Organizaciya raboty po preduprezhdeniyu destruktivnoj ideologii v podroostkovej srede: materialy nauch.-prakt. konf. M.: Moskovskaya akademiya sledstvennogo komiteta, 2025. S. 21–23.
4. Krahmal'nik L.G. Sovershenstvovanie poryadka ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody // Uchenye zapiski VNIISZ. 1972. Vyp. 27. S. 70–79.

5. Tkachevskij Yu.M. Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: ucheb. Posobie. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. 232 s.

6. Kozyulya V.G. Osuzhdennye s psichicheskimi anomalijami, sovershivshie nasilie protiv lichnosti // Nasil'stvennye prestupleniya: priroda, rassledovanie, preduprezhdenie: sb. nauch. trudov. M.: VNII MVD Rossii, 1994. S. 13–14.

7. Dubinin M.P., Karpec I.I., Kudryavcev V.N. Genetika, povedenie, otvetstvennost': o prirode antiobshchestvennyh postupkov i putyah ih preduprezhdeniya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Politizdat, 1989. 350 s.

8. Danilin E.M., Seliverstov V.I. Osuzhdennye v vospitatel'nyh koloniyah: materialy special'noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V.I. Seliverstova. M.: ID «Yurisprudenciya», 2011. Vyp. 2. 82 s.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

Е.В. Кунц – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (Россия, 119049, г. Москва, ул. Житная, 14, стр. 1).

Information about the author

E.V. Kunts – Doctor of Law, Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Institute of the Federal Penitentiary Service (Russia, 119049, Moscow, Zhitnaya str., 14, building 1).

УДК 343

Приоритетные направления предупреждения преступности, сопряженной с занятием проституцией

Алексей Владимирович Петрянин¹✉, Ольга Александровна Петрянина²

¹Нижегородский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Нижний Новгород, Россия

²Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

¹petryanin@mail.ru✉, SPIN-код: 3529-7855

²petryanina-oa@yandex.ru, SPIN-код: 3911-7028

Аннотация. Представлен комплексный криминологический анализ системы предупреждения преступлений, детерминированных занятием проституцией. Рассматриваются теоретические модели профилактики, историческая эволюция стратегий борьбы с проституцией, современное состояние правового регулирования и правоприменительной практики. Особое внимание уделено трехуровневой модели превенции: общесоциальному, специально-криминологическому и индивидуальному предупреждению. Аргументируется необходимость перехода к аболиционистской стратегии как наиболее соответствующей принципам правового государства, однако с сохранением элементов регламентизма для минимизации вреда здоровью. Предлагается комплекс организационно-правовых мер, включая усиление административной ответственности за занятие проституцией и получение возмездных сексуальных услуг, внедрение программ ранней социализации и нравственного воспитания. Делается вывод о том, что только интеграция социально-экономической, правовой, нравственно-воспитательной и правоохранительной составляющих может обеспечить долгосрочное снижение масштабов проституции и сопутствующей организованной преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности, проституция, криминологическая профилактика, общесоциальные меры, специальное предупреждение, индивидуальная профилактика, организованная преступность, правовое регулирование

Для цитирования: Петрянин А.В., Петрянина О.А. Приоритетные направления предупреждения преступности, сопряженной с занятием проституцией // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 63–71.

Priority directions of crime prevention associated with prostitution

Alexey V. Petryanin¹✉, Olga A. Petryanina²

¹Nizhny Novgorod branch of the SK RF SPb Academy, Nizhny Novgorod, Russia

²The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia

¹petryanin@mail.ru✉, SPIN: 3529-7855

²petryanina-oa@yandex.ru, SPIN: 3911-7028

Abstract. Presents a comprehensive criminological analysis of the system for preventing crimes associated with prostitution. It examines theoretical models of prevention, the historical evolution of anti-prostitution strategies, and the current state of legal regulation and law enforcement. Particular attention is paid to a three-tiered prevention model: general social, specific criminological, and individual prevention. The need for a transition to an abolitionist strategy is argued as the most consistent with the principles of the rule of law, while maintaining regulatory elements to minimize harm

to health. A set of organizational and legal measures is proposed, including strengthening administrative liability for prostitution and receiving paid sexual services, and the implementation of early socialization and moral education programs. It is concluded that only the integration of socio-economic, legal, moral, and law enforcement components can ensure a long-term reduction in the scale of prostitution and associated organized crime.

Keywords: crime prevention, prostitution, criminological prevention, general social measures, special prevention, individual prevention, organized crime, legal regulation

For citation: Petryanin A.V., Petryanina O.A. Priority directions of crime prevention associated with prostitution // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 63–71.

Преступность, сопряженная с занятием проституцией, представляет собой одну из наиболее устойчивых и латентных форм девиантного поведения, которая одновременно выполняет функции индикатора социального неблагополучия и источника доходов для организованных преступных формирований. Актуальность исследования определяется не только высокой степенью общественной опасности данных деяний (вовлечение в занятие проституцией, организация притонов, сутенерство, торговля людьми в сексуальных целях), но и их тесной связью с наркобизнесом, незаконной миграцией, коррупцией и распространением социально значимых заболеваний.

В современной криминологической доктрине предупреждение криминальных проявлений рассматривается как многоуровневая деятельность государства и институтов гражданского общества, направленная на устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению общественно опасных деяний. Как справедливо отмечает В.Н. Бурлаков, «предупреждение преступности – это не просто совокупность мер, а системно организованный процесс, включающий прогнозирование, планирование, координацию и контроль» [1]. Применительно к проституции и связанным с ней криминальными актами этот процесс приобретает особую сложность, поскольку объект воздействия включает одновременно макросоциальные факторы (экономическое неравенство, безработица, девальвация нравственных ценностей), институциональные условия (состояние законодательства, эффективность правоохранительной системы) и индивидуально-психологические характеристики лиц, вовлеченных в данную сферу.

Наиболее репрезентативной позицией, раскрывающей сущность современной превенции девиантного поведения, выступает точка зрения С.В. Максимова, который определяет предупреждение как «направление в уголовной политике, состоящее из комплекса взаимосвязанных мероприятий, проводимых государственными и общественными органами для устранения причин, порождающих преступность» [2]. Данное определение акцентирует системный характер деятельности и ее политико-правовую природу.

Отмеченное ставит вопрос об определении границ объекта предупредительного воздействия в рассматриваемой сфере правового регулирования. В качестве таковых выступают: общественные отношения в сфере половой морали и общественной нравственности; экономические механизмы, создающие спрос и предложение на сексуальные услуги; социальные институты (семья, школа, трудовые коллективы), транслирующие ценностные ориентации; конкретные лица с девиантным поведением; криминальные структуры, организующие эксплуатацию проституции.

Учитывая методологически сложное содержание отмеченного выше объекта, приходим к выводу о том, что многовековая мировая практика противодействия проституции выработала три базовые стратегии борьбы с ней, которые сохраняют актуальность и в настоящее время: прогибиционизм, регламентизм и аболиционизм.

Прогибиционизм (стратегия запрета) исторически восходит к средневековой теократической традиции, рассматривающей проституцию как греховное деяние, подлежащее безусловному искоренению. Как отмечает И.С. Кон, система запретов «заведомо неэффективна», поскольку она переводит проституцию в нелегальное

положение, способствуя росту коррупции, криминализации и ухудшению санитарно-эпидемиологической ситуации [3]. Можно утверждать, что в условиях жестких запретов проституция не исчезает, а лишь трансформируется в более скрытые и опасные формы, сопровождаемые насилием, шантажом и эксплуатацией несовершеннолетних.

Регламентизм (стратегия государственного контроля) предполагает легализацию проституции при условии соблюдения определенных ограничений: обязательное медицинское освидетельствование, регистрация, налогообложение, территориальные и возрастные ограничения. Данная модель реализована в Германии, Нидерландах, Швейцарии, Австрии и ряде других стран. Как обоснованно полагают ученые, регламентизм позволяет установить медицинский, полицейский, финансовый и социальный контроль над сферой сексуальных услуг, минимизируя сопутствующие риски. В ФРГ, например, проституция рассматривается как вид профессиональной деятельности, доход от которой облагается налогом, а стаж занятий засчитывается в общий трудовой стаж для назначения пенсии. Одновременно вводятся ограничения – разрешение на занятие проституцией только в городах с населением более 50 тыс. человек, запрет на работу вблизи школ и детских учреждений [4].

Вместе с тем регламентизм целесообразно подвергнуть обоснованной критике за легитимацию эксплуатации женского тела и фактическое признание неизбежности данного социального зла. Кроме того, как показывает практика, даже в условиях легализации значительная часть секс-услуг оказывается вне правового поля (нелегальные бордели, мигранты без регистрации), что сводит на нет профилактический эффект.

Аболиционизм (стратегия борьбы с явлением, а не с личностью) исходит из того, что проституция является продуктом социального неравенства, бедности, патриархатных стереотипов и государственного попустительства. Поэтому аболиционисты требуют не наказания лиц, занимающихся проституцией, а устранения причин, их порождающих, при одновременной криминализации эксплуатации человека. Швеция стала пионером данной модели, приняв в 1999 г. закон, криминализующий покупку сексуальных услуг, но не их продажу. Это привело к сокращению уличной проституции на 50–70 % и изменению общественного сознания в сторону неприятия спроса [5].

Российская практика, как и законодательство, тяготеет к фрагментированной модели: занятие проституцией влечет административную ответственность (ст. 6.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (КоАП РФ)), а вовлечение и организация – уголовную (ст. 240, 241 Уголовного кодекса Российской Федерации²). Однако фактически это не является последовательным воплощением ни одной из трех стратегий, что порождает низкую эффективность профилактики исследуемой разновидности девиантного поведения.

Анализ факторов, обуславливающих распространение проституции и сопутствующих преступлений, показывает их глубокую укорененность в социальной структуре. К числу основных макродетерминант необходимо относить:

– экономическую поляризацию. Так, значительный разрыв в доходах населения, высокий уровень бедности, особенно среди женщин с детьми, создают ситуацию вынужденного выбора. По данным ряда исследований, до 40 % женщин, занимающихся проституцией, имеют высшее или среднее специальное образование, но не могут реализовать себя на рынке труда, обеспечивающем достойный доход [6];

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.; с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сент. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– безработицу и нестабильность занятости. Отсутствие гарантированных рабочих мест, особенно в моногородах и сельской местности, выступает мощным фактором миграции в сферу секс-услуг. Особую уязвимость демонстрируют женщины в возрасте 18–30 лет, не имеющие профессиональной квалификации или потерявшие ее вследствие длительного перерыва (декретные отпуска, уход за больными родственниками);

– деформацию ценностно-нормативной системы. Кризис семьи, рост числа разводов, распространение гедонистических установок и потребительской идеологии размывают традиционные нравственные барьеры. Как справедливо подчеркивает Я.И. Гишинский, проституция будет сокращаться при преодолении стимулов к стяжательству, наживе, по мере вытеснения потребительства более высокими ценностями [7];

– ослабление социального контроля. Трансформация институтов социализации (семья, школа, трудовые коллективы) привела к снижению их профилактического потенциала. Несовершеннолетние, оказавшиеся вне системы воспитания (беспризорные, дети из кризисных семей), становятся легкой добычей вербовщиков;

– развитие информационных технологий. Интернет и социальные сети создали новые каналы для вовлечения в проституцию, рекламы секс-услуг и координации преступных групп. Анонимность и доступность цифровых платформ многократно увеличивают масштабы латентной преступности.

Также необходимо отметить, что общественно опасные деяния, связанные с проституцией, в подавляющем большинстве случаев совершаются в рамках организованных преступных формирований, использующих иерархические структуры, разделение функций (вербовщики, диспетчеры, водители, охранники и др.) и коррупционные связи. Поэтому «организованное посредничество в занятии проституцией представляет собой систематическую деятельность, направленную на извлечение сверхприбылей путем эксплуатации сексуальной сферы, с использованием принуждения, обмана и зависимости жертв» [8], что также требует применения специальных мер ее превенции.

Говоря в целом о профилактике криминально-девиантного поведения, в соответствии с устоявшейся в криминологии классификацией, предупредительная деятельность подразделяется на три основных уровня: общесоциальный, специально-криминологический и индивидуальный. Рассмотрим их применительно к предмету проводимого исследования.

Общесоциальный уровень является базовым, поскольку он направлен на устранение коренных детерминант преступности и не требует непосредственной привязки к конкретным преступлениям. Его приоритетные направления, с точки зрения авторов, включают:

– во-первых, экономическую стабилизацию и социальную поддержку уязвимых групп. Речь идет не только об увеличении пособий и пенсий, но и о создании механизмов, обеспечивающих реальную возможность выхода из бедности (например, программы переквалификации, квоты для трудоустройства женщин с детьми и т.п.). Согласны с тем, что «коренные изменения в экономической и социальной системе жизни страны, создание условий для достижения женщиной материального благополучия морально приемлемыми средствами» являются основой долгосрочной профилактики деяний, сопряженных с проституцией [9];

– во-вторых, развитие институтов семьи и детства. Включает меры по укреплению брачно-семейных отношений, расширение сети кризисных центров для женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, психологическую и юридическую помощь матерям-одиночкам, многодетным семьям. Особое значение имеет профилактика домашнего насилия, которое во многих случаях выступает непосредственным триггером ухода в проституцию;

– в-третьих, возрождение духовно-нравственных ценностей. Это направление предполагает системную работу по формированию в обществе негативного

отношения к любым формам продажности, культивирование ценностей человеческого достоинства, взаимопомощи и социальной солидарности. Как верно писал К. Маркс, «мудрый законодатель предупреждает преступление, чтобы не быть вынужденным наказывать за него» [10]. Средствами достижения здесь выступают образовательные программы, деятельность средств массовой информации, культурные проекты, поддерживаемые государством;

– в-четвертых, повышение правовой культуры и информированности. Речь идет о систематической разъяснительной работе с населением о правовых последствиях участия в сфере секс-услуг, о рисках заражения ВИЧ-инфекцией и инфекциях, передающихся половым путем, а также о механизмах защиты от принуждения к занятию проституцией. Важно, чтобы такая информация была доступна и адресована в первую очередь подросткам и молодежи.

Специальное предупреждение как следующий уровень превентивного воздействия осуществляется специализированными субъектами (правоохранительные органы, органы социальной защиты, учреждения здравоохранения и образования) и направлено на выявление и нейтрализацию конкретных криминогенных факторов. Его ключевых направлений можно выделить несколько.

Приоритетным должно стать совершенствование правового регулирования в области проводимого исследования. Например, действующий КоАП РФ предусматривает штраф за занятие проституцией до двух тысяч рублей (ст. 6.11), что, по мнению авторов, является явно недостаточным. Предлагается существенно увеличить размер такого штрафа, а также ввести административную ответственность для клиентов – потребителей сексуальных услуг.

Отдельным может быть направление, развивающее систему медицинского и психологического сопровождения. Лица, вовлеченные в проституцию, часто страдают от психических расстройств, посттравматического стрессового расстройства, наркотической и алкогольной зависимости. Расширение сети сексологических центров и бесплатных кабинетов анонимной помощи позволит своевременно выявлять и оказывать поддержку нуждающимся, что одновременно снизит риск распространения ВИЧ-инфицированных инфекций, передающихся половым путем. Сегодня сексологическая и сексопатологическая помощь населению в России отсутствует, и ее развитие является необходимым элементом профилактики преступлений, сопряженных с занятием проституцией [11].

На индивидуальном уровне необходимо ориентировать на конкретных лиц, от которых обоснованно можно ожидать совершения преступлений либо которые уже находятся в социально опасном положении. Объектами профилактического воздействия здесь выступают: сутенеры, организаторы и содержатели притонов; лица, вовлекающие в проституцию (вербовщики); лица, вовлеченные в проституцию, в том числе несовершеннолетние, как потенциальные жертвы и одновременно субъекты девиантного поведения; клиенты, формирующие спрос на сексуальные услуги.

На основе изложенного считаем, что основные этапы индивидуальной профилактики должны включать:

– выявление и постановку на учет лиц, от которых можно ожидать совершения рассматриваемых преступлений. В этот круг включаются субъекты: ранее судимые за общественно опасные деяния, сопряженные с занятием проституцией; ведущие аморальный образ жизни; несовершеннолетние из неформальных объединений; состоящие на учете в медицинских диспансерах с психическими отклонениями на сексуальной почве; страдающие венерическими заболеваниями. Формами учета могут быть профилактические дела, контрольные списки, наблюдение участковых уполномоченных;

– диагностику личности и среды, что предполагает изучение социально-демографических характеристик, психологических особенностей, характера криминальных связей, источников отрицательного воздействия (неблагополучная

семья, асоциальное окружение). Ее цель – определить степень пораженности антиобщественными взглядами и степень готовности к противоправным действиям;

– реализацию корректирующего воздействия, основанную на мерах убеждения (индивидуальные беседы, консультирование, правовая пропаганда), принуждения (официальные предостережения, административный надзор), а также механизмах социальной поддержки (направление в центры занятости, психологическая помощь, лечение от наркомании). Важно, чтобы воздействие носило не только запретительный, но и конструктивный характер, предлагая альтернативные модели поведения;

– контроль и периодическую проверку эффективности индивидуально-предупредительных мер, оцениваемую через регулярные отчеты, опросы, анализ динамики поведения лиц с делинквентным поведением. Считаем, что при отсутствии позитивных изменений, характеризующих снижение криминальной активности в секторе проводимого исследования, могут применяться более жесткие меры, вплоть до уголовно-правовых, либо инициирование процедур ограничения дееспособности (при наличии психического расстройства).

Подчеркнем, что особое значение в системе предупреждения имеет ранняя профилактика, осуществляемая до появления признаков девиантного поведения. Как верно отмечают ученые, «предупреждение преступности должно начинаться с так называемого раннего предупреждения» [12]. Базой ранней профилактики конечно же является воспитание [13].

В этой связи в контексте предмета проводимого исследования ранняя профилактика должна включать:

1. Принятие и развитие семейно-ориентированных программ. Семья выступает первичным агентом социализации, и ее неблагополучие (разводы, насилие, алкоголизм родителей, гипопека) многократно повышает риск вовлечения ребенка в девиантное поведение. Поэтому государственная социальная политика должна быть направлена на укрепление семейных отношений, психологическое консультирование, создание сети служб раннего вмешательства для кризисных семей.

2. Совершенствование дошкольного и школьного воспитания. В частности, необходимо введение в образовательные программы курсов духовно-нравственного воспитания, основ семейной жизни, полового воспитания, правового просвещения [14]. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования»³ прямо указывает на воспитание как приоритетное направление, однако на практике его реализация остается декларативной. Половое воспитание должно быть направлено не на физиологическое просвещение как таковое, а на формирование ответственности, целомудрия, уважения к женщине, неприятия насилия и эксплуатации.

3. Медико-психологическую поддержку в образовательных учреждениях. Штатные психологи и социальные педагоги должны быть оснащены методиками выявления признаков сексуального насилия, раннего начала половой жизни, а также иметь возможность направлять детей и семьи в специализированные центры.

Критически важным элементом системы предупреждения является оценка его результативности. Как показывает анализ правоприменительной практики, профилактическая деятельность зачастую носит формальный характер, а обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, в большинстве случаев не выясняются [15]. Для преодоления этого недостатка предлагается:

– разработать систему следующих количественных и качественных индикаторов эффективности противодействия общественно опасным деяниям, сопряженным с занятием проституцией: число выявленных фактов вовлечения в проституцию; количество таких лиц, поставленных на профилактический учет;

³ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства Рос. Федерации от 26 дек. 2017 г. № 1642 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 2 (Ч. II). Ст. 364.

динамика рецидивов; уровень латентности; результаты опросов населения об отношении к проституции;

- создать единую автоматизированную базу данных учета лиц, причастных к сфере секс-услуг, для межведомственного обмена информацией и координации усилий;

- на системной основе проводить социологические замеры для оценки фактической распространенности проституции.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд следующих методологически обобщающих выводов.

Во-первых, преступность, сопряженная с занятием проституцией, является системным, деструктивным социальным феноменом, детерминированным комплексом экономических, социальных, культурных и организационно-правовых факторов. Эффективное противодействие ей невозможно в рамках исключительно репрессивной уголовно-правовой политики.

Во-вторых, приоритетными направлениями предупредительной деятельности в этой области должны стать: общесоциальные меры, направленные на снижение бедности, обеспечение занятости, укрепление института семьи и возрождение нравственных ценностей; специально-криминологические меры, включающие совершенствование законодательства, усиление ответственности за эксплуатацию и за спрос; индивидуальная работа с лицами из групп риска, основанная на сочетании контроля и социальной поддержки.

В-третьих, в стратегическом плане наиболее адекватной для России представляется аболиционистская модель профилактики преступности, сопряженной с занятием проституцией, ориентированная на устранение ее детерминант и защиту прав личности, с элементами регламентизма (медицинский контроль, социальное сопровождение) и криминализацией спроса.

Считаем аксиомой, что только интеграция усилий государства и общественности, основанная на признании человеческого достоинства и неприятии эксплуатации человека, способна обеспечить долгосрочное снижение масштабов проституции и сопутствующей организованной преступности.

Список источников

1. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова, С.В. Степашина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 432 с.
2. Максимов С.В. Краткий криминологический словарь. М.: Юрист, 1995. 127 с.
3. Кон И.С. Проституция без прикрас // Труд. 1990. 5 апр. С. 4.
4. Криминология: учеб. для вузов / под ред. С.М. Иншакова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 480 с.
5. Ekberg G. The Swedish Law That Prohibits the Purchase of Sexual Services // Violence Against Women. 2004. Vol. 10. № 10. P. 1187–1218.
6. Аристова Т.А. Социальные портреты женщин, занимающихся проституцией // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 88–94.
7. Гилинский Я.И. Эффективен ли запрет проституции? // Социологические исследования. 1988. № 6. С. 8–13.
8. Шлык С.В. Криминологическая характеристика и профилактика организованного посредничества в занятии проституцией: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. 189 с.
9. Аверина Н.А. Я защищаю проститутку // Совершенно секретно. 1996. № 2. С. 12–14.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты о законе о краже леса: сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 119–152.
11. Карпец И.И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Юрид. лит-ра, 1976. 224 с.

12. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М.: Академия МВД СССР, 1980. 526 с.
13. Маньч Е.Г. Проституция: криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 201 с.
14. Махтаев М.Ш. Проблемы криминалистического обеспечения предупреждения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 26 с.
15. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «социальных отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 520 с.

References

1. Kriminologiya: ucheb. dlya yurid. vuzov / pod red. V.N. Burlakova, V.P. Sal'nikova, S.V. Stepashina. SPb.: Izd-vo SPbGU, 1999. 432 s.
2. Maksimov S.V. Kratkij kriminologicheskij slovar'. M.: Yurist", 1995. 127 s.
3. Kon I.S. Prostituciya bez prikras // Trud. 1990. 5 apr. S. 4.
4. Kriminologiya: ucheb. dlya vuzov / pod red. S.M. Inshakova. M.: YuNITI-DANA, 2000. 480 s.
5. Ekberg G. The Swedish Law That Prohibits the Purchase of Sexual Services // Violence Against Women. 2004. Vol. 10. № 10. P. 1187–1218.
6. Aristova T.A. Social'nye portrety zhenshchin, zanimayushchihsya prostituciej // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 7. S. 88–94.
7. Gilinskij Ya.I. Effektivn li zapret prostitucii? // Sociologicheskie issledovaniya. 1988. № 6. S. 8–13.
8. Shlyk S.V. Kriminologicheskaya harakteristika i profilaktika organizovannogo posrednichestva v zanyatii prostituciej: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1996. 189 s.
9. Averina N.A. Ya zashchishchayu prostitutok // Sovershenno sekretno. 1996. № 2. S. 12–14.
10. Marks K., Engel's F. Debaty o zakone o krazhe lesa: sochineniya. 2-e izd. M.: Politizdat, 1955. T. 1. S. 119–152.
11. Karpec I.I. Sovremennye problemy ugolovnogo prava i kriminologii. M.: Yurid. lit-ra, 1976. 224 s.
12. Avanesov G.A. Kriminologiya i social'naya profilaktika. M.: Akademiya MVD SSSR, 1980. 526 s.
13. Manych E.G. Prostituciya: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty protivodejstviya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 201 s.
14. Mahtaev M.Sh. Problemy kriminalisticheskogo obespecheniya preduprezhdeniya prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 26 s.
15. Gilinskij Ya.I. Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «social'nyh otklonenij». SPb.: Yuridicheskij centr Press, 2004. 520 s.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторах

А.В. Петрянин – доктор юридических наук, профессор, директор Нижегородского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 603104, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, ул. Краснозвездная, 5);

О.А. Петрянина – кандидат юридических наук, доцент, заместитель руководителя отдела по приему граждан и документационному обеспечению следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области (Россия, 603074, г. Нижний Новгород, ул. Маршала Воронова, 22а).

Information about the authors

A.V. Petryanin – Doctor of Law, Professor, Director of the Nizhny Novgorod branch of the SK RF SPb Academy (Russia, 603104, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Krasnozdnaya str., 5);

O.A. Petryanina – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department for the Reception of Citizens and Documentation Support of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region (Russia, 603074, Nizhny Novgorod, Marshala Voronova str., 22a).

УДК 343

**«Темная материя» уголовного дела:
психологический код мотива и проблемы его расшифровки**

Елена Николаевна Холопова¹✉, Ярослава Владимировна Комиссарова²

¹Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия

²Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия

¹elchol@mail.ru✉, SPIN-код: 2757-1911

²a5143836@yandex.ru, SPIN-код: 5714-1620

Аннотация. Статья посвящена одной из наиболее сложных проблем современного уголовного процесса – доказыванию субъективной стороны преступления. В центре внимания авторов находится мотив как «темная материя» правосудия: он не поддается прямому наблюдению и зачастую скрыт не только от следствия, но и от самого обвиняемого. Рассматривается вопрос о целесообразности производства судебно-психологической экспертизы для установления мотива, приведены примеры из экспертной практики. Затронуты пограничные ситуации, когда без использования знаний из области психологии истину установить невозможно. Обозначены перспективы развития института специальных психологических знаний применительно к уголовному судопроизводству.

Ключевые слова: доказывание, субъективная сторона преступления, мотив преступления, коммуникативное поведение, специальные знания, судебно-психологическая экспертиза

Для цитирования: Холопова Е.Н., Комиссарова Я.В. «Темная материя» уголовного дела: психологический код мотива и проблемы его расшифровки // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 72–77.

**The «dark matter» of a criminal case: the psychological code
of motive and the problems of deciphering it**

Elena N. Kholopova¹✉, Yaroslava V. Komissarova²

¹Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad, Russia

²Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Moscow, Russia

¹elchol@mail.ru✉, SPIN: 2757-1911

²a5143836@yandex.ru, SPIN: 5714-1620

Abstract. The article is devoted to one of the most difficult problems of the modern criminal process – proving the subjective side of the crime. The authors focus on the motive as the «dark matter» of justice: it defies direct observation and is often hidden not only from the investigation, but also from the accused himself. The issue of the expediency of conducting a forensic psychological examination to establish a motive is considered, examples from expert practice are given. Borderline situations are affected, when it is impossible to establish the truth without using knowledge from the field of psychology. The prospects for the development of the institute of special psychological knowledge in relation to criminal proceedings are outlined.

Keywords: evidence, subjective side of the crime, motive of the crime, communicative behavior, special knowledge, forensic psychological examination

For citation: Kholopova E.N., Komissarova Ya.V. The «dark matter» of a criminal case: the psychological code of motive and the problems of its decoding // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 72–77.

Современный следователь находится в парадоксальной ситуации: закон требует от него доказывания мотива совершения преступления (п. 2 ч. 1 ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (УПК РФ)), но сам мотив – явление, ускользающее от объективной фиксации. Это своего рода «темная материя» уголовного дела: она существует и определяет траекторию поведения субъекта, однако для непосредственного восприятия данная область недоступна.

Как справедливо отмечает А.И. Рарог, удельный вес судебных ошибок, связанных с неверным установлением субъективных признаков, достигает 40–50 % [1, с. 4]. Особенно остро эта проблема стоит при производстве по делам, где мотив является конструктивным или квалифицирующим признаком: убийства, экстремизм, реабилитация нацизма, дискриминационные отказы в приеме на работу и т.п. В этих случаях пробел в доказательственной базе может быть восполнен за счет использования специальных психологических знаний. При этом возникает новый вопрос: где проходит граница между психологическим исследованием и вторжением в исключительную компетенцию суда?

В уголовно-правовой доктрине существует давний спор [2]. Одни авторы утверждают, что мотив – категория сугубо юридическая, и эксперт не вправе делать выводы о его содержании [3]. Другие указывают, что психологическое исследование мотива не только возможно, но и необходимо, поскольку подлинные побуждения к действию часто не осознаются человеком либо сознательно искажаются [4, 5].

Наиболее радикальную позицию занимает А.И. Плотников, который пишет о «непригодности мотива в качестве признака преступления в силу его сложной и глубокой психологической природы», называя его «призраком», от которого надо избавиться [6]. Однако законодатель и правоприменитель к этому не готовы. Более того, современные составы (ст. 282, 282.1, 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации² (УК РФ)) активно оперируют понятиями ненависти, вражды, идеологических побуждений, что делает производство психологической экспертизы по делу не просто целесообразным, а неизбежным.

Ключ к разрешению спора, как полагают многие специалисты (и авторы с ними солидаризируются), – в разграничении компетенции. Эксперт-психолог не устанавливает юридический мотив (корысть, месть, хулиганские побуждения), он исследует психологическую структуру мотивации: потребности, ценностные ориентации, смысловые установки, эмоциональные состояния. Как писал М.М. Коченов, «если эксперт-психолог, не выходя за пределы своей компетенции, устанавливает психологические мотивы конкретного поступка, анализирует особенности мотивационной сферы испытуемого, такого рода исследования не противоречат общим принципам судебной экспертизы» [7, с. 34].

Наиболее полно возможности судебно-психологической экспертизы (СПЭ) раскрываются при анализе сложных, многосоставных мотиваций. Рассмотрим примеры из экспертной практики.

При производстве СПЭ по делу о создании финансовой пирамиды перед экспертами-психологами стояла задача не просто констатировать наличие корысти, а понять, почему злоумышленник, имевший стабильное положение в обществе и достаточно высокие доходы, пошел на создание многомиллионной пирамиды. Исследование выявило сложную иерархию мотивов: доминирующим оказалось не обогащение само по себе, а стремление к самоутверждению, занятию исключительного положения в группе, поддержанию имиджа «успешного человека». Корысть выступала лишь инструментом реализации глубинной потребности в признании. Эксперты также проследили динамику мотивации: когда первоначальная схема дала сбой, произошла деформация «внутреннего фильтра»

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г., с изм. от 29 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

(нравственного контроля), и ситуативное поведение переросло в устойчивую криминальную схему³.

В другом случае – при проведении СПЭ в ситуации ложного обвинения во взяточничестве – экспертиза подтвердила оправдательную версию. Анализ личностных особенностей подэкспертного (педантичность, исполнительность, избегание конфликтов и др.) показал отсутствие корыстной мотивации. Фразы, которые сторона обвинения интерпретировала как намеки на взятку, в контексте постоянного обсуждения документов оказались неоднозначными. Эксперты, действуя в пределах своей компетенции, не писали и не могли написать, что человек невиновен, но предоставили суду данные, позволившие усомниться в обоснованности обвинения⁴.

Практика расследования преступлений экстремистской направленности и реабилитации нацизма (ст. 282, 354.1 УК РФ) подтверждает необходимость использования специальных психологических знаний. Мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды является здесь обязательным признаком состава преступления. Доказать его наличие исключительно через показания обвиняемого крайне затруднительно, так как последний может отрицать наличие ненависти, объясняя свои действия, например, «историческим интересом» или «свободой слова». Поэтому по таким делам назначаются комплексные психолого-лингвистические экспертизы. Перед экспертами ставятся вопросы, направленные на выявление в информационных материалах признаков возбуждения ненависти либо унижения достоинства, а также на установление цели и мотива действий автора. Эксперты-психологи анализируют содержание текста (видеоряда) на предмет наличия в нем признаков уничижительного, враждебного отношения к какой-либо социальной группе, что позволяет косвенно судить о мотивах лица, разместившего такой материал.

Так, по факту размещения гражданином Г. на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» символа Знамени Победы в виде флага ЛГБТ-сообщества и комментария о том, что День Победы является «праздником для лиц нетрадиционной ориентации», была назначена психолого-лингвистическая экспертиза. Заключение экспертов позволило следствию убедиться в наличии сведений, выражающих явное неуважение к обществу и оскверняющих символы воинской славы. Несмотря на то что первоначально Г. признал вину, а впоследствии отказался от своих показаний, заключение экспертов стало ключевым доказательством, позволившим возбудить уголовное дело по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ (реабилитация нацизма), так как в нем были зафиксированы содержание и направленность умысла, а следовательно, и мотивы действий Г. [8]. В данном случае СПЭ выполняла важнейшую функцию: она позволила «объективировать» субъективную сторону, установив психологический контекст деяния (осквернение символов, неуважение к обществу), который был правильно интерпретирован следствием и судом как проявление соответствующего мотива.

Таким образом, использование специальных психологических знаний при доказывании мотива преступного деяния – не вторжение в компетенцию правоприменителя, а научно обоснованный способ познания глубинных психологических механизмов человеческого поведения, знание которых необходимо для правильной юридической квалификации содеянного. Интеграция знаний из психологии в уголовный процесс позволяет решить ряд важных задач: перейти от монистического понимания мотива к его интегрально-целостному анализу; выявить подлинные, а не декларируемые побуждения субъекта; разграничить смежные

³ Заключение экспертов от 25 нояб. 2016 г. № 254/П20 по уголовному делу № 20/03/0069-15. Материалы из личного архива автора статьи Е.Н. Холоповой.

⁴ Заключение экспертов от 26 дек. 2016 г. № 281/В20 по уголовному делу № 20/03/0039-16. Материалы из личного архива автора статьи Е.Н. Холоповой.

составы преступлений; обеспечить индивидуализацию наказания и реализацию принципа справедливости.

Особую сложность представляют дела, где мотив носит дискриминационный характер. Так, И.А. Грецкий отмечает, что ст. 144.1, 145 УК РФ (отказ в приеме на работу предпенсионерам, беременным) фактически являются «мертвыми»: за 25 лет по ст. 145 осуждены только 32 человека. Причина – в завуалированности мотива: работодатель никогда не скажет, что отказ в приеме на работу обусловлен беременностью соискателя, он найдет формальный повод – отсутствие вакансии, необходимых профессиональных навыков и т.д. [9]. Как же доказывать дискриминационный мотив? Грецкий И.А. справедливо указывает на необходимость до обращения в правоохранительные органы сбора пострадавшим сведений, которые в дальнейшем могут стать доказательствами по делу: аудио- и видеозаписи разговоров, переписка, показания свидетелей и т.п. СПЭ в таких ситуациях может быть полезна при анализе коммуникативного поведения [10] работодателя и соискателя, но на практике она проводится крайне редко.

Другая проблемная категория – дела о сокрытии преступлений от учета (ст. 285 УК РФ). Шилин В.В. пишет о том, насколько сложно доказывать наличие «иной личной заинтересованности» у сотрудников правоохранительных органов [11]. В одном из приводимых им примеров суд оправдал сотрудника, указав, что «желание повысить статистические показатели не может считаться личной заинтересованностью», а боязнь критики – это дисциплинарный проступок, а не преступление. В другом деле, напротив, обвинительный приговор был вынесен, поскольку следствие доказало, что сокрытие было совершено «для создания перед руководством видимости успешно выполненной работы, получения впоследствии возможного поощрения». Здесь следователь использовал ведомственные нормативные акты о критериях оценки действий сотрудника, занимающего соответствующую должность, допросил руководителей, изъяс справки о результатах проверок.

Отдельного внимания заслуживает проблема ложных воспоминаний. Она напрямую не связана с мотивом действий подсудимого, но критически важна для доказывания субъективной стороны, когда речь идет о показаниях участников судопроизводства и формировании на их основе внутреннего убеждения судьи [12]. Человеческая память пластична, и под влиянием наводящих вопросов, стресса или с течением времени человек может «вспомнить» то, чего не было, или существенно исказить описание деталей события. Например, потерпевший по делу о хулиганстве может искренне считать, что нападавший действовал на почве национальной ненависти или вражды, хотя в действительности имела место бытовая ссора.

Как отличить воспоминание, основанное на реальных событиях, от ложного, особенно, если потерпевший ребенок? Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза поможет оценить способность лица правильно воспринимать события с учетом его индивидуально-психологических особенностей, наличие повышенной внушаемости, влияние постороннего воздействия на формирование показаний. Общеизвестно, что при расследовании уголовных дел о половых преступлениях в отношении малолетних нередки случаи, когда дети дословно повторяют фразы взрослых, рассказывая о деталях случившегося, которые ребенок соответствующего возраста не мог бы описать самостоятельно. Это ставит под сомнение доказанность мотива.

Очевидно, что отказ от доказывания мотива означал бы возврат к объективному вменению, когда человека судят только за деяние, не вникая в то, почему он это сделал. Правосудие, не различающее убийство из ревности и убийство из хулиганских побуждений, перестает быть правосудием.

Проблема не в мотиве как таковом, а в отсутствии надежного инструментария для его установления, в непонимании отдельными правоприменителями разницы между психологическим содержанием мотива и его юридической формой. Сегодня интеграция психологических знаний в уголовный процесс – не дань моде,

а объективная необходимость. Как показывает практика, грамотно проведенная СПЭ способна превратить «темную материю» в убедительное доказательство.

Перспективными направлениями, по мнению авторов, являются:

- разработка методик экспертного исследования мотива по новым категориям дел (экстремизм, реабилитация нацизма и др.);
- совершенствование методов анализа аудио- и видеозаписей для выявления признаков искажения информации;
- обязательное психологическое сопровождение следственных действий с участием малолетних и лиц с психическими аномалиями;
- выработка единого «метаязыка» для юристов и психологов;
- повышение квалификации следователей и судей в части взаимодействия с экспертами-психологами на этапе постановки вопросов и оценки их заключений.

Список источников

1. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография. М.: Проспект, 2015. 229 с.
2. Демидова Л.Ю., Ткаченко А.А. Категории мотива и цели в уголовном праве и судебной психологии // Психология и право. 2025. № 15(1). С. 29–43.
3. Шишков С. Специальные познания и здравый смысл в судебном доказывании // Законность. 2000. № 6. С. 23–27.
4. Ситковская О.Д., Коньшева Л.П., Коченов М.М. Новые направления судебно-психологической экспертизы. М.: Юрлитинформ, 2000. 154 с.
5. Холопова Е.Н. Судебно-психологическая экспертиза мотива преступного деяния: проблемы теории и практики // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. № 4(12). С. 10–14.
6. Плотников А.И. Мотив и цель: соотношение и уголовно-правовое значение в свете традиции и законодательных новаций // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2019. № 38. С. 157–161.
7. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. С. 34.
8. Веретнова А.А., Холопова Е.Н. Обстоятельства, подлежащие установлению и доказыванию, при расследовании реабилитации нацизма // Юридический мир. 2023. № 8. С. 6–13.
9. Грецкий И.А. Дискриминационные мотивы и их установление в субъективной стороне необоснованного отказа лицу в приеме на работу или увольнения работника (ст. 144.1 и 145 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 4. С. 105–114.
10. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение: сб. статей. Сер.: Коммуникативное поведение. Воронеж: Воронеж. гос. техн. ун-т, 2000. Вып. 1. С. 4–20.
11. Шилин В.В. Особенности доказывания мотива при расследовании сокрытия преступлений от учета // Криминалист. 2023. № 4(45). С. 105–111.
12. Комиссарова Я.В. Ложные воспоминания: проблемы оценки показаний участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2023. № 4. С. 22–28.

References

1. Rarog A.I. Problemy kvalifikaciyi prestuplenij po sub"ektivnym priznakam: monografiya. M.: Prospekt, 2015. 229 s.
2. Demidova L.Yu., Tkachenko A.A. Kategorii motiva i celi v ugodovnom prave i sudebnoj psihologii // Psihologiya i pravo. 2025. № 15(1). S. 29–43.

3. Shishkov S. Special'nye poznaniya i zdravyy smysl v sudebnom dokazyvanii // *Zakonnost'*. 2000. № 6. S. 23–27.
4. Sitkovskaya O.D., Konysheva L.P., Kochenov M.M. *Novye napravleniya sudebno-psihologicheskoy ekspertizy*. M.: Yurlitinform, 2000. 154 s.
5. Holopova E.N. *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza motiva prestupnogo deyaniya: problemy teorii i praktiki* // *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy*. 2008. № 4(12). S. 10–14.
6. Plotnikov A.I. *Motiv i cel': sootnoshenie i ugolovno-pravovoe znachenie v svete tradicii i zakonodatel'nyh novacij* // *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) MGYuA*. 2019. № 38. S. 157–161.
7. Kochenov M.M. *Sudebno-psihologicheskaya ekspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye trudy*. M.: Genezis, 2010. S. 34.
8. Veretnova A.A., Holopova E.N. *Obstoyatel'stva, podlezhashchie ustanovleniyu i dokazyvaniyu, pri rassledovanii reabilitatsii naczisma* // *Yuridicheskij mir*. 2023. № 8. S. 6–13.
9. Greckij I.A. *Diskriminacionnye motivy i ih ustanovlenie v sub'ektivnoj storone neobosnovannyh otkaza licu v prieme na rabotu ili uvol'neniya rabotnika (st. 144.1 i 145 UK RF)* // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2023. T. 18. № 4. S. 105–114.
10. Sternin I.A. *Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya* // *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie: sb. statej. Ser.: Kommunikativnoe povedenie*. Voronezh: Voronezh. gos. tekhn. un-t, 2000. Vyp. 1. S. 4–20.
11. Shilin V.V. *Osobennosti dokazyvaniya motiva pri rassledovanii sokrytiya prestuplenij ot ucheta* // *Kriminalist*". 2023. № 4(45). S. 105–111.
12. Komissarova Ya.V. *Lozhnye vospominaniya: problemy ocenki pokazanij uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* // *Rossijskij sud'ya*. 2023. № 4. S. 22–28.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 25.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 25.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторах

Е.Н. Холопова – доктор юридических наук, кандидат психологических наук, профессор, старший научный сотрудник Высшей школы права ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета имени И. Канта (Россия, 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14);

Я.В. Комиссарова – кандидат юридических наук, доцент, почетный работник сферы образования Российской Федерации, доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Россия, 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9).

Information about the authors

E.N. Kholopova – Doctor of Law, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Higher School of Law of the Academic Cluster Institute of Management and Territorial Development of the Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, 236041, Kaliningrad, A. Nevskogo str., 14);

Ya.V. Komissarova – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of Criminalistics of the Kutafin Moscow State Law University (Russia, 125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9).

УДК 343.8

Особенности получения осужденным компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении

Андрей Николаевич Гордополов

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, andrei.gordopolov@yandex.ru, SPIN-код: 5264-5660

Аннотация. Проводится комплексный анализ изменений уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок реализации осужденными к лишению свободы права на получение денежной компенсации за нарушение условий содержания в исправительных учреждениях. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации осужденными права на компенсацию, а также правоприменительная практика судов общей юрисдикции и доктринальные подходы к толкованию соответствующих норм. Цель работы – выявление системных проблем правового регулирования и правоприменения в сфере присуждения компенсации за нарушение условий содержания, а также разработка предложений по совершенствованию законодательства и судебных разъяснений. Исследование основано на формально-юридическом, сравнительно-правовом и системном анализе. Использованы нормы Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Гражданского кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебные акты (2020–2023 гг.) по конкретным делам, решения Европейского суда по правам человека, а также научные публикации по теме. Автором детально исследуется правовой механизм предоставления такой компенсации, выявляются проблемы разграничения административного искового производства (в порядке ст. 12.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) и гражданско-правового иска о возмещении вреда (ст. 1069, 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации). Дается критическая оценка судебным актам, предопределяющим возможность получения осужденными указанной компенсации, а также рассматриваются пробелы в правовом регулировании, существующие в конструкции ст. 12.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, а также вопросам доказывания и исчисления процессуальных сроков. В заключение формулируются предложения по совершенствованию законодательства, в том числе о расширении круга субъектов, имеющих право на компенсацию.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное право, осужденный, лишение свободы, компенсация за нарушение условий содержания, исправительное учреждение, административное судопроизводство, судебная практика, моральный вред, правовой механизм

Для цитирования: Гордополов А.Н. Особенности получения осужденным компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 78–86.

Features of obtaining compensation for a convicted person for violation of conditions of detention in a correctional institution

Andrey N. Gordopolov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia, andrei.gordopolov@yandex.ru, SPIN: 5264-5660

Abstract. Provides a comprehensive analysis of amendments to the penal enforcement legislation of the Russian Federation regulating the procedure for realizing the right of convicts sentenced to imprisonment to receive monetary compensation for violations of detention conditions in correctional institutions. The object of the study is the social relations arising in the process of convicts exercising their right to compensation, as well as the law enforcement practice of courts of general jurisdiction and doctrinal approaches to the interpretation of relevant norms. The aim of the work is to identify systemic problems of legal regulation and law enforcement in the field of awarding compensation for violations of detention conditions, and to develop proposals for improving legislation and judicial clarifications. Methods and materials. The research is based on formal-legal, comparative-legal and systemic analysis. It uses the norms of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, the Civil Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial acts (2020–2023) in specific cases, judgments of the European Court of Human Rights, as well as scientific publications on the topic. The author examines in detail the legal mechanism for granting such compensation, identifies problems of distinguishing between administrative claim proceedings (under Article 12.1 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation) and a civil law claim for damages (Articles 1069, 1070 of the Civil Code of the Russian Federation). A critical assessment is given to judicial acts that predetermine the possibility for convicts to receive the said compensation, and gaps in the legal regulation existing in the structure of Article 12.1 of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation are examined. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice, as well as issues of proof and calculation of procedural deadlines. In conclusion, proposals for improving legislation are formulated, including expanding the circle of entities entitled to compensation.

Keywords: penal enforcement law, convicted person, imprisonment, compensation for violation of conditions of detention, correctional institution, administrative proceedings, judicial practice, moral harm, legal mechanism

For citation: Gordopolov A.N. Features of obtaining compensation for a convicted person for violation of conditions of detention in a correctional institution // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 78–86.

По состоянию на 2026 г. нововведения, закрепленные в ст. 12.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ (УИК РФ) и вступившие в законную силу 28 января 2020 г., действуют уже более шести лет. Указанная норма предоставила осужденным к лишению свободы ранее неизвестное российскому правопорядку право на получение компенсации в денежной форме за нарушение условий содержания в исправительном учреждении [1, с. 17]. Принятие Федерального закона от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² явилось реакцией законодателя на систематические жалобы, направляемые российскими осужденными в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), а также на прецедентную практику

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 17 дек. 2025 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2019 г. № 494-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

последнего, нередко присуждавшую заявителям значительные суммы компенсаций – до 18 000 евро.

Как справедливо отмечается в литературе, принятие ст. 12.1 УИК РФ было направлено на создание эффективного внутригосударственного правового механизма, альтернативного обращению в ЕСПЧ, что, в свою очередь, способствует повышению престижа России на международной арене и минимизации расходов бюджета на выплаты по решениям международных судов [1, с. 17]. После вынесения решения ЕСПЧ от 9 апреля 2020 г. по делу «Шмелев (Shmelev) и другие против России» (жалоба № 41743/17 и др.) несколько тысяч жалоб российских осужденных на ненадлежащие условия содержания были признаны неприемлемыми ввиду исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, и заявителям было предложено обращаться в российские суды³.

Несмотря на очевидную прогрессивность данного правового института, практика его применения выявила множество проблемных аспектов: неопределенность круга субъектов, имеющих право на компенсацию; сложность разграничения административного и гражданского судопроизводства; неоднородность судебной практики по вопросам доказывания и размера компенсации; а также формальный подход судов к оценке длительности нарушений и вины администрации исправительного учреждения.

Для правильного понимания механизма, предусмотренного ст. 12.1 УИК РФ, необходимо разграничить его с традиционными гражданско-правовыми способами возмещения вреда, причиненного государственными органами и должностными лицами (гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (ГК РФ)). Российское законодательство знает несколько случаев, когда осужденный вправе претендовать на возмещение вреда со стороны государства:

1. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) должностных лиц администрации исправительного учреждения – на основании ст. 1069 ГК РФ. Здесь подлежит доказыванию совокупность условий: противоправность деяния, наличие вреда (имущественного или морального), причинно-следственная связь и вина причинителя. Данный порядок применяется, например, при уничтожении личного имущества осужденного из-за затопления камеры по вине администрации или при незаконном водворении в штрафной изолятор, повлекшем ухудшение здоровья.

В перечень государственных органов, за незаконные действия которых государство возмещает вред, не включены учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания. Это создает пробел в правовом регулировании: осужденный, в отношении которого незаконно применено дисциплинарное взыскание (например, водворение в штрафной изолятор), и данное взыскание впоследствии отменено вышестоящим начальником или судом, не может прямо сослаться на ст. 1070 ГК РФ. Представляется, что по аналогии с гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ (реабилитация) необходимо закрепить в УИК РФ специальное право осужденных на возмещение имущественного и морального вреда, причиненного незаконным применением мер взыскания.

2. Компенсация морального вреда в рамках гражданского судопроизводства за физические и нравственные страдания, вызванные ненадлежащими условиями содержания. До введения ст. 12.1 УИК РФ это был единственный способ добиться

³ Решение Европейского Суда по правам человека от 9 апр. 2020 г. по делу «Шмелев и другие (Shmelev and others) против Российской Федерации» (жалоба № 41743/17 и др.) // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2020. № 9. С. 45–52.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 10 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

денежной компенсации без доказательств имущественного ущерба. В предмет доказывания входили: факт противоправного деяния (бездействия), вина администрации, наличие страданий и причинно-следственная связь⁶.

3. Специальный административно-правовой механизм – присуждение компенсации за нарушение условий содержания в исправительном учреждении в порядке административного судопроизводства (ст. 12.1 УИК РФ и гл. 22.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁷ (КАС РФ). Его принципиальное отличие – отсутствие необходимости доказывать вину администрации исправительного учреждения. Достаточно подтвердить факт нарушения условий содержания (например, превышение лимита наполнения камеры, отсутствие горячей воды, недостаточность спальной площади), его характер, продолжительность и наступившие последствия (ч. 5 ст. 227.1 КАС РФ). Как справедливо отмечает Е.Э. Попова, это существенно облегчает положение осужденного-заявителя и повышает доступность судебной защиты [2, с. 28].

Важно подчеркнуть, что в случае присуждения компенсации по ст. 12.1 УИК РФ осужденный лишается права на получение компенсации морального вреда за те же нарушения (ч. 3 ст. 12.1 УИК РФ). Вместе с тем, как разъяснено в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 47⁸, присуждение компенсации не препятствует обращению осужденного за возмещением вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ (например, если нарушение условий содержания повлекло повреждение имущества или причинение вреда здоровью, выходящее за рамки «нематериальных» страданий). Таким образом, речь идет о параллельно существующих, но не взаимозаменяемых способах защиты.

В соответствии с ч. 1 ст. 12.1 УИК РФ правом на подачу административного искового заявления о присуждении компенсации обладают осужденные к лишению свободы, отбывающие наказание в исправительном учреждении. Буквальное толкование этой нормы порождает как минимум две дискуссионные ситуации.

Первая – распространяется ли действие ст. 12.1 УИК РФ на осужденных к пожизненному лишению свободы? Формально – да, поскольку они отбывают лишение свободы в исправительных учреждениях особого режима. Однако, как отмечают О.В. Соколова и И.Б. Степанова, условия содержания в колониях для пожизненно осужденных имеют свою специфику (повышенные меры безопасности, ограничения на свидания и т.д.), и зачастую именно там возникают наиболее острые нарушения (например, отсутствие длительных свиданий, как в решении Чердаклинского районного суда Ульяновской области от 29 декабря 2022 г. по делу № 2а-933/2022) [3, с. 32]. Авторы обоснованно предлагают расширить перечень субъектов, включив в него не только осужденных к пожизненному лишению свободы, но и тех, кому лишение свободы было назначено в порядке замены наказаний, не связанных с изоляцией от общества (например, при замене исправительных работ на лишение свободы в связи со злостным уклонением).

Вторая проблема – правовой статус осужденных, в отношении которых лишение свободы применено в порядке замены наказания. Полагаем, что отказ в распространении на них ст. 12.1 УИК РФ является необоснованным. Сам факт замены наказания на более строгое – лишение свободы – и перевода осужденного

⁶ Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 12 мая 2020 г. по делу № 2а-525/2020 по административному иску З.П.Ю. к ФСИН России о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей; Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 марта 2020 г. по делу № 2а-406/2020 по административному иску Х.Е.Н. к ФСИН России о признании условий содержания ненадлежащими, присуждении компенсации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

⁷ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 9 апр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2018 г. № 47 // Рос. газ. 2019. № 11. С. 12–18.

в исправительное учреждение кардинально меняет его правовое положение, подчиняя его общему режиму отбывания наказания. Следовательно, такие осужденные должны пользоваться всеми правами, предусмотренными для лиц, отбывающих лишение свободы, включая право на компенсацию за нарушение условий содержания. Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать применение отраслевой аналогии уголовно-исполнительного закона (ч. 2 ст. 3 УИК РФ) и систематического толкования норм права. В противном случае возникает неравенство: осужденный по приговору суда и осужденный, которому наказание заменено в порядке ст. 50 УИК РФ, находясь в одинаковых условиях содержания, имеют разный объем прав.

Что касается осужденных, отбывших наказание, то они вправе обратиться с административным иском в течение трех месяцев после освобождения (ч. 4 ст. 227.1 КАС РФ). При этом бремя доказывания факта нарушения в период отбывания наказания лежит на заявителе, что на практике вызывает сложности, связанные со сбором доказательств по прошествии времени.

Административное исковое заявление о присуждении компенсации подается в соответствии с требованиями ст. 220, ч. 2 ст. 227.1 КАС РФ. Подсудность определяется по месту нахождения исправительного учреждения (ответчика – Федеральной службы исполнения наказаний России). Установлены специальные сроки:

- для осужденных, которые обращались в ЕСПЧ до 28 января 2020 г., – до 25 июля 2020 г. (льготный переходный период);
- для осужденных, ранее не обращавшихся в ЕСПЧ, – в период отбывания лишения свободы либо не позднее трех месяцев после отбытия лишения свободы (ч. 4 ст. 227.1 КАС РФ).

Как показывает анализ судебной практики, суды строго подходят к соблюдению этих сроков. Пропуск трехмесячного срока без уважительных причин является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении иска (ч. 5 ст. 219 КАС РФ). Например, решением Шарьинского районного суда Костромской области от 14 июня 2022 г. по делу № 2а-435/2022⁹ отказано в компенсации, поскольку установленный срок на оспаривание истек 17 марта 2017 г. Решением того же суда от 17 июня 2022 г. по делу № 2а-434/2022¹⁰ отказано по причине истечения срока еще в 2007–2008 гг. Замоскворецкий районный суд г. Москвы решением от 9 ноября 2022 г. по делу № 2а-1810/2022¹¹ отказал в компенсации за нарушения 2011 г., так как обращение последовало лишь 23 марта 2022 г. Ленинский районный суд г. Мурманска решением от 17 февраля 2023 г. по делу № 2а-267/2023¹² также отказал в иске о нарушениях 2007–2010 гг. из-за обращения в декабре 2022 г. без указания уважительных причин.

Такая практика свидетельствует о необходимости разъяснения Верховным Судом Российской Федерации вопроса о том, что течение срока следует исчислять не с момента каждого отдельного нарушения, а с момента, когда осужденный узнал или должен был узнать о нарушении своего права на надлежащие условия содержания, и с учетом дтящегося характера таких нарушений. В противном случае многие осужденные, не обладающие юридическими познаниями, лишаются возможности получить компенсацию из-за формального пропуска срока.

Изучение судебных актов за 2020–2023 гг. позволяет выделить две группы нарушений: типичные (массовые, встречающиеся в большинстве исправительных

⁹ Решение Шарьинского районного суда Костромской обл. от 14 июня 2022 г. по делу № 2а-435/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁰ Решение Шарьинского районного суда Костромской обл. от 17 июня 2022 г. по делу № 2а-434/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹¹ Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 9 нояб. 2022 г. по делу № 2а-1810/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹² Решение Ленинского районного суда г. Мурманска от 17 февр. 2023 г. по делу № 2а-267/2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

учреждений), нетипичные (индивидуальные, связанные со спецификой учреждения или особыми обстоятельствами).

К типичным нарушениям суды относят:

1. Нарушение санитарной нормы жилой площади на одного осужденного (менее 2 кв. м, как того требует ст. 99 УИК РФ). Например, решение Фроловского городского суда Волгоградской области от 27 января 2023 г. по делу № 2а-64/2023, решение Армавирского городского суда Краснодарского края от 24 ноября 2022 г. по делу № 2а-2583/2022 [2, с. 30].

2. Необеспечение горячим водоснабжением или его систематическое отключение, например решение Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 14 февраля 2023 г. № 2а-212/2023¹³. Вместе с тем суды учитывают объективные причины: ремонтные работы, отсутствие технической возможности (постройка здания в 1970-х гг.), например решения Кирово-Чепецкого районного суда Кировской области от 24 ноября 2022 г. по делу № 2а-1811/2022¹⁴, Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 23 ноября 2022 г. по делу № 2а-7871/2022¹⁵.

3. Необеспечение надлежащей медицинской помощью. Например решения Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 8 февраля 2023 г. по делу № 2а-414/2023¹⁶, Западнодвинского районного суда Тверской области от 11 июня 2021 г. по делу № 2а-1-35/2021¹⁷.

4. Необеспечение вещевым довольствием. Например решение Новотроицкого городского суда Оренбургской области от 19 января 2023 г. по делу № 2а-83/2023 [2, с. 31].

К нетипичным нарушениям относятся:

1. Лишение права посещать магазин исправительного учреждения более одного раза в месяц (решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 20 февраля 2023 г. по делу № 2а-1131/2023¹⁸).

2. Лишение права на телефонные звонки при том, что осужденный в период с 16 марта 2022 г. по 18 октября 2022 г. совершил 342 звонка – суд признал нарушение формальным, не повлекшим существенного ущемления прав (решение Московского районного суда г. Рязани от 30 ноября 2022 г. № 2а-2958/2022¹⁹).

3. Нарушение права на длительное свидание в колонии особого режима для пожизненно осужденных (решение Чердаклинского районного суда Ульяновской области от 29 декабря 2022 г. по делу № 2а-933/2022²⁰).

4. Нахождение осужденного с подъема в 5.00 до отбоя в 21.00 в выданных одних уличных ботинках (решение Омутинского районного суда Кировской области от 19 декабря 2022 г. по делу № 2а-34/2023²¹).

¹³ Решение Усть-Вымского районного суда Республики Коми от 14 февр. 2023 г. № 2а-212/2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁴ Решение Кирово-Чепецкого районного суда Кировской обл. от 24 нояб. 2022 г. по делу № 2а-1811/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁵ Решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 23 нояб. 2022 г. по делу № 2а-7871/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁶ Решение Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 8 февр. 2023 г. по делу № 2а-414/2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁷ Решение Западнодвинского районного суда Тверской обл. от 11 июня 2021 г. по делу № 2а-1-35/2021 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁸ Решение Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 20 февр. 2023 г. по делу № 2а-1131/2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

¹⁹ Решение Московского районного суда г. Рязани от 30 нояб. 2022 г. № 2а-2958/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

²⁰ Решение Чердаклинского районного суда Ульяновской обл. от 29 дек. 2022 г. по делу № 2а-933/2022 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

²¹ Решение Омутинского районного суда Кировской обл. от 19 дек. 2022 г. по делу № 2а-34/2023 // Судебные решения РФ. URL: <https://судебные.решения.рф> (дата обращения: 15.05.2026).

Особый интерес представляет оценка судами доводов о невозможности соблюдать правила гигиены (ежедневное бритье) из-за отсутствия горячей воды. В решении Омутинского районного суда Кировской области от 7 декабря 2022 г. № 2а-1029/2022²² суд принял во внимание, что у осужденных была возможность бриться в бане, а также в отряде, где в комнате приема пищи имелись электрочайники и кипятильники, и администрация этому не препятствовала. Такой подход демонстрирует, что суды исследуют не формальное наличие или отсутствие коммуникаций, а реальную возможность осужденного поддерживать личную гигиену.

Одной из самых сложных проблем является доказывание факта нарушения условий содержания. Осужденный, как правило, находится в исправительном учреждении, не имеет доступа к адвокату в полной мере, ограничен в возможностях сбора письменных доказательств. Суды нередко отказывают в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что «доводы истца не нашли подтверждения», «в материалах проверки отсутствуют достоверные и допустимые доказательства», «от административного истца заявлений и жалоб к административному ответчику не поступало»²³. Последнее обстоятельство является спорным: обязанность по обеспечению надлежащих условий содержания лежит на администрации учреждения, и отсутствие жалоб не может служить доказательством того, что условия были нормативными.

Что касается размера компенсации, то ст. 12.1 УИК РФ и ст. 227.1 КАС РФ не устанавливают фиксированных сумм. Суд определяет размер с учетом характера и продолжительности нарушения, наступивших последствий, индивидуальных особенностей осужденного (возраст, состояние здоровья), а также степени вины администрации (хотя вина не обязательна для компенсации, но может влиять на размер). В отличие от практики ЕСПЧ, где суммы достигали 18 000 евро, российские суды присуждают значительно меньшие компенсации – от 5 000 до 50 000 рублей, что, по мнению ряда исследователей, снижает превентивный и компенсаторный эффект [1, с. 17]. Однако законодатель, создавая альтернативу ЕСПЧ, преследовал цель не только повысить защиту прав, но и минимизировать расходы бюджета.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие пробелы и коллизии:

1. Неопределенность круга субъектов. Необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 12.1 УИК РФ, прямо указав, что право на компенсацию распространяется на всех лиц, отбывающих лишение свободы, включая осужденных, которым лишение свободы назначено в порядке замены наказания, не связанного с изоляцией от общества, а также на осужденных к пожизненному лишению свободы.

2. Отсутствие в ст. 1070 ГК РФ указания на учреждения и органы, исполняющие уголовные наказания. Предлагается дополнить перечень органов, за незаконные действия которых государство несет ответственность по правилам ст. 1070 ГК РФ, включив в него Федеральную службу исполнения наказаний и подведомственные ей учреждения. Альтернативно – закрепить в УИК РФ отдельную норму о праве осужденных на возмещение вреда от незаконного применения мер взыскания.

3. Неоднозначность исчисления процессуальных сроков. Верховному Суду Российской Федерации целесообразно дать разъяснение о том, что при длительных нарушениях (например, отсутствие горячей воды в течение нескольких лет) срок на обращение в суд следует исчислять с момента устранения нарушения или с момента, когда осужденный объективно узнал о возможности получения

²² Решение Омутинского районного суда Кировской обл. от 7 дек. 2022 г. № 2а-1029/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.05.2026).

²³ Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 12 мая 2020 г. по делу № 2а-525/2020 по административному иску З.П.Ю. к ФСИН России о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей; Решение Замоскворецкого районного суда г. Москвы от 10 марта 2020 г. по делу № 2а-406/2020 по административному иску Х.Е.Н. к ФСИН России о признании условий содержания ненадлежащими, присуждении компенсации. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.04.2026).

компенсации (то есть с 28 января 2020 г. – даты введения ст. 12.1 УИК РФ). Это позволит избежать массовых отказов по формальным основаниям.

4. Отсутствие минимального и максимального размера компенсации. Для обеспечения единообразия судебной практики целесообразно установить в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации ориентировочные суммы компенсации в зависимости от вида и длительности нарушения (например, за каждый месяц проживания в камере с превышением нормы площади – 500 рублей, за отсутствие горячей воды – 200 рублей в месяц и т.д.). Это не лишит суд дискреции, но создаст предсказуемость для участников процесса.

5. Проблема исполнения судебных решений. Хотя формально компенсация взыскивается с Федеральной службы исполнения наказаний за счет казны, на практике осужденные сталкиваются с длительным исполнением (нередко до 6 месяцев). Необходимо установить сокращенные сроки для добровольного исполнения (30 дней) и усилить контроль со стороны судебных приставов.

Введение в УИК РФ ст. 12.1 стало важным шагом в формировании эффективного внутригосударственного механизма защиты прав осужденных к лишению свободы. Осужденные получили возможность в упрощенном (без доказывания вины) административном порядке добиваться денежной компенсации за ненадлежащие условия содержания. Сроки рассмотрения таких дел (2–4 месяца) существенно короче, чем в ЕСПЧ (1,5–2 года). Судебная практика постепенно накапливается, вырабатываются подходы к оценке типичных и нетипичных нарушений, а также к определению размера компенсации.

Вместе с тем остаются нерешенными проблемы субъектного состава, исчисления сроков, доказывания, а также отсутствия четких критериев размера компенсации. Предложенные в статье изменения и дополнения в законодательство и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации позволяют устранить выявленные пробелы и повысить гарантии прав осужденных. Дальнейшие научные исследования должны быть направлены на мониторинг правоприменительной практики и сравнительно-правовой анализ с зарубежными странами, где аналогичные механизмы существуют более длительное время (например, в Германии, Франции, Великобритании).

Список источников

1. 40 лет в пенитенциарной науке: интервью Селиверстова Вячеслава Ивановича – доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ / В.И. Селиверстов [и др.] // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11(150). С. 14–17.

2. Попова Е.Э. Компенсация за нарушение условий содержания в исправительном учреждении как право осужденного к лишению свободы: вопросы правового регулирования и правоприменительной практики // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 4(251). С. 26–33. DOI 10.51522/2307-0382-2023-251-4-26-33.

3. Соколова О.В., Степанова И.Б. Право на компенсацию за нарушение условий содержания в исправительном учреждении: новеллы законодательства // Вестник Ивановского государственного университета. 2020. Вып. 1. С. 30–35.

References

1. 40 let v penitenciarnoj nauke: interv'yu Seliverstova Vyacheslava Ivanovicha – doktora yuridicheskikh nauk, professora, zaslužennogo deyatelya nauki RF / V.I. Seliverstov [i dr.] // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 11(150). S. 14–17.

2. Popova E.E. Kompensaciya za narushenie uslovij soderzhaniya v ispravitel'nom uchrezhdenii kak pravo osuzhdennogo k lisheniyu svobody: voprosy pravovogo

regulirovaniya i pravoprimeritel'noj praktiki // Vedomosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy. 2023. № 4(251). S. 26–33. DOI 10.51522/2307-0382-2023-251-4-26-33.

3. Sokolova O.V., Stepanova I.B. Pravo na kompensaciyu za narushenie uslovij soderzhaniya v ispravitel'nom uchrezhdenii: novelly zakonodatel'stva // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Vyp. 1. S. 30–35.

Статья поступила в редакцию 03.06.2026; одобрена после рецензирования 02.07.2026; принята к публикации 03.07.2026.

The article was submitted 03.06.2026; approved after reviewing 02.07.2026; accepted for publication 03.07.2026.

Информация об авторе

А.Н. Гордополов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры организации режима и надзора в УИС юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Россия, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1).

Information about the author

A.N. Gordopolov – Candidate of Law, Senior lecturer at the Department of Regime Organization and Supervision at the Criminal Justice Department of the Faculty of Law of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya str., 1).

УДК 343

Диверсия как угроза национальной безопасности: отграничение от смежных составов и феномен «куратора» в уголовном праве России

Дарья Юрьевна Бушина^{1,2}

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, dyub_21@mail.ru

²Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Забайкальскому краю, Чита, Россия

Аннотация. Анализируется диверсия (ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации) как преступление, совершаемое по заданию недружественных иностранных государств. Рассматриваются понятия вербовки, куратора, экономической безопасности и обороноспособности. Выявляются проблемы доказывания специальной направленности умысла и отграничения диверсии от смежных составов (ст. 205, 215.2, 276 Уголовного кодекса Российской Федерации). На основе анализа правоприменительной практики и типологии Е.А. Игнатенко предлагается авторское определение куратора. Обосновывается необходимость законодательного закрепления данного понятия.

Ключевые слова: диверсия, недружественные государства, вербовка, куратор, умысел, экономическая безопасность, обороноспособность

Для цитирования: Бушина Д.Ю. Диверсия как угроза национальной безопасности: отграничение от смежных составов и феномен «куратора» в уголовном праве России // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 87–94.

Sabotage as a Threat to National Security: Distinction from Related Offenses and the Phenomenon of the «Curator» in Russian Criminal Law

Daria Yu. Bushina^{1,2}

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, dyub_21@mail.ru

²The Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Trans-Baikal Territory, Chita, Russia

Abstract. Analyzes sabotage (Article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation) as an offense committed on behalf of unfriendly foreign states. The author examines the concepts of recruitment, the curator, economic security, and defense capability. Problems are identified in proving the special intent and in distinguishing sabotage from related offenses (Articles 205, 215.2, and 276 of the Criminal Code of the Russian Federation). Based on an analysis of law enforcement practice and the typology proposed by E.A. Ignatenko, the author puts forward an original definition of the «curator». The necessity of enshrining this concept in legislation is substantiated.

Keywords: sabotage, unfriendly states, recruitment, curator, intent, economic security, defense capability

For citation: Bushina D.Yu. Sabotage as a Threat to National Security: Distinction from Related Offenses and the Phenomenon of the «Curator» in Russian Criminal Law // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 87–94.

В структуре современных международных угроз безопасности Российской Федерации возрастает доля преступлений, связанных с вовлечением российских граждан, в том числе несовершеннолетних, в противоправную деятельность в интересах иностранных государств, официально отнесенных к категории

недружественных. Из содержания положений Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»¹ следует, что к недружественным иностранным государствам относятся государства, осуществляющие недружественные действия, «в том числе выражающиеся во введении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, в совершении других действий, представляющих угрозу территориальной целостности Российской Федерации или направленных на экономическую и политическую дестабилизацию Российской Федерации» (далее – недружественные государства). К числу таких государств, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц»², относится Украина.

Согласно данным материалов Коллегии Следственного комитета Российской Федерации «Об итогах работы следственных органов Следственного комитета Российской Федерации за 2023 год и задачах на 2024 год», в 2023 г. зарегистрировано 36 преступлений, предусмотренных ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации³ (УК РФ), в 2022 г. – 10. Аналогичный рост наблюдается и по другим преступлениям террористического характера, совершенным несовершеннолетними.

Такие деяния обладают специфическими криминалистическими признаками, существенно затрудняющими их выявление, раскрытие и предварительное расследование. К числу наиболее актуальных задач, стоящих перед Следственным комитетом Российской Федерации и иными правоохранительными органами, относятся: изучение способов вербовки, выявление профилей потенциальных исполнителей (социально-демографических, психологических, мотивационных аспектов), а также преодоление организационных, технологических и правовых барьеров, с которыми сталкиваются следователи и оперативные сотрудники.

Среди всех форм противоправной деятельности, инициируемой недружественными государствами, особую опасность представляет диверсия, ответственность за совершение которой предусмотрена в ст. 281 УК РФ. В уголовно-правовом смысле под диверсией понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации»⁴. В отличие от шпионажа (ст. 276 УК РФ), который заключается в сборе и передаче сведений, составляющих государственную тайну, или террористического акта (ст. 205 УК РФ), целью которого является устрашение населения и воздействие на органы власти, диверсия направлена на физическое разрушение или повреждение критически важных объектов инфраструктуры с конкретной целью – подорвать экономическую безопасность и обороноспособность государства. Именно эта

¹ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: Федер. закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ (в ред. от 8 авг. 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394

² Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (в ред. от 29 окт. 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 11. Ст. 1748.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

направленность делает диверсию одним из наиболее опасных посягательств на национальную безопасность. Как обоснованно отмечают А.П. Курамшова и В.В. Мазий, «ключевое различие между диверсией и террористическим актом лежит не в способе совершения деяния, а в целевой направленности умысла» [1].

Помимо указанных составов, в правоприменительной практике встречаются случаи совершения преступлений, предусмотренных ст. 215.2 УК РФ (приведение в негодность объектов жизнеобеспечения) – разрушение или повреждение объектов энергетики, электросвязи, жилищно-коммунального хозяйства из корыстных или хулиганских побуждений. Данный состав не является преступлением против мира и безопасности государства, а относится к преступлениям против общественной безопасности. Отметим, что ключевое отличие диверсии от ст. 215.2 УК РФ заключается в цели и мотиве: при диверсии требуется доказать специальную направленность на подрыв экономической безопасности и обороноспособности, тогда как по ст. 215.2 УК РФ достаточно корыстных или хулиганских побуждений.

Кратко охарактеризовав иные составы преступлений, которые также могут быть связаны с вербовкой (шпионаж, терроризм, а также приведение в негодность объектов жизнеобеспечения по ст. 215.2 УК РФ), далее подробно остановимся на криминалистической характеристике диверсии, поскольку именно этот состав вызывает наибольшие сложности в правоприменительной практике, прежде всего, в части доказывания умысла и отграничения от смежных деяний.

Вышеуказанные преступления (в частности, диверсии) напрямую связаны с вовлечением граждан в их совершение – вербовкой. Легальное определение данного понятия содержится в толкованиях Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым под «вербовкой» понимается: «поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории иностранного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека»⁵, а также «под вербовкой или иным вовлечением определенного лица (группы лиц) в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений»⁶.

Коростелева Л.В. с лингвистической точки зрения указывает, что «склонение, вербовка и вовлечение являются семантическими синонимами» [2]. Как отмечает доктор юридических наук В.А. Кудрявцев: «вербовка лица для совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, – это действия по найму другого лица для совершения или участия в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, или для присоединения к какому-либо объединению или группе с целью содействия совершению этим объединением или группой хотя бы одного из указанных преступлений» [3].

В контексте «диверсий» представляется целесообразным апеллировать ко второй из приведенных дефиниций Пленума Верховного Суда Российской

⁵ О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 дек. 2019 г. № 58 (в ред. от 9 дек. 2025 г.), п. 13 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2020. № 4.

⁶ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 февр. 2012 г. № 1 (в ред. от 3 нояб. 2016 г.), п. 14 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. № 4.

Федерации, так как именно указанная дефиниция обладает более высокой степенью релевантности и наиболее полно отражает содержательные признаки объекта изучения.

Диверсия в уголовно-правовом смысле – это «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и средств связи, а также на массовое уничтожение или повреждение имущества»⁷.

Куликов А.В. также отмечает, что «диверсия означает тайные, скрытные действия, направленные на разрушение или повреждение важных объектов экономики государства: транспортной инфраструктуры, жизнеобеспечения населения, связи, предприятий и сооружений» [4]. По справедливому замечанию Д.Г. Лисовского и Е.Е. Моисеенко: «диверсия в уголовно-правовом понимании представляет собой своеобразную «войну в миниатюре», то есть тайные боевые операции в невоенное время» [5].

Ключевой квалифицирующий признак, отличающий диверсию от всех иных составов, связанных с уничтожением или повреждением имущества, – это цель: подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Экономическая безопасность – «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»⁸. Применительно к ст. 281 УК РФ подрыв экономической безопасности означает причинение такого вреда объектам промышленности, энергетики, связи, транспорта, который ведет к сбоям в функционировании экономики, убыткам, потере производственных мощностей или невозможности оказания жизненно важных услуг населению.

В отсутствии легальной дефиниции, под обороноспособностью государства в настоящей статье понимается состояние готовности экономики, населения и военной организации государства к отражению внешней агрессии, защите территориальной целостности и независимости страны [6]. Подрыв обороноспособности в контексте диверсии – это совершение действий, которые препятствуют нормальному функционированию объектов военной инфраструктуры, транспортных артерий, линий связи, используемых для обеспечения армии, либо объектов, имеющих мобилизационное значение.

Таким образом, диверсия – это не просто повреждение имущества, а акт, направленный против безопасности государства в его экономическом и военном измерениях, который рассматривается автором сквозь призму причинения вреда государству и его готовности обеспечить безопасность для граждан.

Объективная сторона диверсии выражается в трех формах:

Совершение взрыва – мгновенное разрушительное воздействие, вызванное химической или физической реакцией. Взрыв как способ диверсии характеризуется высокой степенью общественной опасности, поскольку может привести не только к разрушению объектов, но и к гибели людей.

Совершение поджога – умышленное уничтожение или повреждение имущества путем воздействия открытого огня, высокой температуры или иных термических факторов. В практике расследования диверсий (в том числе в изученных уголовных делах в отношении несовершеннолетних Ч., М., Г., А., П.⁹) наиболее распространенной

⁷ Там же. Ст. 281. Ч. 2.

⁸ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Указом Президента Рос. Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

⁹ Приговор Второго Восточного окружного военного суда от 27 авг. 2025 г. по уголовному делу № 1-23/2025 (в отношении Ч., М., Г., А., П.) // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.05.2026).

формой являлся именно поджог базовых станций сотовой связи, релейных шкафов, объектов транспортной инфраструктуры.

Иные действия, направленные на разрушение или повреждение, например: затопление шахт, обрушение зданий, механическое повреждение критически важных узлов, вывод из строя программного обеспечения систем управления промышленными объектами. Иные действия – это любое воздействие, не являющееся взрывом или поджогом, которое ведет к утрате объектом своей функции полностью или частично.

Субъективная сторона диверсии характеризуется прямым умыслом, применительно к ст. 281 УК РФ это означает, что исполнитель должен осознавать, что его действия (взрыв, поджог) направлены на разрушение или повреждение конкретных объектов, и желать именно этого результата [7].

В ходе анализа следственной и судебной практики¹⁰ установлено, что особую сложность в процессе доказывания представляет установление специальной направленности умысла – осознания исполнителем того факта, что его действия направлены на подрыв экономической безопасности и/или обороноспособности Российской Федерации. Иными словами, недостаточно доказать, что лицо подожгло базовую станцию сотовой связи, необходимо также доказать, что оно понимало: этот поджог направлен против интересов государства, на ослабление его экономического и военного потенциала.

Мотив при диверсии может быть политическим, идеологическим, корыстным (получение вознаграждения от иностранного куратора) или смешанным. В отличие от терроризма, где мотивом часто является устрашение, при диверсии мотивом выступает именно стремление нанести ущерб государству как субъекту международных отношений.

При определении субъективной стороны преступления автором установлено, что прямого легального определения термина «куратора» в УК РФ не существует. Кроме того, данное определение отсутствует в иных нормативных правовых актах, а также в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Данный термин является доктринальным и правоприменительным, используемым в следственной и судебной практике для обозначения определенной роли в механизме диверсионной деятельности, но на законодательном уровне закрепления вышеуказанной дефиниции в настоящее время не имеется.

Уголовный закон содержит состав преступления, который охватывает действия, совершаемые «куратором», – ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности», что позволяет предложить определение для данного вида соучастника преступной деятельности. Законодатель установил, что уголовная ответственность по ст. 281.1 УК РФ наступает за совершение следующих действий: «склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение диверсии, вооружение или подготовка лица в целях совершения диверсии, финансирование диверсии»¹¹. Именно эти действия составляют функционал «куратора» – лица, которое организует, направляет и обеспечивает совершение диверсии исполнителями.

Современная научная литература предлагает развернутую типологию лиц, выполняющих функции кураторов и исполнителей в диверсионной деятельности.

Личность участника диверсионной деятельности рассматривалась подробно Е.А. Игнатенко, который выделил непосредственно четыре типа личности с уникальными особенностями черт характера, соответствующими роли в преступной

¹⁰ Уголовное дело № 2-11/2025 // Архив Забайкальского краевого суда. Т. 7. Л. 120; Уголовное дело № 2-28/2024 по обвинению в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 281 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 16.05.2026).

¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2022 г. № 586-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (Ч. I). Ст. 1.

деятельности. В зависимости от функциональных особенностей он определил следующие типы:

Первый тип – непосредственный организатор диверсии. Это лицо, которое руководит диверсантами-исполнителями по подготовке и совершению диверсии. «Непосредственный организатор диверсии наделен такими преступными функциями, которые в науке зачастую именуют руководящими либо функциями по планированию преступлений» [8].

Второй тип – организатор-финансист. Это лицо, осуществляющее функции по налаживанию и контролю за стабильностью финансовых потоков для спонсирования диверсионной деятельности. «Организатор-финансист имеет особый статус в криминальной схеме, и если рассмотреть иерархическую систему участников преступления диверсионной направленности, выстроенную в зависимости от степени их заинтересованности в совершении диверсий, то его фигура будет находиться на вершине» [8].

Третий тип – организатор-создатель диверсионного сообщества. Это наиболее опасная фигура, которая не просто организывает и руководит процессом подготовки и совершения одной или нескольких диверсий, но «в первую очередь создает, а затем сплачивает и поддерживает единство преступного коллектива, проводит идеологическую работу как внутри него, так и вовне, рекрутируя новых заинтересованных в диверсионной деятельности граждан» [8].

Четвертый – диверсант-подстрекатель, который своими действиями склоняет лицо к совершению диверсии.

Как указывает Т.В. Пикитна, «организатор диверсии, как правило, – лицо, территориально находящееся за пределами Российской Федерации, обладающее специальными навыками и знаниями в подрывной деятельности, как правило, военнотружующий специальных служб враждебного государства. Организатор диверсии создает диверсионную цепочку диверсионной деятельности, организует и координирует деятельность диверсантов» [9]. С указанной точкой зрения, с учетом анализа материалов уголовных дел, находящихся в производстве Следственного комитета Российской Федерации¹², невозможно не согласиться, так как она фактически отражает содержание и структуру диверсионной деятельности в настоящее время.

На основе анализа уголовного законодательства, следственной практики и исследований можно сформулировать следующее доктринальное определение, пригодное для использования в научной статье:

Куратор – лицо, не являющееся непосредственным исполнителем диверсии, осуществляющее склонение, вербовку или иное вовлечение других лиц в совершение преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ, а также их вооружение, подготовку и (или) финансирование диверсионной деятельности, действующее, как правило, анонимно с использованием цифровых средств коммуникации (мессенджеров, VPN, криптовалют и др.).

Проведенный в статье уголовно-правовой анализ позволяет утверждать, что диверсия занимает особое место в системе преступлений против мира и безопасности государства, что обусловлено не столько способом совершения деяния (взрыв, поджог или иные разрушительные действия), сколько его целевой направленностью – подрывом экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации. Именно этот квалифицирующий признак выступает основным критерием отграничения диверсии от смежных составов, в частности от террористического акта, приведения в негодность объектов жизнеобеспечения и общеуголовного уничтожения имущества. Как показывает анализ правоприменительной практики, наибольшие

¹² В Забайкальском крае следователи СК предъявили обвинение в диверсии двум несовершеннолетним // Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Забайкальскому краю. URL <https://zabaykalye.sledcom.ru/> (дата обращения: 22.05.2026).

сложности для следственных органов и судов вызывает именно доказывание специальной направленности умысла исполнителя, поскольку отсутствие прямых доказательств осознания лицом того факта, что его действия наносят ущерб безопасности государства, нередко влечет переквалификацию на менее тяжкие составы.

Особого внимания заслуживает фигура куратора, которая, несмотря на отсутствие легального закрепления в тексте УК РФ, фактически играет ключевую роль в механизме современной диверсионной деятельности. Анализ норм об ответственности за содействие диверсионной деятельности (ст. 281.1 УК РФ) и организацию диверсионного сообщества (ст. 281.3 УК РФ), а также обобщение правоприменительной практики позволили предложить доктринальное определение куратора как анонимного организатора, действующего дистанционно с использованием цифровых средств коммуникации, криптовалют и многоуровневых иерархических структур.

Представляется, что дальнейшее совершенствование противодействия диверсионной деятельности невозможно без устранения правовой неопределенности в отношении статуса куратора. В этой связи обоснованной видится необходимость либо законодательного закрепления соответствующего понятия, либо, как минимум, его разъяснения на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Список источников

1. Курамшова А.П., Мазий В.В. Уголовно-правовая квалификация диверсии и ее отграничение от террористического акта // Вестник науки. 2023. № 5(62). Т. 3. С. 13–16.
2. Коростелева Л.В. Проблема определения признаков вербовки в судебной лингвистической экспертизе // Политическая лингвистика. 2018. № 6(72). С. 127–132.
3. Кудрявцев В.А. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21–25.
4. Куликов А.В. Диверсия как опаснейшее преступление современности: проблемы разграничения с террористическим актом // Право, экономика и управление: теория и практика: сб. трудов конф. Чебоксары: Изд. дом «Среда», 2025.
5. Лисовский Д.Г., Моисеенко Е.Е. Уголовно-правовая и социальная сущность диверсии // Е-SCIO. 2022. № 4(67). С. 181–185.
6. Большая российская энциклопедия: в 35 т. / под ред. Ю.С. Осипова. М., 2013. Т. 23. С. 267
7. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за диверсию // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 169–173.
8. Игнатенко Е.А. Криминологический анализ типологии личности участника диверсионной деятельности // Вестник университета прокуратуры РФ. 2025. № 2. С. 47.
9. Пикина Т.В. Криминологическая характеристика личности преступника-диверсанта // Вестник военного права. 2024. № 3. С. 82–87.

References

1. Kuramshova A.P., Mazij V.V. Ugolovno-pravovaya kvalifikaciya diversii i ee otgranichenie ot terroristicheskogo akta // Vestnik nauki. 2023. № 5(62). Т. 3. С. 13–16.
2. Korosteleva L.V. Problema opredeleniya priznakov verbovki v sudebnoj lingvisticheskoy ekspertize // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 6(72). S. 127–132.
3. Kudryavcev V.L. Sklonenie, verbovka ili inoe vovlechenie lica kak al'ternativnye dejstviya ob"ektivnoj storony sodejstviya terroristicheskoy deyatel'nosti // Advokat. 2012. № 5. S. 21–25.

4. Kulikov A.V. Diversiya kak opasnejshee prestuplenie sovremennosti: problemy razgranicheniya s terroristicheskim aktom // Pravo, ekonomika i upravlenie: teoriya i praktika: sb. trudov konf. Cheboksary: Izd. dom «Sreda», 2025.
5. Lisovskij D.G., Moiseenko E.E. Ugolovno-pravovaya i social'naya sushchnost' diversii // E-SCIO. 2022. № 4(67). S. 181–185.
6. Bol'shaya rossijskaya enciklopediya: v 35 t. / pod red. Yu.S. Osipova. M., 2013. T. 23. S. 267
7. Davitadze M.D. Ugolovnaya otvetstvennost' za diversiyu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 3. S. 169–173.
8. Ignatenko E.A. Kriminologicheskij analiz tipologii lichnosti uchastnika diversionnoj deyatel'nosti // Vestnik universiteta prokuratury RF. 2025. № 2. S. 47.
9. Pikina T.V. Kriminologicheskaya harakteristika lichnosti prestupnika-diversanta // Vestnik voennogo prava. 2024. № 3. S. 82–87.

Статья поступила в редакцию 16.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 16.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

Д.Ю. Бушина – аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96); следователь по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Забайкальскому краю (Россия, 672010, г. Чита, ул. Ингодинская, 32);

Information about the author

D.Yu. Bushina – Postgraduate Student of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96); Investigator for Particularly Important Cases, First Department for Investigation of Particularly Important Cases, Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Trans-Baikal Territory (Russia, 672010, Chita, Ingodinskaya St., 32).

УДК 343

Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации

Андрей Игоревич Дмитриев

Международный юридический институт, Москва, Россия, andrey@up-leader.ru, SPIN-код: 9660-2341

Аннотация. Представлен детализированный анализ преступлений против территориальной целостности, что обусловлено их высокой латентностью, гибридной природой и спецификой детерминации. Автором раскрывается уголовно-правовая характеристика соответствующих деяний и выявляются ее корреляции с криминологическими особенностями, что в совокупности позволяет сформировать целостное представление об объекте превентивного воздействия.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, территориальная целостность, предупреждение преступлений, уголовно-правовая характеристика, объект превентивного воздействия

Для цитирования: Дмитриев А.И. Криминологическая характеристика и доктринальные проблемы квалификации деяний, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 95–100.

Criminological characteristics and doctrinal problems of qualifying acts aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation

Andrey I. Dmitriev

International Law Institute, Moscow, Russia, andrey@up-leader.ru, SPIN: 9660-2341

Abstract. Presents a detailed analysis of crimes against territorial integrity, due to their high latency, hybrid nature, and specific determination. The author reveals the criminal-legal characteristics of these acts and identifies their correlations with criminological features, which together allow for a holistic understanding of the object of preventive action.

Keywords: criminological characteristics, territorial integrity, crime prevention, criminal-legal characteristics, object of preventive action

For citation: Dmitriev A.I. Criminological characteristics and doctrinal problems of qualifying acts aimed at violating the territorial integrity of the Russian Federation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 95–100.

В парадигме современной криминологической науки доминирующее положение занимает исследование криминологической характеристики преступности как целостного социально-правового феномена, под которой в доктрине традиционно понимается систематизированная, иерархически структурированная совокупность «...общих и частных признаков, характеризующих качественные и количественные стороны данного негативного социокультурного явления, значимых для прогнозирования преступности, и предупредительного воздействия на нее» [1].

На основе этого и сходных с ним определений разработаны подходы к раскрытию структуры криминологической характеристики как всего криминалитета, так и входящих в него отдельных групп и видов уголовно наказуемых деяний.

В частности, в качестве одного из наиболее репрезентативных таксономических перечней элементов, образующих криминологическую характеристику, может быть представлен следующий:

1. Количественно-качественные параметры преступности (уровень, структура, динамика, латентность).

2. Криминальная ситуация совершения определенного вида деликтов, включая объекты и предметы противоправного посягательства, а также способы, орудия и инструментарий совершения преступного деяния.

3. Патогенетический механизм преступного поведения (его стадии, психофизиологические и ситуационные детерминанты).

4. Личностные диспозиции субъекта преступления, релевантные для экстраполяции индивидуального криминального поведения и его превенции.

5. Макросреда и микросреда объективного и субъективного порядка, в которой происходила социализация и формирование криминогенной направленности личности.

6. Система этиологических факторов (детерминант) отдельных видов преступлений и всей совокупности преступности как социально-правового феномена.

7. Формы объективации преступного умысла, включая объективные маркеры приговорительных действий и покушения на совершение запрещенного деяния.

8. Виктимологически значимые свойства личности потерпевшего (индивидуально-типологические, ролевые, поведенческие), имеющие прогностическую ценность для виктимологической профилактики, предупреждения и пресечения криминальных посягательств.

Руководствуясь представленным категориальным аппаратом, аккумулирующим узловые компоненты криминологической характеристики преступности, полагаем возможным экстраполировать данный методологический инструментарий на исследование отдельных видов и групп уголовно наказуемых деяний. В соответствии с указанной логикой перейдем к анализу криминологической характеристики преступных посягательств на территориальную целостность Российской Федерации [2].

Прежде чем приступить к содержательной экспликации указанной характеристики, акцентируем следующее обстоятельство: в сфере противодействия рассматриваемой категории деликтов императивный учет подлежит тому факту, что в современных геополитических реалиях данные деяния нередко выступают структурными элементами системной преступной активности, продуцируемой и ретранслируемой из внешней среды. Целевой доминантой такой деструктивной деятельности является нанесение максимального ущерба фундаментальным национальным интересам России, безусловным приоритетом среди которых выступает сохранение территориальной целостности государства. В сложившихся условиях обозначенная детерминанта образует специфическую криминологическую особенность, подлежащую обязательной рефлексии в рамках организации противодействия посягательствам на территориальную целостность Российской Федерации [3].

Преступления, предусмотренные ст. 205.2 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ), непосредственно посягают на общественные отношения, связанные с обеспечением территориальной целостности России, в случаях, когда соответствующие призывы, оправдание или пропаганда прямо касаются данной основы конституционного строя государства и так или иначе побуждают к противоправному воздействию на нее, в том числе формируют в других людях побуждения и цели, которые могут привести их к непосредственному участию

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

в насильственных или иных общественно опасных деяниях, угрожающих единству и неприкосновенности территории России.

Вместе с тем эти преступления и лица, их совершающие, должны восприниматься как представляющие серьезную опасность не только для общественной и государственной безопасности, а равно для основ конституционного строя России в целом, но и конкретно для ее территориальной целостности, в частности. Это объясняется тем, что любые публичные призывы к террористической деятельности, оправдание и пропаганда терроризма и экстремизма так или иначе привносят нестабильность и напряженность в общество, способствуют возникновению и нарастанию протестных настроений в нем, подталкивают к саботажу государственной политики и принятых на ее основе решений, неуважительному отношению к ним и готовности примкнуть к различного рода террористическим или экстремистским объединениям, а равно совершать конкретные преступные посягательства под эгидой таких объединений, использующих не только политические и идеологические, но еще и другие стимулы, в том числе имущественного характера [4].

Как подчеркивается в п. 16 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации² (далее – Стратегия), уголовно наказуемыми деяниями экстремистской направленности вызывается повышенный общественный резонанс, производится дестабилизация общественно-политической и социально-экономической обстановки не только в отдельно взятых субъектах Российской Федерации, но и во всем государстве, оказывается негативное влияние на национальную безопасность.

Следующий элемент криминологической характеристики рассматриваемых преступлений образуют обстановка их совершения, объекты и предметы данных посягательств, используемые для их осуществления способы, орудия и средства. Прежде всего, обратим внимание на актуальную обстановку, в которой планируются, подготавливаются и непосредственно совершаются рассматриваемые преступления. О ней обстоятельно сказано в Стратегии, утвержденной Президентом России в конце 2024 г., где обстановка охарактеризована через указание ряда существенных внешних и внутренних угроз, противодействие которым требует напряжения всех имеющихся у государства и его институтов возможностей и средств, в том числе в направлении предупреждения посягательств на территориальную целостность Российской Федерации [5].

Внешние угрозы при этом исходят из следующих источников:

1) всестороннее содействие недружественных государств и различных негосударственных объединений экстремизму внутри России для дестабилизации общественно-политических и социально-экономических отношений в стране (стимулирование, финансовая и иная поддержка);

2) нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций» за счет координационного объединения усилий по искусственному созданию обстановки нестабильности в политике и смене существующей власти;

3) фальсификационные изменения мировой истории с дискредитацией роли и места России в ней, сопряженные с противоправными действиями в отношении национальных социально-культурных ценностей;

4) активное распространение экстремистской идеологии и поддержка международных террористических и экстремистских организаций, ориентированная на совершение с их прямым или опосредованным участием террористических актов и других опасных уголовно наказуемых деяний на территории России.

² Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28 дек. 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Внешние угрозы и порождающие их источники способны оказать заложенное в них деструктивное воздействие только при сочетании с внутренними угрозами, к которым в Стратегии отнесены следующие:

1) использование существующими экстремистскими объединениями социальных, экономических, культурных, национальных, религиозных и других проблем в государстве как повода для своей противоправной деятельности;

2) распространение экстремистской идеологии, в том числе с проникновением «распространителей» в органы публичной власти, и активное вовлечение в основанную на ней деятельность широкого круга граждан, в особенности молодежи, участников различных групп в сети Интернет, мигрантов;

3) внутренняя финансовая поддержка экстремизма, создание замкнутых анклавов на национальной и религиозной почве;

4) инициирование проявлений сепаратизма в отдельных регионах, основанных на межэтнических и прочих противоречиях и конфликтах и способных дезинтегрировать государство и подорвать единство существующего в нем общества.

При осуществлении криминологического анализа деяний, посягающих на территориальную целостность страны, методологически оправданно акцентировать повышенную общественную опасность и охранительную ценность объекта данных преступлений, ибо криминальное воздействие на него порождает прямую угрозу существованию российской государственности [6].

Равным образом следует принимать во внимание, что территориальная целостность России, будучи базовой компонентой конституционного строя и детерминантой национальной безопасности, выступает в качестве объекта гетерогенных криминальных посягательств. В целях систематизации предлагается условно дифференцировать последние на две основные категории [7].

К первой категории относятся преступные деяния, релевантные сфере информационного экстремизма (включая его террористический сегмент) [8]. Ко второй категории – деяния, конститутивным признаком которых выступает прямая противоправная направленность на нарушение территориальной целостности России, выражающаяся в захвате и удержании части государственной территории, а равно в противоправном фактическом либо формально-юридическом изменении ее пространственно-территориальных границ.

Кудрявцев В.Н. выделял четыре элемента механизма совершения умышленного преступления, по сути, отражающие этапы осуществления уголовно наказуемого деяния, состоящие в мотивации, планировании, исполнении и наступлении преступного результата [9].

Механизм преступного поведения предполагает определенную переработку, преломление личностью человека воздействующих на нее факторов внешней среды на основе имеющегося массива информации социального и генетического характера. В связи с этим к основным, ключевым звеньям (элементам) в механизме преступного поведения относится мотивация, изучение которой способствует повышению эффективности профилактических и иных превентивных мер, ориентированных на конкретные виды преступлений [10].

Мотивация преступного поведения представляет собой внутренний, психический процесс возникновения, формирования и непосредственного осуществления преступного деяния, в основе которого лежат определенные мотивы, установление содержания и значения которых позволяет выявить скрытую сущность преступления [11]. Для этого важно устанавливать и учитывать все внутренние побуждения лица, подтолкнувшие его к совершению преступления, вне зависимости от того, влияют ли они на юридическую оценку последнего и назначение наказания за его совершение [12, 13].

Проведенное в рамках настоящей статьи исследование криминологической характеристики преступлений, посягающих на территориальную целостность Российской Федерации, позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Преступления, направленные против территориальной целостности государства, обладают экзистенциальной общественной опасностью, поскольку объектом их криминального воздействия выступают фундаментальные основы конституционного строя и национальной безопасности России.

Деструктивное влияние на данный объект создает прямую угрозу суверенному существованию российской государственности, что обуславливает необходимость выделения указанной категории деяний в самостоятельный объект криминологического мониторинга и превентивного воздействия.

Список источников

1. Кургузкина Е.Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 57.
2. Долгова А.И. Экстремизм и правовая основа реагирования на него // Военное право. 2018. № 4(50). С. 252–260.
3. Дуюнов В.К. Уголовное право России. Общая и особенная части. 3-е изд. М.: Изд. Центр РИОР, 2017. 403 с.
4. Дуюнов В.К., Подройкина И.А., Закомолдин Р.В. Феномен наказуемости и наказание в механизме уголовно-правового воздействия. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2022. 256 с.
5. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2014. № 4. С. 21–36.
6. Жирова М.Ю., Кондратюк С.В. Недостатки процессуальной регламентации производства обыска в свете обеспечения защиты прав и свобод человека // Гуманитарные балканские исследования. 2019. Т. 3. № 4(6). С. 94–97.
7. Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 51–56.
8. Колесников Р.В. Общесоциальные и специально-криминологические меры профилактики современной преступности несовершеннолетних // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 197–203.
9. Криминология: учеб. /под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 178–179.
10. Кондрат И.Н. Уголовная политика государства и нормативное правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений. М.: Изд-во «Форум», 2014. С. 192.
11. Кондратюк С.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии и его профилактика // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 2. № 4(100). С. 69–75.
12. Борисов С.В. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 47–48.
13. Чернявский Д.О., Скулаков Р.М. Публичные призывы к нарушению территориальной целостности: проблемы социально-политической обусловленности уголовно-правового запрета // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 73–79.

References

1. Kurguzkina E.B. K voprosu o kriminologicheskoy harakteristike prestupnosti // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2008. № 2. S. 57.
2. Dolgova A.I. Ekstremizm i pravovaya osnova reagirovaniya na nego // Voennoe pravo. 2018. № 4(50). S. 252–260.
3. Duyunov V.K. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti. 3-e izd. M.: Izd. Centr RIOR, 2017. 403 s.

4. Duyunov V.K., Podrojkina I.A., Zakomoldin R.V. Fenomen nakazuemosti i nakazanie v mekhanizme ugovovno-pravovogo vozdejstviya. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2022. 256 s.
5. Zhil'cov S.S. Istoki sovremennogo ukrainskogo nacionalizma // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Ser.: Politologiya. 2014. № 4. S. 21–36.
6. Zhirova M.Yu., Kondratyuk S.V. Nedostatki processual'noj reglamentacii proizvodstva obyska v svete obespecheniya zashchity prav i svobod cheloveka // Gumanitarnye balkanskije issledovaniya. 2019. T. 3. № 4(6). S. 94–97.
7. Ivancov S.V., Borisov S.V. Aktual'nye voprosy ugovovno-pravovogo protivodejstviya rasprostraneniyu ekstremistskoj ideologii v Rossijskoj Federacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2022. № 2. S. 51–56.
8. Kolesnikov R.V. Obshchesocial'nye i special'no-kriminologicheskie mery profilaktiki sovremennoj prestupnosti nesovershennoletnih // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 197–203.
9. Kriminologiya: ucheb. /pod red. V.N. Kudryavceva, V.E. Eminova. 5-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2013. S. 178–179.
10. Kondrat I.N. Ugolovnaya politika gosudarstva i normativnoe pravovoe regulirovanie ugovovno-processual'nyh otnoshenij. M.: Izd-vo «Forum», 2014. S. 192.
11. Kondratyuk S.V. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoj ierarhii i ego profilaktika // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva. 2021. T. 2. № 4(100). S. 69–75.
12. Borisov S.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za publichnye prizvyvy k osushchestvleniyu dejstvij, napravlennyh na narushenie territorial'noj celostnosti Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 4. S. 47–48.
13. Chernyavskij D.O., Skulakov R.M. Publichnye prizvyvy k narusheniyu territorial'noj celostnosti: problemy social'no-politicheskoy obuslovlennosti ugovovno-pravovogo zapreta // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2015. № 1(31). S. 73–79.

Статья поступила в редакцию 03.08.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 14.08.2026.

The article was submitted 03.08.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 14.08.2026.

Информация об авторе

А.И. Дмитриев – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института (Россия, 127427, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4).

Information about the author

A.I. Dmitriev – graduate student in the Department of Criminal Law Disciplines at the International Law Institute (Russia, 127427, Moscow, Kashenkin Lug St., 4).

УДК 343.1

**К вопросу об учете результатов оперативно-розыскной деятельности
в качестве критерия принятия решения по вопросам, возникающим
при исполнении приговора**

Александр Юрьевич Скибенко^{1,2}

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

²Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. По результатам анализа преимущественно Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации делается вывод об отсутствии учета результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве критериев принятия решения по вопросам, возникающим при исполнении приговора. Данная проблема актуализируется в связи с тем, что результаты оперативно-розыскной деятельности, в том числе прямо ориентированные на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений, имеют основополагающее значение при исполнении как лишения свободы и принудительных работ, так и наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Ключевые слова: результаты оперативно-розыскной деятельности, стадия исполнения приговора, поведение осужденного, исправление осужденных

Для цитирования: Скибенко А.Ю. К вопросу об учете результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве критерия принятия решения по вопросам, возникающим при исполнении приговора // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 101–107.

**On the issue of accounting for the results of operational investigative
activities as a criterion for making decisions on issues that arise**

Alexander Yu. Skibenko^{1,2}

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia

²The Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the city of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Abstract. Based on an analysis primarily of the Criminal Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, concludes that the results of operational investigative activities are not taken into account as criteria for making decisions on issues related to the execution of a sentence. This problem is relevant because the results of operational and investigative activities, including those directly aimed at achieving the goals of criminal executive legislation, such as the correction of convicts and the prevention of crime, are fundamental for the implementation of both imprisonment and forced labor, as well as punishments that do not involve the isolation of convicts from society.

Keywords: results of operational investigative activities, stage of sentence execution, convict's behavior, rehabilitation of convicts

For citation: Skibenko A.Yu. Regarding the issue of considering the results of operational and investigative activities as a criterion for making decisions on issues arising during the execution of a sentence // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 101–107.

Критерии, учитываемые при разрешении вопросов в стадии исполнения приговора, – одна из межотраслевых проблематик, активно разрабатываемых в юридической литературе [1–3]. Традиционно к таким критериям относят те из них, которые предусмотрены в уголовном (ст. 49, 50, 79, 80, 81 и др. Уголовного кодекса Российской Федерации¹) и уголовно-исполнительном (в частности, ст. 26, 30, 46, 78, 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации² (УИК РФ)) законодательстве. Только в немногих работах к таковым относят обстоятельства, имеющие в той или иной степени уголовно-процессуальный и/или оперативно-розыскной характер [4–7].

В соответствии со ст. 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации³ (УПК РФ) судом рассматривается достаточно большое количество вопросов, связанных с исполнением приговора:

- о замене наказания в виде обязательных работ, ограничения свободы и др. в случае злостного уклонения от их отбывания, в частности, на лишение свободы или принудительные работы;
- о замене принудительных работ лишением свободы в случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ либо признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания;
- об изменении вида исправительного учреждения;
- об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания;
- о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного;
- об отмене отсрочки отбывания наказания осужденным беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до 14 лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до 14 лет и являющемуся единственным родителем;
- о заключении под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания в виде исправительных работ, ограничения свободы и иных наказаний, а также осужденного, уклоняющегося от отбывания принудительных работ;
- о заключении под стражу осужденного к лишению свободы с отбыванием наказания в колонии-поселении, уклонившегося от получения предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 75.1 УИК РФ, или не прибывшего к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок.

С учетом вышеуказанных вопросов при рассмотрении соответствующего вопроса исполнения приговора в судебном заседании необходимо установить следующее:

- факт злостного уклонения от отбывания обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и т.д., для замены данных наказаний;
- признание осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания наказания для замены неотбытой части наказания лишением свободы;
- возмещение осужденным вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 11 февр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- отбытие осужденным определенной части срока наказания (одной трети, половины, двух третей и т.д.) для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания или для изменения вида исправительного учреждения;
- оценку поведения осужденного, в том числе имеющиеся поощрения и взыскания, для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания или для изменения вида исправительного учреждения;
- признание осужденного положительно характеризующимся для изменения вида исправительного учреждения;
- отношение осужденного к учебе для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- отношение осужденного к труду для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания или для изменения вида исправительного учреждения;
- отношение осужденного к совершенному деянию для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания;
- признание осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания лишения свободы для изменения вида исправительного учреждения;
- фактическое отбытие лицом, отбывающим пожизненное лишение свободы, не менее 25 лет, при отсутствии у него злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет, для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

Подтверждение наличия вышеуказанных критериев влечет удовлетворение ходатайства осужденного или представления администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, составленного в соответствии с уголовно-исполнительным законодательством, при разрешении соответствующего вопроса, связанного с исполнением приговора. Установление подобных обстоятельств возможно путем всестороннего контроля за осужденным, применения к нему средств исправления и учета его поведения, отношения к средствам исправления, имеющихся поощрений и взысканий, факта (не-)признания злостным нарушителем, его взаимоотношений с потерпевшим, в том числе проявляющихся через раскаяние и/или возмещение вреда, причиненного преступлением, и т.д.

Согласно ст. 175 и др. УИК РФ, кроме ходатайства осужденного или представления администрации учреждения или органа, исполняющего наказание, в суд направляется ряд иных документов: характеристика на осужденного, его личное дело и пр. Материалы, направляемые в суд, обычно содержат сведения о воспитательной работе с осужденным, привлечении его к общественно полезному труду, соблюдении им правил внутреннего распорядка исправительного учреждения или исправительного центра и т.д., либо, например, информацию об отрицательном поведении осужденного, находящегося на учете у уголовно-исполнительной инспекции. Между тем, согласно уголовно-исполнительному законодательству результаты оперативно-розыскной деятельности, проводимой оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы, не отражаются в таких документах и не становятся известными суду при принятии соответствующего решения в стадии исполнения приговора.

В то же время оперативно-розыскная деятельность как составная часть режима в исправительном учреждении [8–10] – одного из средств исправления осужденных по ч. 2 ст. 9 УИК РФ – играет важную роль в обеспечении исполнения наказания в виде лишения свободы [11, 12] и согласно ч. 1 ст. 84 УИК РФ направлена на решение следующих задач: обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений

и нарушений установленного порядка отбывания наказания; розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

С учетом того, что именно оперативно-розыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями соответствующих государственных органов, уполномоченных на то Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»⁴ (далее – ФЗ № 144-ФЗ), очевидно, что именно сотрудники оперативных подразделений исправительных учреждений обладают конфиденциальной информацией о самом осужденном, его неформальном статусе, взаимоотношениях с другими содержащимися лицами, планируемых им новых преступлениях, особенно после освобождения, уже совершенных в период отбывания наказания преступлениях, злостных нарушениях установленного порядка отбывания наказания и иных правонарушений, которые по различным причинам не были надлежащим образом зарегистрированы, возможных конфликтах с потерпевшим (которые могут обостриться при досрочном освобождении осужденного из места лишения свободы – прим. авт.) и/или сотрудниками уголовно-исполнительной системы и т.д.

В этом случае возникает недоумение по поводу того, что результаты оперативно-розыскной деятельности, имеющей основополагающее значение при исполнении наказаний и являющейся составной частью режима в исправительных учреждениях, не представляются в суд при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговора об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, изменении вида исправительного учреждения и т.д.

Более того, отражение в вышеуказанных документах, направляемых в суд, оперативной информации, даже имеющий «гласный» характер, для рассмотрения вопросов в стадии исполнения приговора ни в уголовно-исполнительном, ни в уголовно-процессуальном законодательстве также не предусмотрено.

Несмотря на то, что исполнение приговора представляет собой отдельную специфическую стадию уголовного судопроизводства [13–15], ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» не распространяется на гл. 47 УПК РФ, и в ФЗ № 144-ФЗ данные вопросы не разрешены.

Вместе с тем оперативно-розыскная деятельность имеет важное значение также при исполнении принудительных работ [16, 17] и наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [18, 19], а ее результаты – основополагающее значение при разрешении такого вопроса в стадии исполнения приговора, как замена указанных наказаний на лишение свободы в случае злостного уклонения осужденного от их отбывания. В частности, в соответствии со ст. 18.1 УИК РФ первоначальные розыскные мероприятия в отношении осужденных к наказаниям в виде обязательных работ, ограничения свободы и иных категорий осужденных, уклоняющихся от контроля уголовно-исполнительных инспекций, осуществляются уголовно-исполнительной инспекцией, а объявление розыска указанных категорий осужденных осуществляется оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы.

При этом ч. 7 ст. 399 УПК РФ, регламентирующая проведение судебного заседания по рассмотрению вопросов при исполнении приговора, включающая доклад представителя учреждения или органа, подавшего представление, объяснение заявителя, исследование представленных материалов, заслушивание объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, также не предусматривает

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

право ни представителя учреждения или органа, исполняющего наказание, ходатайствовать о представлении в суд иных материалов, в том числе содержащих оперативно-розыскную информацию, ни судьи – затребовать в отношении осужденного дополнительные сведения, особенно имеющих негласный характер.

Таким образом, результаты оперативно-розыскной деятельности, фактически направленные на обеспечение эффективного исполнения наказаний, как связанных, так и не связанных с лишением свободы, а также на достижение целей уголовно-исполнительного законодательства в виде исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений (ст. 1 УИК РФ), не могут, в соответствии с уголовно-исполнительным и уголовно-процессуальным законодательством, представляться в суд и рассматриваться в судебном заседании при разрешении вопросов, возникающих при исполнении приговора (что представляется ошибочным – прим. авт.). Полагаем, что отнесение результатов оперативно-розыскной деятельности к критериям принятия решения по вопросам, возникающим при исполнении приговора, потребует корректировки уголовно-исполнительного и/или уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Грушин Ф.В. Институт условно-досрочного освобождения от отбывания наказания: некоторые аспекты функционирования // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2021. № 1(27). С. 59–63.
2. Степанов В. Критерии оценки степени исправления осужденных при применении условно-досрочного освобождения // Уголовное право. 2009. № 5. С. 82–86.
3. Тепляшин П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // Пролог. 2014. № 4(8). С. 37–44.
4. Беляев М.В. О мотивированности судебных решений в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2(44). С. 116–124.
5. Скиба А.П. Проблемы оценки членовредительства осужденного к лишению свободы при его досрочном освобождении от отбывания наказания // Уголовное право. 2010. № 5. С. 123–129.
6. Солоницын П.С. Уголовно-исполнительная процедура и ее место в системе правового регулирования // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 1(42). С. 95–100.
7. Тябина Ю.А. Теоретико-правовые аспекты классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора // Человек: преступление и наказание. 2015. № 4(91). С. 125–129.
8. Беспамятнов Р.В. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы в особых условиях: некоторые теоретико-правовые вопросы // Уголовно-исполнительное право. 2025. Т. 20. № 3. С. 463–472.
9. Горяинов К.К., Зайченко Е.Ю. Направления развития оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 1(25). С. 22–24.
10. Хабаров А.А. Оперативно-розыскная деятельность как средство обеспечения режима в исправительных учреждениях // Научный журнал. 2017. № 9(22). С. 73–75.
11. Кудрявцев А.В. Оперативно-розыскная деятельность в системе средств обеспечения безопасности при исполнении наказания в виде лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3(16). С. 21–24.
12. Румянцев Н.В., Самойлова А.А. Значение психологической характеристики осужденных женщин при осуществлении оперативно-розыскной деятельности

в местах лишения свободы // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3(48). С. 32–34.

13. Качалов В.И. Особенности реализации принципа охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства при исполнении приговора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 1(39). С. 22–27.

14. Пупышева Л.А., Брыляков С.П. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии исполнения приговора // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3(24). С. 142–151.

15. Шабанов В.Б., Буданова Л.Ю., Крамаренко В.П. Исполнение приговора – самостоятельная стадия уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная наука. 2020. Т. 14. № 4(52). С. 485–492.

16. Агарков А.В. О необходимости законодательного закрепления вопросов оперативного обеспечения деятельности исправительных центров как нового вида учреждений уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2025. № 2(63). С. 146–154.

17. Горбань Д.В., Бочкарев В.В., Южанин В.Е. Правовые и организационные аспекты исполнения наказания в виде принудительных работ // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2024. № 4(55). С. 44–48.

18. Гришин Д.А. Взаимодействие правоохранительных органов в ходе расследования преступлений, совершенных осужденными к наказаниям без изоляции от общества // Евразийский юридический журнал. 2021. № 10(161). С. 307–309.

19. Ковалев О.Г. Профилактика криминального поведения наркозависимых лиц, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций (организационно-правовой и психологический аспекты) // Образование и право. 2024. № 9. С. 339–343.

References

1. Grushin F.V. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya: nekotorye aspekty funkcionirovaniya // Penitenciarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. 2021. № 1(27). S. 59–63.

2. Stepanov V. Kriterii ocenki stepeni ispravleniya osuzhdennykh pri primenenii uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya // Ugolovnoe pravo. 2009. № 5. S. 82–86.

3. Teplyashin P.V. Mnogokriterial'nyj podhod pri konkursnom otbore osuzhdennykh k uslovno-dosrochnomu osvobozhdeniyu // Prolog. 2014. № 4(8). S. 37–44.

4. Belyaev M.V. O motivirovannosti sudebnykh reshenij v ugolovnom processe // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2018. № 2(44). S. 116–124.

5. Skiba A.P. Problemy ocenki chlenovreditel'stva osuzhdenного k lisheniyu svobody pri ego dosrochnom osvobozhdenii ot otbyvaniya nakazaniya // Ugolovnoe pravo. 2010. № 5. S. 123–129.

6. Solonicyн P.S. Ugolovno-ispolnitel'naya procedura i ee mesto v sisteme pravovogo regulirovaniya // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 1(42). S. 95–100.

7. Tyabina Yu.A. Teoretiko-pravovye aspekty klassifikacii voprosov, razreshaemykh sudom v poryadke ispolneniya prigovora // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2015. № 4(91). S. 125–129.

8. Bepamyatnov R.V. Operativno-rozysknoe obespechenie raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v uchrezhdeniyah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v osobykh usloviyah: nekotorye teoretiko-pravovye voprosy // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2025. Т. 20. № 3. S. 463–472.

9. Goryainov K.K., Zajchenko E.Yu. Napravleniya razvitiya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme // Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie. 2014. № 1(25). S. 22–24.

10. Habarov A.A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak sredstvo obespecheniya rezhima v ispravitel'nykh uchrezhdeniyah // Nauchnyj zhurnal. 2017. № 9(22). S. 73–75.

11. Kudryavcev A.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v sisteme sredstv obespecheniya bezopasnosti pri ispolnenii nakazaniya v vide lisheniya svobody // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2010. № 3(16). S. 21–24.
12. Rumyancev N.V., Samojlova A.A. Znachenie psihologicheskoy harakteristiki osuzhdennykh zhenshchin pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti v mestah lisheniya svobody // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2018. № 3(48). S. 32–34.
13. Kachalov V.I. Osobennosti realizacii principa ohrany prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri ispolnenii prigovora // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2017. № 1(39). S. 22–27.
14. Pupysheva L.A., Brylyakov S.P. Realizaciya principov ugolovnogo sudoproizvodstva v stadii ispolneniya prigovora // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2015. № 3(24). S. 142–151.
15. Shabanov V.B., Budanova L.Yu., Kramarenko V.P. Ispolnenie prigovora – samostoyatel'naya stadiya ugolovno-processual'noj deyatel'nosti // Penitenciarnaya nauka. 2020. T. 14. № 4(52). S. 485–492.
16. Agarkov A.V. O neobходимости zakonodatel'nogo zakrepleniya voprosov operativnogo obespecheniya deyatel'nosti ispravitel'nykh centrov kak novogo vida uchrezhdenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Kuzbasskogo instituta. 2025. № 2(63). S. 146–154.
17. Gorban' D.V., Bochkarev V.V., Yuzhanin V.E. Pravovye i organizacionnye aspekty ispolneniya nakazaniya v vide prinuditel'nykh rabot // Vestnik Permskogo instituta Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2024. № 4(55). S. 44–48.
18. Grishin D.A. Vzaimodejstvie pravoohranitel'nykh organov v hode rassledovaniya prestuplenij, sovershennykh osuzhdennymi k nakazaniyam bez izolyacii ot obshchestva // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 10(161). S. 307–309.
19. Kovalev O.G. Profilaktika kriminal'nogo povedeniya narkozavisimyykh lic, sostoyashchih na uchete ugolovno-ispolnitel'nykh inspekcij (organizacionno-pravovoj i psihologicheskij aspekty) // Obrazovanie i pravo. 2024. № 9. S. 339–343.

Статья поступила в редакцию 16.07.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 13.08.2026.

The article was submitted 16.07.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 13.08.2026.

Информация об авторе

А.Ю. Скибенко – аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96); заместитель руководителя Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 86–88);.

Information about the author

A.Yu. Skibenko – Postgraduate Student of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96); Deputy Head of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for St. Petersburg (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 86-88).

УДК 343.7

Уголовно-правовое значение сети Интернет как средства совершения мошенничества

Виталий Вадимович Спасских

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина,
Москва, Россия, vspasskikh@yandex.ru

Аннотация. Исследуется уголовно-правовое значение сети Интернет как средства совершения мошенничества. Цель работы – выявить изменения в содержании и механизме осуществления мошеннического обмана, обусловленные использованием сетевых технологий, а также определить условия, при которых такое использование приобретает значение для уголовно-правовой оценки посягательства. В ходе исследования установлено, что сеть Интернет как средство совершения мошенничества повышает его общественную опасность, обеспечивая возможности дистанционного воздействия на значительное число потенциальных потерпевших, многократного использования единой мошеннической модели, сочетания различных форм предъявления информации, а также автоматизации взаимодействия с адресатами обмана. Обоснована необходимость оценивать использование сетевых технологий с учетом их фактической функции в механизме хищения и разграничивать непосредственное использование сети Интернет при осуществлении обмана и ее применение на подготовительных либо иных сопутствующих этапах преступной деятельности. Сделан вывод о том, что определяющее уголовно-правовое значение имеет непосредственная связь использования сети с информационным воздействием, обусловившим передачу имущества или приобретение права на него.

Ключевые слова: мошенничество, обман, сеть Интернет, искусственный интеллект, дипфейк, общественная опасность, уголовно-правовая оценка

Для цитирования: Спасских В.В. Уголовно-правовое значение сети Интернет как средства совершения мошенничества // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 108–116.

The criminal-legal significance of the Internet as a means of committing fraud

Vitaliy V. Spasskikh

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia, vspasskikh@yandex.ru

Abstract. Examines the criminal-legal significance of the Internet as a means of committing fraud. The aim of the work is to identify changes in the content and mechanism of fraudulent deception caused by the use of network technologies, as well as to determine the conditions under which such use becomes significant for the criminal-legal assessment of the offence. The study revealed that the Internet, as a means of committing fraud, increases its social danger by providing opportunities for remote influence on a significant number of potential victims, repeated use of a single fraudulent model, combination of various forms of information presentation, and automation of interaction with the targets of the deception. It is also substantiated that it is necessary to assess the use of network technologies taking into account their actual function in the mechanism of theft and to distinguish between the direct use of the Internet in carrying out fraud and its application at preparatory or other related stages of criminal activity. It is concluded that the direct connection between the use of the network and the

informational impact that led to the transfer of property or the acquisition of the right to it is of decisive criminal-legal significance.

Keywords: fraud, deception, Internet, artificial intelligence, deepfake, public danger, criminal-legal assessment

For citation: Spasskikh V.V. The criminal-legal significance of the Internet as a means of committing fraud // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 108–116.

Использование сети Интернет при совершении мошенничества существенно расширило возможности ее воздействия на потерпевшего и придало такому воздействию новые формы реализации, связанные, прежде всего, с дистанционностью и технологической вариативностью коммуникации. Исходя из этого, исследование уголовно-правового значения сети Интернет как средства совершения мошенничества предполагает определение того, как ее использование изменяет осуществление преступного посягательства.

Обман как способ мошенничества обращен к сознанию человека. Шипунова М.Н. определяет преступный обман как воздействие на психику другого лица, направленное на возникновение либо поддержание у него ложного знания относительно определенных обстоятельств [1]. При мошенничестве такое заблуждение приобретает уголовно-правовое значение вследствие его связи с передачей имущества или приобретением права на него: адресат обмана принимает соответствующее решение, исходя из сведений, которые он считает достоверными. Данные свойства обмана предопределяют существенное уголовно-правовое значение средств, с помощью которых лицу сообщается информация. Злоупотребление доверием как способ мошенничества характеризуется иным механизмом преступного воздействия, который сетевая коммуникация не изменяет в той мере, в которой она трансформирует осуществление обмана, в связи с чем исследование представляется целесообразным сосредоточить на последнем.

Повсеместное распространение сети Интернет существенно расширило возможности осуществления мошеннического обмана в двух направлениях: первое – связано с числом лиц, с которыми возможно установить и поддерживать удаленное взаимодействие; второе – выражается в разнообразии новых форм и способов, посредством которых информация может быть передана адресатам. Эти направления тесно связаны между собой и в совершении преступлений обычно проявляются совместно, однако характеризуют разные свойства сетевой коммуникации: масштаб и технологичность, поэтому целесообразным представляется рассмотреть их в отдельности.

Рассолов И.М. характеризует сеть Интернет как глобальную информационную и коммуникационную среду, позволяющую преодолевать территориальные границы [2]. В свою очередь, Н.В. Летелкин при исследовании преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, также связывает их специфику с удаленным характером передачи информации и осуществлением доступа к ней посредством средств вычислительной техники [3]. Вследствие данных особенностей местонахождение собеседника утрачивает прежнее значение как при обычном общении, так и при коммуникации, имеющей преступное содержание. Один и тот же канал связи (сеть Интернет) позволяет обращаться к пользователям, находящимся в разных населенных пунктах, регионах и государствах.

Дистанционный характер общения значительно старше сети Интернет и не является ее уникальным свойством, однако она изменила доступный одному человеку объем коммуникации и позволила соединить в единой среде вновь возникшие (либо ранее существовавшие отдельно) формы взаимодействия. Текстовая переписка может немедленно продолжиться аудио- или видеозвонком, сообщение способно привести адресата к интернет-сайту, а размещенная для неограниченного круга лиц публикация – послужить началом закрытого диалога.

Кроме того, информация передается между участниками такого взаимодействия практически мгновенно.

Обоснованной представляется позиция Р.И. Дремлюги, согласно которой использование сети Интернет изменило условия совершения традиционных преступлений, придав им новые возможности, связанные с глобальностью, анонимностью и скоростью сетевого взаимодействия [4]. Мошенничество как нельзя наглядно иллюстрирует данную закономерность: ложные объявления, поддельные документы, искаженные изображения и другие носители обманной информации не возникли вместе с сетью Интернет, однако значительно изменились условия, в которых они могут использоваться.

Особенно заметно изменение соотношения между объемом действий, которые виновному необходимо совершить для реализации умысла, и возможным масштабом преступного результата. При личном обманном общении каждый новый акт взаимодействия (будь то поддержание заблуждения у одного лица или обращение к иным лицам) предполагает самостоятельное участие виновного. Сеть Интернет позволяет организовать этот процесс иначе: размещать информацию в открытом доступе, автоматически рассылать ее широкому кругу адресатов, предоставлять сведения пользователю постепенно по мере выполнения им определенных действий согласно заданному алгоритму. По мере автоматизации подобных сетевых операций число возможных контактов, направленных на совершение мошенничества, все меньше зависит от физической способности человека лично поддерживать каждый разговор.

Наиболее очевидно указанная особенность сетевого мошенничества проявляется при размещении информации на общедоступных интернет-страницах. Овсюков Д.А. различает использование информационно-телекоммуникационной сети как средства связи между двумя пользователями и как средства распространения информации среди индивидуально неопределенного круга лиц, отмечая, что во втором случае одно действие по распространению информации (размещение сведений на сайте, массовая рассылка сообщений) может быть обращено к большому числу пользователей [5]. Размещение информации в открытом доступе отличается от адресного сообщения, прежде всего, порядком возникновения контакта: преступник делает сведения доступными для восприятия пользователями, а потенциальные жертвы обращаются к нему по собственной инициативе.

Предварительная подготовка информации ложного содержания при такой форме взаимодействия получает особое практическое значение, поскольку однократно изготовленные текст, изображение, аудио- или видеозапись могут множество раз использоваться для реализации мошеннического умысла, оставаясь доступными для восприятия пользователями сети Интернет в течение определенного времени после размещения.

Сходный по масштабам эффект в части охвата потенциальных потерпевших достигается при использовании автоматизированной рассылки. Современные сервисы электронной почты и мессенджеры позволяют в сжатые сроки направлять сообщения значительному числу получателей в автоматическом режиме. Следовательно, количество адресатов может многократно превышать количество отдельных действий преступника по инициированию отправки каждого сообщения.

При этом содержание такого сообщения не обязательно является абсолютно одинаковым: в основной текст по заданному алгоритму могут автоматически подставляться имя получателя и иные известные о нем сведения, повышающие убедительность сообщения. Вследствие этого массовая рассылка способна создавать у адресата иллюзию индивидуальной коммуникации, что существенно усиливает эффект обмана и способствует формированию заблуждения, обуславливающего передачу имущества либо приобретение права на него.

Рассматривая влияние цифровизации на различные сферы экономической деятельности, Ю.В. Грачева, А.И. Коробеев, С.В. Маликов и А.И. Чучаев отмечают

возможности интернет-технологий по выходу к глобальной аудитории, сбору информации о предпочтениях пользователей и ее последующему использованию в персонализированном взаимодействии [6]. Применительно к мошенничеству подобные возможности также позволяют выбирать предполагаемых адресатов сообщений по определенным признакам и корректировать отдельные компоненты обманного информационного воздействия. В указанном контексте Е.В. Зотина обращает внимание на сочетание массового и персонифицированного характера современных мошеннических атак, связывая его с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и искусственного интеллекта [7]. Такая характеристика достаточно точно передает происходящее изменение мошенничества: количество контактов возрастает одновременно с расширением возможностей приспособления общения к конкретному человеку.

Подобное сочетание широты охвата «аудитории обмана» и индивидуализации общения свидетельствует о том, что одновременное обращение к большой аудитории посредством сети Интернет не только не препятствует, но и способствует (посредством сбора и обработки находящейся в сети информации) дифференциации содержания отдельных контактов.

Однако из этого не следует, что мошенничество с использованием сети Интернет обязательно приобретает массовый характер. Конкретное посягательство вполне может быть ориентировано на единственного потерпевшего. В рассматриваемом контексте принципиальное значение имеет иное: сеть Интернет устраняет физические ограничения, присущие личному общению, тем самым расширяя круг потенциальных потерпевших от мошенничества до всей совокупности ее пользователей¹.

Данное свойство приобретает еще большее значение в связи с возможностью без значительных дополнительных усилий распространить единую мошенническую модель взаимодействия на множество адресатов. При этом возросший масштаб преступного воздействия составляет лишь одно из изменений способа мошенничества, связанного с сетью Интернет. Не менее существенно изменился и сам порядок сообщения ложной информации конкретному адресату. Сеть позволяет в рамках одной коммуникации объединять различные способы предоставления информации и последовательно изменять ее содержание в зависимости от поведения потенциального потерпевшего.

Наиболее простой формой выражения информации с помощью цифровых технологий является текст. По содержательному смыслу сообщение, направленное посредством мессенджера или по электронной почте, может ничем не отличаться от устно изложенной информации либо сведений, переданных в традиционном бумажном письме. Однако сетевое общение позволяет мгновенно дополнить такое сообщение изображением, документом, аудио- или видеозаписью, звонком, направить адресата на интернет-сайт, организовав тем самым продолжительное и многоэлементное информационное воздействие.

Сайт в сети Интернет позволяет комплексно объединить совокупность сведений в различных формах (текст, включающий, например, описание несуществующего товара, отзывы на него, порядок и условия оплаты, а также фото, документы продавца). Пользователь воспринимает эти элементы в совокупности, что усиливает искажение его представления о фактическом содержании ресурса и способствует формированию устойчивого заблуждения. Ложные сведения способны выражать также визуальное оформление интернет-сайта, воспроизводящее не только дизайн и структуру, но и названия, логотипы, цветовую гамму, расположение элементов интерфейса, известной пользователю страницы (банка, социальной сети, государственного информационного сервиса).

¹ По состоянию на 2025 г. 96 % населения Российской Федерации являются пользователями сети Интернет // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: www.fedstat.ru/indicator/43569 (дата обращения: 16.08.2026).

Как при одновременном, так и при последовательном объединении нескольких форм предоставления сведений ошибочное восприятие потерпевшим действительности складывается из их совокупности. Текстом может быть сообщено определенное обстоятельство, изображением ему придается больше убедительности, а видеозвонок способен окончательно лишить потерпевшего сомнений в действительности сообщаемого. Восприятие каждого последующего элемента обмана происходит с учетом уже полученной информации, «нализываясь» на нее. Поэтому при подобном многоэлементном сетевом взаимодействии содержание обмана необходимо устанавливать по всей совокупности и последовательности сведений, которые предшествовали распоряжению имуществом.

В пределах одного интернет-сайта могут быть соединены информационное воздействие на потерпевшего и платежный функционал, позволяющий ему распорядиться имуществом под влиянием обмана, что сокращает временной разрыв между восприятием потерпевшим ложных сведений и достижением преступного результата.

Фишинговые сайты наглядно иллюстрируют, что внешне сходное использование страницы в сети Интернет в преступных целях может иметь различное значение для механизма хищения, предопределяющее его форму. Так, П.Н. Кобец характеризует фишинг как использование ложных электронных сообщений и ресурсов, направленных на получение конфиденциальных сведений пользователя [8]. Однако содержание таких сведений и дальнейшие действия после их получения могут существенно различаться.

На интернет-сайте могут содержаться ложные сведения, восприняв которые человек самостоятельно производит перевод денежных средств. Но сайт также может содержать лишь форму для ввода данных банковской карты, пароля или кода, а списание денежных средств происходит вследствие действий преступника. Обман присутствует на первоначальном этапе обеих схем, но связь между ним и переходом имущества различна. В контексте дифференциации хищений В.В. Хилюта придает значение непосредственному механизму завладения имуществом, обращая внимание на необходимость различать действия, выступающие лишь средством дальнейшего хищения, и действия, посредством которых осуществляется собственно изъятие имущества [9]. Данный подход согласуется с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации о разграничении мошенничества и иных форм хищения².

Возможности индивидуализации мошеннического воздействия в сети Интернет значительно расширились с развитием технологий автоматизированного общения. Чат-боты на интернет-сайтах и в мессенджерах могут самостоятельно воспроизводить заранее определенные реплики, придерживаясь установленных условий перехода между ними. Конкретный ответ чат-бота может варьироваться в зависимости от того, как с ним взаимодействует пользователь. В такой мошеннической модели часть действий, которые при обычном (пусть и протекающем в сети Интернет) разговоре выполняет человек, определяется заранее и делегируется технической системе. Искусственный интеллект изменил эту мошенническую модель еще более существенно: с его появлением и развитием системы автоматизированного общения не ограничиваются исчерпывающим набором подготовленных ответов, что позволяет делать каждое преступное взаимодействие уникальным без непосредственного участия виновного. При анализе форм преступного применения искусственного интеллекта И.Р. Бегишев и З.И. Хисамова справедливо обращают внимание, в частности, на фишинг, создание фейкового контента и использование ботов [10].

Современное распространение искусственного интеллекта неразрывно связано с сетью Интернет. Технически генерация текста или изображения возможна

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 нояб. 2017 г. № 48 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

и на автономном устройстве (персональном компьютере, смартфоне), однако массовый доступ к соответствующим инструментам обеспечивается посредством сети. Сложность обработки информации искусственным интеллектом находится за рамками действий пользователя, а значит не требует от него высокого уровня технической подготовки: профессионального программного обеспечения и специальных знаний. Достаточно доступа к готовому сервису и умения сформулировать исходное задание, что существенно снижает «входной порог» в подобную высокотехнологичную преступность.

Следовательно, распространение инструментов на основе искусственного интеллекта, доступ к которым обеспечивается через сеть Интернет, во многих аспектах меняет условия осуществления мошеннического обмана: расширяет круг лиц, способных применять соответствующие технологии, уменьшает время, необходимое для создания информации, обеспечивает возможность автоматизации общения и его мгновенной адаптации к конкретной ситуации.

Автоматизированное на основе искусственного интеллекта общение неизбежно ставит вопрос об установлении умысла лица, которое производило его первоначальную настройку и запуск. Представляется, что в случаях, когда виновный заведомо настраивает искусственный интеллект на воспроизведение ложной информации и использует его для ведения общения, направленного на получение имущества, отсутствие заранее написанной конкретной формулировки каждой реплики не исключает умышленного характера обмана. Его представлением охватываются ложный характер сведений, которые должны сообщаться адресату обмана, и предполагаемое их воздействие на его решение.

Важно учитывать, что сам факт создания текста или изображения искусственным интеллектом еще не делает сообщаемую посредством них информацию ложной. Генеративные возможности современных технологий широки и не сводятся к созданию искаженных сведений – даже в контексте мошенничества их применение может охватывать не связанные непосредственно с осуществлением обмана действия (например, подготовку мошеннической схемы в общем виде). В данном случае уголовно-правовое значение информации, созданной искусственным интеллектом, ограничивается умыслом виновного и ее фактической ролью в совершении хищения.

Еще шире возможности синтетических аудио- и видеоматериалов (дипфейков), которые способны воспроизводить голос и внешность определенного человека или визуализировать несуществующее событие. Так, М.М. Долгиева обоснованно указывает на мошенничество как на преступление, которое дипфейк затрагивает первостепенно, выступая инновационным средством совершения посягательства [11]. В свою очередь, М.А. Ефремова и Е.А. Рускевич прогнозируют на обозримую перспективу принципиальное изменение практики мошенничества под влиянием дипфейк-технологий [12]. При сетевом преступном взаимодействии с помощью указанных материалов возможно передать адресату слова или проиллюстрировать действия лица, которое в действительности ничего подобного не говорило и не совершало. Кроме того, с применением таких материалов изменяется чувственно воспринимаемая форма сообщения (сравнительно с текстовой информацией). Потенциальный потерпевший получает не текстовое описание просьбы родственника или распоряжения руководителя, а аудио- либо видеозапись, внешне достоверно воспроизводящие соответствующее высказывание, что влияет на убедительность последнего.

Сеть Интернет, обеспечивая доступ широкого круга лиц к технологиям искусственного интеллекта, одновременно является средством распространения полученных материалов. Сразу же после создания они могут направляться конкретному человеку, включаться в массовую рассылку или размещаться на общедоступной странице. Однако заблаговременная подготовка таких материалов характеризует только часть современных возможностей генеративных технологий. При аудио- и видеосвязи, осуществляемой посредством информационно-

телекоммуникационных сетей, искусственный интеллект может изменять голос и изображение непосредственно во время разговора, что позволяет поддерживать мошенническую схему интерактивно, реагируя на поведение адресата обмана.

Отдельные из рассмотренных технических приемов редко используются изолированно. Одно мошенническое взаимодействие может начаться с сообщения по электронной почте, содержащего ссылку на интернет-сайт, после перехода по которой адресат введет свои данные, а затем продолжит общение с преступником в мессенджере, где получит изображения документов, а итогом взаимодействия, непосредственно предшествующим распоряжению имуществом, может стать видеозвонок. При этом часть общения может вести автоматизированная система, а часть – человек. В случае подобной последовательности действий заблуждение формируется постепенно, и установление обмана как способа завладения имуществом требует реконструкции всего взаимодействия, предшествовавшего соответствующему распоряжению. Уголовно-правовое значение технического приема устанавливается по его месту в последовательности действий, которая фактически привела к передаче имущества.

Прямую связь между использованием сети Интернет и мошенническим обманом также следует отличать от применения сетевых средств на иных этапах преступной деятельности. Так, сведения о будущем потерпевшем возможно собрать заранее из открытых источников, соучастники могут использовать мессенджер для координации действий или переводить денежные средства, полученные преступным путем с помощью цифровых технологий. Каждый из этих эпизодов может иметь значение для юридической характеристики содеянного, однако ввиду особенностей способа мошенничества изменение его уголовно-правовой оценки представляется целесообразным только при непосредственной связи сети Интернет с воздействием на принятие лицом решения о распоряжении имуществом.

Вместе с тем применительно к преступлениям, для которых использование сети Интернет предусмотрено уголовным законом в качестве квалифицирующего признака, Пленум Верховного Суда Российской Федерации исходит из более широкого понимания такого использования, охватывая им в том числе действия, лишь создающие условия для совершения преступления³, что, как представляется, недостаточно точно отражает функциональную роль сети в механизме конкретного посягательства.

Такая граница важна также при оценке использования в преступлении искусственного интеллекта. Анализ открытых данных, составление списка предполагаемых адресатов или автоматизация определенных действий еще не образуют обманного воздействия на лицо. Иная ситуация складывается, когда с помощью искусственного интеллекта в диалоге с потенциальным потерпевшим формируется ложное сообщение или создается подтверждающий его материал. Следовательно, одно и то же техническое средство приобретает различное значение в зависимости от того, какую функцию в механизме преступления оно фактически выполняет. В связи с этим обобщенного указания на связь между совершением преступления и использованием сетевых технологий недостаточно для отражения того, как последние в действительности меняют механизм соответствующего посягательства.

Таким образом, сеть Интернет, не меняя уголовно-правовой природы мошенничества как формы хищения, породила несопоставимые с «доцифровой» эпохой практические возможности совершения данного преступления, повышающие его общественную опасность.

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 дек. 2022 г. № 37 // Бюл. Верховного Суда Рос. Федерации. 2023. № 3.

Под использованием сети Интернет как средства совершения мошенничества предлагается понимать применение ее возможностей при осуществлении обмана для предъявления лицу информации, восприятие которой обусловило передачу имущества или приобретение права на него.

Такое понимание охватывает различные формы и способы сетевого взаимодействия – от обычного текстового диалога до синтетической аудиовизуальной коммуникации. Объединяет их использование сети непосредственно при осуществлении информационного воздействия, составляющего мошеннический обман, и именно это обстоятельство, как представляется, должно получить надлежащую оценку в российском уголовном законодательстве.

Список источников

1. Шипунова М.Н. Обман как уголовно-правовой феномен: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. 212 с.
2. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теория кибернетического права: монография. 3-е изд., доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. 304 с.
3. Летелкин Н.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет): монография / отв. ред. А.В. Петрянин. М.: Проспект, 2020. 176 с.
4. Дремлюга Р.И. Интернет-преступность: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. 240 с.
5. Овсяков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 231 с.
6. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения / Ю.В. Грачева [и др.] // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 145–159.
7. Зотина Е.В. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 3(57). С. 73–82.
8. Кобец П.Н. Фишинговые атаки как один из самых распространенных видов киберпреступности и меры по противодействию // Научный портал МВД России. 2023. № 1(61). С. 82–89.
9. Хилjuta В.В. Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания // Lex russica. 2021. Т. 74. № 8(177). С. 69–79.
10. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и уголовный закон: монография. М.: Проспект, 2021. 192 с.
11. Долгиева М.М. Квалификация дипфейк-мошенничества и киберпохищения человека // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 11. С. 106–113.
12. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 2(56). С. 97–105.

References

1. Shipunova M.N. Obman kak ugodovno-pravovoj fenomen: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2024. 212 s.
2. Rassolov I.M. Pravo i Internet. Teoriya kiberneticheskogo prava: monografiya. 3-e izd., dop. M.: Norma: INFRA-M, 2026. 304 s.
3. Letelkin N.V. Ugodovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej (vklyuchaya set' Internet): monografiya / otv. red. A.V. Petryanin. M.: Prospekt, 2020. 176 s.

4. Dremlyuga R.I. Internet-prestupnost': monografiya. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2008. 240 s.
5. Ovsyukov D.A. Korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej: voprosy kvalifikacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022. 231 s.
6. Ugolovno-pravovye riski v sfere cifrovyyh tekhnologij: problemy i predlozheniya / Yu.V. Gracheva [i dr.] // Lex russica. 2020. T. 73. № 1. S. 145–159.
7. Zotina E.V. Ugolovno-pravovoj aspekt preduprezhdeniya moshennichestva s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij i priemov social'noj inzhenerii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 3(57). S. 73–82.
8. Kobec P.N. Fishingovye ataki kak odin iz samyh rasprostranennyh vidov kiberprestupnosti i mery po protivodejstviyu // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2023. № 1(61). S. 82–89.
9. Hilyuta V.V. Sposob dejstviya pri hishchenii imushchestva: aktual'nye voprosy sudebnogo tolkovaniya i doktrinal'nogo pravoponimaniya // Lex russica. 2021. T. 74. № 8(177). S. 69–79.
10. Begishev I.R., Hisamova Z.I. Iskusstvennyj intellekt i ugolovnyj zakon: monografiya. M.: Prospekt, 2021. 192 s.
11. Dolgieva M.M. Kvalifikaciya dipfejk-moshennichestva i kiberpohishcheniya cheloveka // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2024. T. 19. № 11. S. 106–113.
12. Efremova M.A., Russkevich E.A. Dipfejk (deepfake) i ugolovnyj zakon // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. T. 15. № 2(56). S. 97–105.

Статья поступила в редакцию 03.07.2026; одобрена после рецензирования 03.08.2026; принята к публикации 04.08.2026.

The article was submitted 03.07.2026; approved after reviewing 03.08.2026; accepted for publication 04.08.2026.

Информация об авторе

В.В. Спасских – аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Россия, 123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1).

Information about the author

V.V. Spasskikh – postgraduate student of the Department of Criminal Law at the Kutafin Moscow State Law University (Russia, 123242, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, b. 1).

УДК 343.9

**Криминологические аспекты рецидивной преступности в сфере
незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ:
направления совершенствования профилактического воздействия**

Кристина Витальевна Шнепелева

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
kshnepeleva@bk.ru, SPIN-код: 3914-7434

Аннотация. На основе междисциплинарного анализа, объединяющего криминологические и наркологические подходы, рассматривается феномен рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Автор обосновывает модель «преступного рецидива как следствия медицинского рецидива», устанавливающую прямую причинно-следственную связь между стадиями наркотической зависимости (толерантность, абстиненция, патологическое влечение) и механизмами совершения повторных преступлений. На основе критического анализа действующего законодательства выделяется ряд направлений совершенствования правового регулирования и практической деятельности органов внутренних дел в контексте интеграции медицинских критериев диагностики (МКБ-10) в систему профилактики преступлений.

Ключевые слова: рецидивная преступность, наркотическая зависимость, медицинский рецидив, криминологическая модель, МКБ-10, профилактика преступлений, ресоциализация

Для цитирования: Шнепелева К.В. Криминологические аспекты рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ: направления совершенствования профилактического воздействия // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 117–122.

**Criminological aspects of recidivism in the field of illicit trafficking
in narcotic drugs and psychotropic substances:
directions for improving preventive measures**

Kristina V. Shnepeleva

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia, kshnepeleva@bk.ru, SPIN: 3914-7434

Abstract. On the basis of an interdisciplinary analysis combining criminological and narcological approaches, the phenomenon of recidivism in the field of illicit drug trafficking is considered and psychotropic substances. The author substantiates the model of «criminal relapse as a consequence of medical relapse», which establishes a direct causal relationship between the stages of drug addiction (tolerance, abstinence, pathological attraction) and the mechanisms of repeated crimes. Based on a critical analysis of current legislation, a number of areas for improving the legal regulation and practical activities of law enforcement agencies are identified in the context of integrating medical diagnostic criteria (ICD-10) into the crime prevention system.

Keywords: recurrent crime, drug addiction, medical relapse, criminological model, ICD-10, crime prevention, socialization

For citation: Shnepeleva K.V. Criminological aspects of recidivism in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances: directions for improving preventive measures // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 117–122.

Незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ продолжает оставаться одним из наиболее криминогенных факторов, детерминирующих высокий уровень рецидива в Российской Федерации. Несмотря на предпринимаемые правоохранительными органами усилия, существующая система противодействия рецидивной преступности в данной сфере демонстрирует ограниченную эффективность, «неспособность эффективно влиять на лиц, совершивших преступления, нерезультативность правоприменительной практики (назначение и исполнение наказаний, освобождение от уголовной ответственности и наказания), слабое воздействие наказания, которое не достигает своих целей – исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений... На протяжении последнего десятилетия расследованные преступления, совершенные лицами, ранее совершавшими уголовно наказуемые деяния, неизменно составляют более половины от всех предварительно расследованных преступлений из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в отчетном периоде, а их удельный вес в общем количестве расследованных преступлений каждый год прирастает» [1]. Представляется, что указанная ситуация во многом обусловлена сохраняющимся правовым догматизмом, при котором криминальное поведение наркозависимого лица рассматривается исключительно через призму уголовно-правовой ответственности, без учета биологического императива заболевания. В этой связи актуализируется необходимость формирования новой криминологической модели, учитывающей физиологическую зависимость как ключевой детерминант рецидивирующего преступного поведения.

Методологический анализ рецидивной преступности требует четкого разграничения категорий легального (нормативно закрепленного) и криминологического рецидива. В соответствии с положениями ч. 1 ст. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ легальное определение рецидива формулируется следующим образом: «Рецидив преступлений – совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Данная нормативная дефиниция выполняет функцию юридической основы квалификации преступных деяний и индивидуализации уголовной ответственности. Филиппов О.В. отмечает, что «В криминологии принято более широкое определение рецидива, которое помимо легального охватывает все случаи совершения преступления лицами, ранее совершавшими преступления, независимо: от наличия (отсутствия) судимости за прежнее преступление; формы вины и категории предшествующего и последующего преступления; возраста, в котором лицо совершило преступление; меры уголовно-правового воздействия за ранее совершенное преступление. Для криминологии решающее значение имеет сам факт возвращения лица к преступной деятельности после принятых к нему мер уголовно-правового воздействия за ранее совершенное преступление» [2]. Такое различие особенно важно в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, где повторность преступного поведения может проявляться как в официально регистрируемых преступлениях, так и в латентном участии в сбыте, хранении, перевозке, посредничестве, поддержании инфраструктуры наркорынка. Для профилактики именно криминологическое, а не только нормативно закрепленное понимание рецидива имеет основное значение.

Вместе с тем криминологический анализ данного явления невозможен без обращения к данным медицины, психиатрии и наркологии. Зависимость от психоактивных веществ сегодня рассматривается как хроническое рецидивирующее расстройство, которое затрагивает мотивационную сферу, поведенческий самоконтроль, способность к принятию рациональных решений и к удержанию длительной ремиссии. Такое понимание не отменяет социальной

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 9 апр. 2026 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.04.2026).

природы преступления, но существенно усложняет модель его объяснения. «Синдром зависимости (англ. – dependence syndrome) – это сочетание физиологических, поведенческих и когнитивных явлений, при которых употребление психоактивных веществ (ПАВ) занимает в системе ценностей больного ведущее место»². Если в отношении части корыстных и организованных наркопреступников решающую роль играет рационально-инструментальная мотивация, то применительно к зависимым лицам преступное поведение во многих случаях становится производным от патологического влечения, абстинентных состояний и связанной с ними поведенческой дезорганизации.

Научная новизна исследования заключается в обосновании криминологической модели, интерпретирующей преступный рецидив как закономерное следствие медицинского рецидива. В рамках данного подхода автор предлагает рассматривать криминальную активность наркопотребителя не как акт осознанного волеизъявления, а как симптом прогрессирующей болезни, структурированный по этапам, описанным в МКБ-10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра) (рубрики F11–F16) [3]:

Стадия роста толерантности. «Толерантность («выносливость») – прогрессирующее ослабление желаемого психотропного эффекта ПАВ (эйфория, успокоение, расслабление и др.), что заставляет больного повышать дозы и учащать прием ПАВ. В основе лежит физиологический механизм адаптации организма к токсическому действию ПАВ»³. Потребность в увеличении дозировки для достижения психоактивного эффекта влечет экспоненциальный рост финансовых затрат, вынуждая субъекта совершать имущественные преступления (кражи, грабежи) или включаться в сбыт наркотиков для обеспечения собственной зависимости.

«Абстинентный синдром (физическая зависимость) – это комплекс вегетативных, соматических, неврологических и психических нарушений, возникающих у больных алкоголизмом/наркоманией (токсикоманией) вслед за прекращением или резким сокращением более или менее длительной и массивной алкогольной/наркотической интоксикации»⁴. В период синдрома отмены волевая регуляция поведения практически полностью подавляется физической болью и психологическим дистрессом. Любые социальные нормы, правовые запреты или угроза наказания теряют свою сдерживающую силу перед лицом острой потребности. Криминологически это выражается в росте агрессивных, импульсивных преступлений, совершенных без предварительного планирования.

Стадия патологического влечения. «Синдром патологического влечения (психическая зависимость) – это определенная (патологическая) психическая деятельность, имеющая следующие составляющие: идеаторную (мыслительную), поведенческую, аффективную (эмоциональную), вегетативную и сенсорную»⁵. Даже после длительного воздержания (например, в период отбывания наказания в исправительном учреждении) у субъекта сохраняется «память зависимости». Внешние триггеры (окружение, стресс, доступность вещества) провоцируют мгновенный срыв. В этот момент происходит криминологический рецидив, так как

² Министерство здравоохранения Российской Федерации. Клинические рекомендации. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Синдром зависимости от психоактивных веществ (кроме алкоголя и никотина). Разработчик клинической рекомендации: Общественная организация «Российское общество психиатров». Одобрено Научно-практическим Советом Минздрава России. URL: https://logbuzwmnd.gosuslugi.ru/netcat_files/8/9/Klinicheskie_rekomendatsii_Sindrom_zavisimosti_ot_PAV.pdf (дата обращения: 26.04.2026).

³ Министерство здравоохранения Российской Федерации. Клинические рекомендации. Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Синдром зависимости от психоактивных веществ. URL: https://www.rndbur.ru/doki/klin_rekom/KP%20161%20Синдром%20зависимости%20от%20ПАВ.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

субъект возвращается к прежним моделям поведения, обеспечивающим доступ к наркотику.

Таким образом, без купирования медицинского рецидива криминальный рецидив является неизбежным, что требует пересмотра традиционных подходов к профилактике.

Необходимо отметить, что действующее законодательство и правоприменительная практика не учитывают физиологические особенности наркозависимых лиц в достаточной мере. В частности, применение таких мер, как условно-досрочное освобождение или замена неотбытой части наказания более мягким видом, без обязательной, научно обоснованной медико-социальной реабилитации, превращает пенитенциарную систему в «вращающуюся дверь». Правовой подход, базирующийся на постулате о вменяемости и полной ответственности, игнорирует тот факт, что способность к осознанно-волевой регуляции у лиц с выраженной наркозависимостью существенно снижена патологическими процессами. Отсутствие обязательной интеграции медицинских критериев в оценку поведения осужденного при принятии решений о досрочном освобождении является существенной законодательной лакуной [4].

Для повышения эффективности достижения целей профилактики рецидивной наркопреступности представляются целесообразными следующие направления совершенствования:

Во-первых, необходима дифференциация профилактического учета лиц, состоящих на контроле в органах внутренних дел, на основе «прогноза медицинского рецидива».

В индивидуальные программы профилактики (в соответствии с Федеральным законом от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»⁶) следует включить обязательные медико-реабилитационные мероприятия, при этом факт несоблюдения режима реабилитации должен выступать индикатором высокого риска совершения нового преступления.

Во-вторых, целесообразно внедрение в практику подготовки сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков курсов основ клинической наркологии. Понимание механизмов поведения подозреваемых, основанное на диагностических критериях МКБ-10, позволит сотрудникам более эффективно прогнозировать криминальное поведение и своевременно реагировать на признаки срыва (рецидива болезни).

В-третьих, представляется необходимым законодательное закрепление обязанности суда учитывать сведения об участии осужденного в пробационных мероприятиях медицинского и психологического характера при принятии решения о досрочном освобождении (ст. 79, 80 УК РФ). Это позволит принимать наиболее объективные решения, ориентированные не только на формальные признаки (отбытие части срока, наличие взысканий), но и на реальную готовность лица к социальной реинтеграции.

Действующая редакция ст. 79, 80 УК РФ, а также требования ст. 175 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации⁷ («Порядок обращения с ходатайством и направления представления об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания») фокусируются на «поведении осужденного за весь период отбывания наказания». Однако оценка этого поведения зачастую носит формальный характер.

Целесообразно дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 «О судебной практике условно-досрочного

⁶ О пробации в Российской Федерации: Федер. закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 20 февр. 2026 г.)
// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.04.2026).

освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания»⁸ разъяснением, обязывающим суды при рассмотрении ходатайств осужденных, имеющих диагноз «синдром зависимости от психоактивных веществ», оценивать не только формальные показатели дисциплины, но и эффективность реализации их индивидуальной программы probation. Параллельно целесообразно внести изменения в ч. 2 ст. 175 УИК РФ, закрепив обязанность администрации исправительного учреждения прилагать к характеристике осужденного отчет о выполнении мероприятий индивидуальной программы probation.

Ввиду изложенного, для повышения эффективности достижения целей уголовно-исполнительного законодательства очевидны возможные направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в контексте применения постпенитенциарной и других видов probation при условно-досрочном и ином досрочном освобождении осужденных от отбывания наказания.

Ключевым аргументом для защиты данной концепции является тезис о том, что рецидив в сфере наркопреступности не может быть преодолен исключительно средствами уголовного права. Междисциплинарный синтез криминологии и наркологии, при котором правоохранительная деятельность опирается на медицинский прогноз, является необходимым условием прорыва в традиционно правовом подходе к проблеме. Только через признание объективной ограниченности чисто карательных мер и их дополнение медицинским воздействием возможно реальное снижение уровня повторной преступности.

Список источников

1. Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации по противодействию рецидивной преступности: учеб. пособие / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. Ф.К. Зиннурова. Казань: КЮИ МВД России, 2024. 144 с.
2. Филиппова О.В. К вопросу об уголовно-правовом и криминологическом понятии рецидива преступлений // Сибирский юридический вестник. 2021. № 1(92). С. 63–67.
3. Психические расстройства и расстройства поведения (F00–F99). Класс V МКБ-10, адаптированный для использования в Российской Федерации / под общ. ред. Б.А. Казаковцева, В.Б. Голланда. М.: Минздрав России, 1998. 512 с.
4. Шнепелева К.В. Криминологические особенности рецидивной преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Санкт-Петербургские встречи молодых ученых: материалы IV Всерос. конгресса. СПб., 2026. С. 728–733.

References

1. Deyatel'nost' organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii po protivodejstviyu recidivnoj prestupnosti: ucheb. posobie / pod obshch. red. d-ra ped. nauk, prof. F.K. Zinnurova. Kazan': KYul MVD Rossii, 2024. 144 s.
2. Filippova O.V. K voprosu ob ugovorno-pravovom i kriminologicheskom ponyatii recidiva prestuplenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2021. № 1(92). S. 63–67.
3. Psihicheskie rasstrojstva i rasstrojstva povedeniya (F00–F99). Klass V MKB-10, adaptirovannyj dlya ispol'zovaniya v Rossijskoj Federacii / pod obshch. red. B.A. Kazakovceva, V.B. Gollanda. M.: Minzdrav Rossii, 1998. 512 s.

⁸ О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 апр. 2009 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Shnepeleva K.V. Kriminologicheskie osobennosti recidivnoj prestupnosti v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv i psihotropnykh veshchestv (na primere Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga) // Sankt-Peterburgskie vstrechi molodykh uchenykh: materialy IV Vseros. kongressa. SPb., 2026. S. 728–733.

Статья поступила в редакцию 10.06.2026; одобрена после рецензирования 26.06.2026; принята к публикации 29.06.2026.

The article was submitted 10.06.2026; approved after reviewing 26.06.2026; accepted for publication 29.06.2026.

Информация об авторе

К.В. Шнепелева – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1).

Information about the author

K.V. Shnepeleva – associate professor at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Russia, 198206, St. Petersburg, Pilot Pilyutova St., 1).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

УДК 343.982.4

Почерковые объекты, выполненные при помощи программ искусственного интеллекта

Валерия Валерьевна Марочкина

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия,
nibse-valid@ya.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения новых гибридных объектов исследования, созданных при помощи программ искусственного интеллекта, которые относятся к сфере почерковедческой науки. В уголовном судопроизводстве часто возникает необходимость назначения судебно-почерковедческих экспертиз. От качества проведенной экспертизы зависит результативность производства по делу. С возрастанием роли технологий искусственного интеллекта возникают новые способы фальсификации почерка и подписей. В настоящее время существуют нейросетевые программы, позволяющие генерировать рукописные реализации человека, которые могут использоваться в преступных целях. Это новый вызов для криминалистов, который требует комплексного межведомственного подхода по разработке теоретических и методических основ для изучения искусственного нейропочерка. Приводится авторское определение искусственного нейропочерка, определяются основные отличия от биологического почерка человека, выделяются характерные признаки искусственных почерковых реализаций.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, нейросети в почерковедческой экспертизе, генерация почерка человека, искусственный нейропочерк, новые технологии в судебной экспертизе

Для цитирования: Марочкина В.В. Почерковые объекты, выполненные при помощи программ искусственного интеллекта // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 123–131.

Handwritten objects created using artificial intelligence programs

Valeria V. Marochkina

SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, nibse-valid@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the study of new hybrid research objects created using artificial intelligence programs, which belong to the field of handwriting science. In criminal proceedings, it is often necessary to conduct forensic handwriting examinations. The effectiveness of the proceedings also depends on the quality of the examination. With the increasing role of artificial intelligence technologies, new methods of falsifying handwriting and signatures have emerged. Currently, there are neural network programs that can generate human handwritten outputs. This is a new challenge for criminologists, which requires a comprehensive interdepartmental approach to developing theoretical and methodological foundations for studying artificial neuro-handwriting. Provides an author's definition of artificial neuro-handwriting, identifies the main

differences from biological handwriting, and highlights the characteristic features of artificial handwriting implementations.

Keywords: forensic handwriting examination, neural networks in handwriting examination, human handwriting generation, neuro-handwriting, and new technologies in forensic examination

For citation: Marochkina V.V. Handwritten objects created using artificial intelligence programs // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 123–131.

Современное общество находится в фокусе активнейшего развития цифровых технологий, информационных, коммуникационных систем. Происходит массовая диджитализация не только в области права и экономики, но и в многочисленных социальных сферах. Согласно Указу Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – Указ)¹ стремительная динамика этого процесса обеспечивается национальной программой, утвержденной до 2030 г. В этом же Указе закреплено понятие искусственного интеллекта (ИИ), под которым понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»².

Путин В.В. в своем выступлении на Заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Российской Федерации, которое состоялось 8 декабря 2025 г., подчеркнул: «принципиально важно, чтобы отечественные инновации, в том числе технологии искусственного интеллекта, автономных систем, цифровых платформ, находили широкое применение во всех сферах жизни: в экономических и социальных отраслях, в системе государственного управления»³. Поэтому тенденция нарастает, а эффективные результаты исполнения наблюдаем уже сегодня. ИИ активно работает для решения различного рода задач в сфере государственных услуг (известная версия Робота Макса с генеративной нейросетью)⁴, в единых биометрических системах⁵, в системе «Безопасный город», в управлении и мониторинге нацпроектов и госпрограмм, в колл-центрах в здравоохранении, в автоматической записи к врачу, в анализе рентген-изображений⁶, в системах анализа финансового сектора, в алгоритмах ИИ для образовательных платформ, а также в сфере медиауслуг и в иных направлениях жизни общества. По данным Минэкономразвития России за 2024 г., наша страна вошла в первую десятку стран-лидеров по внедрению ИИ в приоритетные направления экономики государства⁷.

Но как известно у большинства процессов имеется теневая сторона, где всеобщая цифровизация не стала исключением. Вскоре выяснилось, что кроме содействия в разработке и развитии технологий ИИ, массовом их внедрении, крайне важно обеспечить еще и безопасные меры по их применению в жизни общества.

Летом 2025 г. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее – Минцифры) выступило с инициативой

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

³ Официальный сетевой ресурс «сайт Президента России». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78672> (дата обращения: 16.01.2026).

⁴ Портал государственных услуг Российской Федерации. URL: https://www.gosuslugi.ru/?ysclid=mhhi9d3trm645608875&_id=1762075567480 (дата обращения: 16.01.2026).

⁵ Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossiya_voshla_v_top_10_stran_po_vnedreniyu_ii.html?ysclid=mhj0gefrij4873027837 (дата обращения: 16.01.2026).

⁶ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 16.01.2026).

⁷ Там же.

об ужесточении наказаний за некоторые преступления (ст. 158, 159, 163, 272 Уголовного кодекса Российской Федерации⁸ (УК РФ)), совершенные при помощи программ ИИ⁹. Инициатива нашла много сторонников. Однако, ввиду отсутствия в законодательстве четкого понятийного аппарата в сфере инновационных технологий и широкого понятия «искусственный интеллект», под которое могут подпадать фактически любые технологические программы, законопроект пока находится в стадии правовых дискуссий.

Переходя к практике, обратимся к известной технологии «DeepFake» (от англ. deep learning – «глубинное обучение» и fake – «подделка»)¹⁰, которая появилась впервые за рубежом в медиа пространстве и в рекордные сроки стала популярной в маркетинге, рекламе, кинематографе, компьютерных играх и других направлениях, связанных с массовыми коммуникациями. Как известно, эта технология позволяет искусственно синтезировать портретные видеоизображения, фоноскопические эффекты голоса от имени конкретного лица, без его участия. Помимо положительных аспектов, возникли и отрицательные. Так, в интернет-сети стали появляться видеообращения политиков с заявлениями, которых они никогда не делали; от лица медийных личностей выдвигаются рекламные слоганы, политические лозунги, которых они не произносили; тиражируются фейковые видеоролики порнографического содержания. Такие действия несут для потерпевшего серьезные репутационные риски, нарушают его личные и экономические права, влияют на безопасность человека и общества в целом.

В настоящее время понятие «дипфейк» включено в законопроект № 718538-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹¹ (в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности), рассматриваемый Советом Государственной Думы в первом чтении¹². Ожидается, что это позволит регулировать вопросы правомерного искусственного синтеза внешнего облика и голоса человека. Но есть и другие технологии ИИ, которые могут использоваться в преступных целях.

Интерес представляют программы по генерации почерка человека при помощи ИИ. В настоящее время в интернет-сети получили распространения как иностранные, так и русскоязычные сервисы.

Мировую известность получила нейросеть «My Text in Your Handwriting», разработанная в 2016 г. международной группой разработчиков при поддержке «University College London», которая по скан-копии или фотоизображению способна к генерации почерка исполнителя. В 2020 г. программа была существенно обновлена, соответственно возможности по воспроизведению графических объектов расширены. Вместе с тем сервис все еще не позволяет выполнять текст на русском языке, что пока ограничивает ее использование в России [1].

Еще одна программа под названием «Calligrapher.ai» (панее – «MyScriptFont»), автором которой считается исследователь машинного обучения Шон Вакес¹³. Как указывают специализированные интернет-источники, нейросеть для генерации рукописного текста была основана на разработках британской компании «DeepMind», занимающейся технологиями ИИ, в том числе исследованиями синтеза человеческого почерка. Нейросеть обучена на обширной базе данных IAM On-Line Handwriting

⁸ Уголовный кодекс Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/09/1116134-sest-za-neiroset> (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁰ Дипфейки и другие поддельные видео – как защитить себя? URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/protect-yourself-from-deep-fake> (дата обращения: 16.01.2026).

¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: законопроект № 718538-8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹² Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 16.01.2026).

¹³ Hi-tech.mail.ru – новости высоких технологий. URL: <https://hi-tech.mail.ru/news/61678-neyroset-nauchilas-imitirovat-chelovecheskiy-pocherk-kak-poprobovat/> (дата обращения: 16.01.2026).

Database. По данным разработчиков, было использовано более 1 700 образцов почерка и 13 049 текстовых строк. Система способна создавать свыше 86 тысяч уникальных рукописных вариантов, оперируя словарным запасом в 11 059 слов¹⁴.

В интерфейсе «Calligrapher.ai» имеется девять вариантов конструктивного строения предлагаемых моделей почерка; есть возможность задавать параметры размера, разгона, ширины штрихов в буквах; регулировать темп письма. Однако в настоящее время, в связи с недружественностью европейских стран, британская нейросеть недоступна для широкого круга российских пользователей.

Еще более продвинутой версией является программа «GAN», разработанная в 2023 г. в Университете искусственного интеллекта Мухаммада ибн Заида (MBZUAI, Mohamed bin Zayed University of Artificial Intelligence), которая максимально правдоподобно имитирует почерк человека. Как указывают разработчики: «особенность технологии в том, что для обучения модели используется небольшой фрагмент рукописного текста»¹⁵, это позволяет более точно обучить программу с акцентом на мелкие детали. Отмечая высокие результаты этой технологии, ее авторы высказали опасения о возможных фальсификациях рукописей со стороны злоумышленников.

«GAN» работает на иностранном языке, в платной версии, что также пока ограничивает ее широкую доступность для наших соотечественников. Но это обстоятельно не решает проблему, поскольку в распоряжении имеются русскоязычные программы, позволяющие генерировать буквы русского алфавита. Например: «HandtextAI», «Tamali.net», «Pisaka.ru», «Онлайн генератор подписи», «Генератор подписи онлайн», <https://generatom.com/signature>, «Генераторы онлайн», «Photogram», «Sign.Plus» и др. Данные программы есть в общем доступе, представлены на русском языке, имеют бесплатные версии и интуитивно понятный интерфейс, что делает их доступными большинству пользователей. Приложения уже содержат базу образцов почерка человека, а имеющиеся алгоритмы позволяют выбрать настройки: различное конструктивное строение (до 28 вариаций), наклон, размер, разгон, абзацы, межстрочный и межбуквенный интервалы и др.

В «Tamali.net» есть опция «Разнообразие букв», позволяющая уже в сгенерированном тексте изменять размер, разгон, форму, строение каждого элемента. Также возможно задать технические характеристики отображения нейропочерка: цвет штрихов, изображение материала подложки («чистый лист», лист в клетку, в линейку, с линиями строк и др.). Отдельно стоит отметить возможность имитации динамического письма, дифференцированного нажима. На рис. 1 представлено изображение почерка, сгенерированного программой «HandtextAI», на рис. 2 – сгенерированного программой «Pisaka.ru».

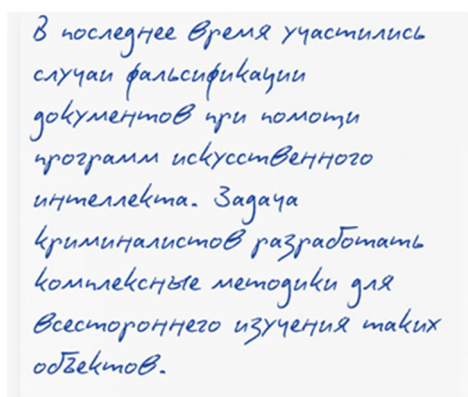

Рис. 1

¹⁴ Nasledie.digital – цифровые капсулы времени. URL: <https://nasledie.digital/news/unikalnyj-rukopisnyj-tekst-ot-mashiny/> (дата обращения: 16.01.2026).

¹⁵ Transformers of the handwritten word. URL: <https://mbzuai.ac.ac/news/transformers-of-the-handwritten-word/> (дата обращения: 16.01.2026).

*В настоящее время участились случаи
применения нейросетей для
генерации подерка человека.
Данная проблема требует
всестороннего изучения.*

Рис. 2

Программы «Tamali.net», «Онлайн генератор подписи», «Генератор подписи онлайн», <https://generatom.com/signature>, «Генераторы онлайн» (<https://allgenerators.online/generator>), «Photoroom», «Sign.Plus», а также другие подобные программы содержат инструменты для создания подписей по фамилии и инициалам. Сервисы позволяют подбирать тип шрифта, регулировать размер, разгон, наклон, ширину и цвет штрихов. Прототипы подписей можно создавать в многочисленных вариантах. «Photoroom», «Sign.Plus» позволяют рисовать, а затем видоизменять графику штрихов. Интерфейс программы «Генератор подписи онлайн» представлен на рис. 3. Изображение графической подписи, сгенерированное в программе «Онлайн генератор подписи», представлено на рис. 4.

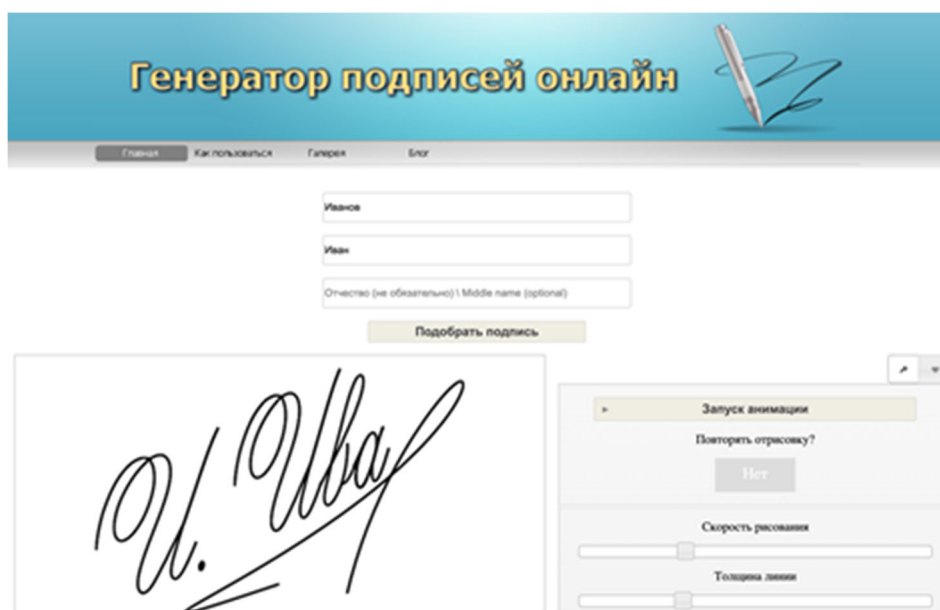

Рис. 3

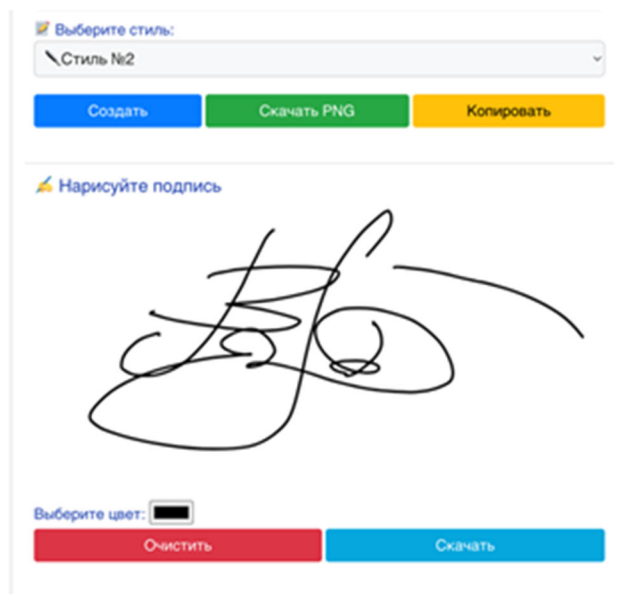

Рис. 4

В отличие от инструментария сгенерированного искусственного почерка, набор ИИ инструментов для генерации подписей пока уступает по возможностям графики, что выражается в разнице визуального восприятия таких подписных объектов.

Вместе с тем есть и общие признаки, которые характерны для графики всех искусственных почерковых реализаций, среди них можно выделить:

- отсутствие вариационности в воспроизведении одноименных букв;
- отсутствие естественной (случайной) динамики при письме: точки начала и окончания, восходящие и нисходящие штрихи выглядят однообразно, рефлексорные штрихи изображены идентично во всех одноименных буквах, элементах;
- отсутствие исправлений, помарок, ретуши и иных признаков характерных для естественного письма невысокой степени выработанности;
- неестественность изображения при наложении штрихов друг на друга;
- идентичное отображение дефектов, имитирующих низкую степень выработанности.

Как видно из приведенных выше изображений (рис. 1–4), почерковые модели выглядят реалистично, и при условии предварительной подготовки (квалифицированной работы с программой с уточненными характеристиками почерка), полученный результат может ввести в заблуждение не только рядового гражданина, но и должностных лиц. Так могут быть подготовлены изображения почерка, подписей на долговых расписках, договорах купли-продажи в простой письменной форме, предсмертных записках и иных документах, традиционно выполняемых в рукописном варианте для юридического подтверждения личности подписанта.

В прототипе искусственный нейрочерк сохраняется в виде электронных документов в форматах PDF, JPEG, SVG, PNG, может компилироваться в любой документ. Для возможности предъявления такого документа он может быть распечатан на бумажный носитель в виде цветного или черно-белого изображения, которое легко принять за ксерокопию, прочно вошедшую в обиход документооборота. При этом нейродокумент нельзя считать копией, поскольку копия всегда предполагает наличие оригинала документа, которого в данном случае нет. Этот факт в очередной раз указывает, что копии документов, получившие в последние время самое широкое распространение не только в общественной жизни, но в юридической практике, являются крайне неблагоприятным объектом исследования для судебно-почерковедческой и технической экспертизы документов. В условиях новых

технологических реалий, установление способа выполнения почеркового объекта выходит на принципиально новый уровень и обретает решающее значение. В этом случае искусственный нейропочерк «замаскированный» под ксерокопию документа существенно повышает вероятность экспертной ошибки. Полагаем, что в перспективе тенденциозного развития нейросетей исследование почерковых, подписных объектов по копиям документов должно иметь существенные ограничения.

Наиболее опасной формой фальсификации рукописных реквизитов представляется сгенерированная нейрорукопись, воспроизведенная с помощью пишущего прибора на плоттере (роботизированном манипуляторе). Подобные устройства уже десяток лет являются предметом изучения криминалистов, а в последние годы, в связи с появлением плоттеров третьего поколения, способных имитировать нажим и динамику письма, представляют серьезную проблему для почерковедческой науки. В данном случае это может быть полностью технологизированный продукт, который имитирует естественный биологический почерк определенного лица.

Данная проблема требует оперативного контроля, поскольку распространение нейропрограмм для генерации почерка человека, в перспективе, может привести к большому количеству фальсификаций документов, что негативно отразится на правах участников документооборота и увеличит нагрузку на правоохранительные органы.

Несмотря на высокий интерес к теме ИИ в судебной экспертизе, в официальных источниках пока нет определения, которое бы характеризовало сущность и специфику искусственного нейропочерка человека. Исходя из данного исследования – это сгенерированный нейросетью графический стиль, имитирующий индивидуальный навык письма, который создается генеративной моделью (нейросетью) в результате обучения на большом массиве рукописных образцов.

Целесообразно выделить характерные особенности нейрорукописей и принципиальные отличия от биологического почерка. Главное – это принцип создания. В отличие от биологического почерка, имеющего сложноорганизованную структуру, в основе которого письменно-двигательная функциональная система человеческого организма [2], базой искусственной нейрографики является генеративная модель, способная к синтезу новых данных на базе массива образцов, что определяет его алгометрическую природу и необходимость предварительного обучения.

Обратимся к основам судебного почерковедения, которые были сформированы еще в прошлом веке. Ученые, стоявшие у истоков, выявили основополагающие криминалистические свойства почерка человека, на которых выстроено методическое обеспечение современной почерковедческой экспертизы. Напомним, что речь идет об индивидуальности – абсолютном своеобразии и неповторимости почеркового навыка у разных лиц; динамической устойчивости – определенной индивидуальной совокупности письменно-двигательных характеристик, устойчивых во времени и под воздействием внешних факторов. Сюда же входит вариационность как свойство способности почерка человека видоизменяться под влиянием внешних, внутренних условий.

Для более детального исследования проведем сравнение биологического почерка и искусственного нейропочерка по таким общим критериям, как источник происхождения, принцип графического отображения, индивидуальность (воспроизводимость), естественная вариационность, динамичность, случайные ошибки, устойчивость во времени (табл.).

Таблица

Критерий	Биологический почерк	Искусственный нейропочерк
Источник происхождения	Центральная нервная система, психика, функционально-двигательный комплекс, моторика	Алгоритм, генеративная нейросеть, обучение на массиве данных
Принцип графического отображения	Уникальная нейродинамика конкретного лица, в основе которой комплекс физиологических свойств и навыков	Уникальный набор параметров в модели, обучающая выборка
Индивидуальность (воспроизводимость)	Индивидуальный почерковый навык; воспроизведение другим человеком имеет признаки подражания	Не индивидуален, поскольку выстроен на моделях-образцах; может воспроизводиться многочисленно
Естественная вариационность	Уникальное свойство почерка видоизменяться в зависимости от внешних и внутренних условий выполнения; количество вариантов неограниченно	Не изменяется под воздействием каких-либо условий (внешних, внутренних); набор вариантов всегда ограничивается выборкой
Динамичность	Обязательный признак, непосредственно связанный с механикой письма пишущим прибором, рукописно, непосредственно на документе	Имитация динамики по средствам различного окраса сгенерированных штрихов
Случайные ошибки	Проявляются в рукописных реализациях, в зависимости от уровня сформированности письменно-двигательного навыка, уровня грамотности лица	Могут проявляться в виде «галлюцинаций нейросетей» [3], носят иррациональный характер
Устойчивость во времени	Изменяется со временем	Не изменяется со временем

На основе сравнительного анализа выделим характерные особенности искусственных нейро-рукописей:

- природа возникновения – алгоритм, генеративная нейросеть, обучение на массиве данных;
- отсутствие индивидуальности;
- возможность воспроизводить один и тот же объект бесконечное количество раз;
- отсутствие вариационности, а также влияния внешних, внутренних факторов на процесс письма;
- отсутствие динамического характера письма;
- случайные ошибки носят системный характер – «галлюцинации нейросетей»;
- отсутствие изменений со временем.

Очевидно, что искусственный нейропочерковый объект является гибридным объектом для судебной экспертизы, требующим комплекса знаний, как минимум, из трех областей науки: почерковедения, технико-криминалистической экспертизы документов, компьютерно-технической экспертизы.

Перечисленные особенности, как и иные признаки искусственных нейрорукописей, требуют дальнейшего анализа и углубленного изучения. В этой связи необходим комплексный межведомственный подход по разработке теоретических, методических и технологических основ по исследованию искусственного нейрореперка.

Развитие программ ИИ по генерации почерковых реализаций человека происходит стремительно, они совершенствуются, с каждым днем возникают новые предложения на просторах интернета, что требует постоянного мониторинга и адекватных мер со стороны правоохранителя. В случае принятия предложенных Минцифры России поправок в УК РФ, квалификация деяния будет невозможна без результатов судебной экспертизы. И в этой связи особую значимость приобретает разработка методического обеспечения для изучения искусственных нейрореперковых объектов.

Список источников

1. Грякалов В.Г., Диденко О.А., Кремлев М.В. Проблемные аспекты почерковедческого исследования копий документов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 50–55.
2. Бобовкин М.В. Криминалистические проблемы психофизиологии и патологии механизма письма. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2004. 329 с.
3. Россинская Е.Р. Нейросети в судебной экспертологии и экспертной практике: проблемы и перспективы // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2024. № 3. С. 22–33.

References

1. Gryakalov V.G., Didenko O.A., Kremlev M.V. Problemnye aspekty pocherkovedcheskogo issledovaniya kopij dokumentov // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2024. № 5. S. 50–55.
2. Bobovkin M.V. Kriminalisticheskie problemy psihofiziologii i patologii mekhanizma pis'ma. Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2004. 329 s.
3. Rossinskaya E.R. Nejroseti v sudebnoj ekspertologii i ekspertnoj praktike: problemy i perspektivy // Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina. 2024. № 3. S. 22–33.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 12.08.2026; принята к публикации 13.08.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 12.08.2026; accepted for publication 13.08.2026.

Информация об авторе

В.В. Марочкина – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

V.V. Marochkina – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Forensic and Operational Investigative Activities of the Faculty of Criminalists of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИНЫХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 343.9

Некоторые вопросы определения типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, сопряженных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающих на общественную безопасность Российской Федерации

Артур Михайлович Савенков^{1,2}

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, a.m.savenkov@list.ru

²Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской области, Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В период с 2020 по 2022 г. в Российской Федерации начал формироваться институт противодействия преступлениям, сопряженным с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающим на общественную безопасность, что четко прослеживается в механизмах криминализации ст. 207.1–207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации. Несмотря на устойчивую практику их применения, в настоящее время в криминалистической доктрине отсутствует методика расследования таких посягательств, что определяет множество проблем следственной деятельности.

Залогом построения качественной криминалистической методики расследования указанных форм делинквентного поведения является исследование типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования. В статье приводится попытка авторского изучения рассматриваемых элементов, научно обоснована необходимость типологизации таких ситуаций по признаку информационной обеспеченности следственной деятельности.

Ключевые слова: типичные следственные ситуации, криминалистическая методика, первоначальный этап расследования, заведомо ложная информация, сведения, фейки, публичное распространение информации, общественная безопасность

Для цитирования: Савенков А.М. Некоторые вопросы определения типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования преступлений, сопряженных с публичным распространением заведомо ложной информации, посягающих на общественную безопасность Российской Федерации // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 132–137.

Certain issues of defining typical investigative situations at the initial stage of investigation of crimes involving the public dissemination of knowingly false information that infringe on the public safety of the Russian Federation

Artur M. Savenkov^{1,2}

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia, a.m.savenkov@list.ru

²Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Between 2020 and 2022, the Russian Federation began to develop an institution to combat crimes involving the public dissemination of knowingly false information that threatens public safety, as clearly evident in the criminalization mechanisms of Articles 207.1–207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Despite their consistent application, forensic doctrine currently lacks a forensic methodology for investigating such offenses, which creates numerous challenges for investigative activities.

The key to developing a high-quality forensic methodology for investigating these forms of delinquent behavior is the study of typical investigative situations at the initial stage of an investigation. This research article presents an attempt to examine these elements and provides a scientific justification for the need to classify such situations based on the level of information support for investigative activities.

Keywords: typical investigative situations, forensic methods, initial stage of investigation, knowingly false information, data, fakes, public dissemination of information, public safety

For citation: Savenkov A.M. Certain issues of defining typical investigative situations at the initial stage of investigation of crimes involving the public dissemination of knowingly false information that infringe on the public safety of the Russian Federation // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 132–137.

Одним из первых на значимость следственной ситуации в разрезе построения качественной криминалистической методики расследования преступлений обратил внимание Р.С. Белкин, отнеся указанное понятие в разряд тактических и методико-криминалистических [1].

Говоря о развитии направления исследования следственных ситуаций, характерных для преступлений, сопряженных с публичным распространением информации, следует отметить, что в криминалистической доктрине существует два самостоятельных подхода в их определении. Первый из них в качестве методологической базы закладывает признак способа распространения заведомо ложных сведений. Так, С.А. Бочаров, ссылаясь на изучение практики применения ст. 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (УК РФ) выделяет два направления типичных следственных ситуаций: во-первых, размещение заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях; во-вторых, распространение сведений посредством непосредственной коммуникации [2].

Данный подход представляется чрезмерно поверхностным, так как в приведенной классификации способов совершения рассматриваемых деяний каждое из направлений имеет существенную ситуационную вариативность.

Второй подход в определении следственных ситуаций по делам о публичном распространении заведомо ложной информации связан с установлением отдельных обстоятельств, подлежащих доказыванию, в частности: установления события преступления, его способа, а также субъективных признаков цели и мотива.

Так, Г.Г. Небратенко и В.М. Харзинова выделяют три самостоятельные следственные ситуации первоначального этапа расследования рассматриваемых

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

посягательств, при их совершении посредством сетей телекоммуникации и средств массовой информации:

1. Установлены личность злоумышленника, его цель, мотив, способ совершения деяния, а также подтвержден сам факт события преступления.

2. Личность преступника, его мотивация и цель являются неизвестными, в то же время имеет место событие преступления.

3. Установлен факт публикации, известна цель и мотив преступника, однако его личность неизвестна [3].

Вместе с тем приведенная система следственных ситуаций представляется дискуссионной ввиду своей теоретической и практической необоснованности, что подтверждается следующими теоретико-прикладными аргументами:

Во-первых, разделение способа и события преступления является методологической ошибкой, прямо противоречащей ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (УПК РФ). Так, исходя из приведенных нормативных положений, событие преступления является родовым понятием, включающим способ, время, место и другие обстоятельства совершенного деяния.

Во-вторых, указание на установление факта совершения преступления не имеет прикладной ценности, так как событие преступления при размещении (публикации) заведомо ложной информации в средствах массовой информации или иных ресурсах, функционирующих на базе информационно-телекоммуникационных сетей, определяется самим фактом распространения информации, не соответствующей официальной позиции.

В-третьих, публичное распространение заведомо ложной информации имеет сложную вариативность преступной мотивации и целеполагания, усугубляющихся необходимостью доказывания заведомой ложности распространяемых сведений, которые, как правило, могут быть установлены только в процессе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, проводимых в отношении или с участием публикатора сведений.

В качестве примера следует привести уголовное дело № 12002570015000031, возбужденное 29 апреля 2020 г. следственным отделом по Орджоникидзевскому району г. Пермь следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю по ст. 207.1 УК РФ. Исследование материалов дела четко показывает, что первоначальный мотив Е. определялся в качестве хулиганского. В то же время истинные преступные намерения Е. стали известны органам предварительного следствия только после проведения комплекса следственных действий с ее участием на последующем этапе расследования³.

В-четвертых, в целом допуская следственные ситуации, при которых не установлена личность лица, распространяющего изучаемую информацию, следует отметить, что такие факты являются единичными и, как правило, связаны с личным распространением заведомо ложных сведений, без использования высокотехнологичных средств коммуникации [4]. Так, в качестве иллюстрации следует привести пример уголовного дела из практики Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополю, в рамках которого к уголовной ответственности привлечен С., являющийся сотрудником МЧС России⁴.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 26 июля 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Материалы уголовного дела № 12002570015000031, возбужденного 29 апр. 2020 г. следственным отделом по Орджоникидзевскому району г. Пермь следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пермскому краю // Из материалов СУ СК России по Пермскому краю. Материал опубликован не был.

⁴ Материалы уголовного дела № 12202350013000038, возбужденного 22 марта 2022 г. следственным отделом по г. Ялта Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и г. Севастополь // Из материалов ГСУ СК России по Республике Крым и г. Севастополь. Материал

При этом следует также подчеркнуть и тот факт, что представленный подход учитывает только внешние факторы, влияющие на расследование преступления, что представляется ошибочным и несоответствующим авторской интерпретации понимания следственной ситуации.

Ввиду отсутствия в криминалистической доктрине профильных исследований монографического характера, посвященных исследованию типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании рассматриваемых преступлений, считаем целесообразным отметить, что формирование криминалистической методики, в том числе и при анализе типичных следственных ситуаций необходимо исходить из особенностей характеристики и индивидуальности каждого преступления [5].

В связи с этим на основе исследования 300 уголовных дел, возбужденных следственными органами Следственного комитета Российской Федерации в период с 2020 по 2025 г., целесообразно предложить авторскую типологию типичных следственных ситуаций первоначального этапа расследования по рассматриваемой категории уголовных дел, в основу построения которой заложить критерий обеспеченности следователя криминалистически-значимой информацией.

Предлагаем выделять:

1. Информационно-обеспеченные следственные ситуации. Данный тип следственных ситуаций подразделяется на два самостоятельных подтипа. Первый из которых характеризуется тем, что до момента возбуждения уголовного дела осуществляется полноценная оперативная разработка преступной деятельности. Поводом для возбуждения уголовного дела выступает рапорт сотрудника оперативных подразделений об обнаружении признаков преступления. После возбуждения уголовного дела материалы оперативно-розыскной деятельности передаются следователю в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. Второй подтип отличается наличием полных и достоверных сведений о факте публичного распространения заведомо ложной информации, посягающей на общественную безопасность, о способе совершения преступления, а также наличием аудио- и видеоматериалов, фиксирующих момент распространения информации. При этом лицо, осуществившее публикацию (публикатор), является точно установленным уже на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку оно выступает публичной фигурой либо известно очевидцам произошедшего. Необходимым условием для отнесения ситуации к данному типу выступает возможность привлечения виновного к уголовной ответственности, а именно нахождение лица в пределах юрисдикции Российской Федерации.

2. Условно информационно-обеспеченные следственные ситуации. Указанный тип охватывает обстоятельства, при которых факт совершения общественно опасного деяния установлен, однако имеются определенные информационные пробелы. Выделяются два варианта развития ситуации. В первом случае личность субъекта преступления не известна, но имеются технические данные о топологии соединений, установлена подлинная учетная запись публикатора, а также существуют сведения, позволяющие в перспективе установить персональные данные лица. Во втором случае личность субъекта преступления установлена, однако отсутствуют достоверные доказательства его причастности к расследуемому событию, либо лицо скрылось от органов предварительного расследования. Поводами для возбуждения уголовного дела в рассматриваемых ситуациях выступают: рапорт об обнаружении признаков преступления, составленный по результатам мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей; иная оперативная информация; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

3. Информационно не обеспеченные следственные ситуации. Данный тип характеризуется установлением лишь самого факта распространения сведений при полном отсутствии иной криминалистически значимой информации. Такое положение может быть обусловлено использованием лицом, распространившим информацию, специальных программных либо аппаратно-программных средств анонимизации, активностью Telegram-ботов, а также функционированием закрытой (непубличной) среды, в которой осуществлялось распространение сведений.

Указанная типология может иметь значительную научную новизну и быть использована в качестве методологического фундамента дальнейшего построения качественной криминалистической методики расследования рассматриваемых посягательств.

Список источников

1. Исаев Р.А. Следственные ситуации как элементы информационной системы расследования преступлений // Юридические науки и образование. 2016. № 48. С. 84–97.

2. Бочаров С.А. Типичные следственные ситуации распространения ложной информации об использовании вооруженных сил Российской Федерации и их дискредитации // Научный аспект. 2024. Т. 18. № 6. С. 2183–2192.

3. Небрятенко Г.Г., Харзинова В.М. Следственные ситуации и особенности тактики проведения первоначальных следственных действий при расследовании преступлений в сфере умышленного распространения заведомо ложной информации в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях // Юрист-Правовед. 2023. № 2(105). С. 154–159.

4. Особенности расследования преступлений, предусмотренных статьями 207.1–207.3 УК РФ: практ. пособие / под общ. ред. А.В. Петрянина, М.Е. Гущева. СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, 2024. 130 с.

5. Жбанков В.А., Карпеченков М.Ю. Криминалистика: учеб. / под общ. ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. В.А. Жбанкова. М.: Изд-во Российской таможенной академии, 2012. 512 с.

References

1. Isaev R.A. Sledstvennye situacii kak elementy informacionnoj sistemy rassledovaniya prestuplenij // Yuridicheskie nauki i obrazovanie. 2016. № 48. S. 84–97.

2. Bocharov S.A. Tipichnye sledstvennye situacii rasprostraneniya lozhnoj informacii ob ispol'zovanii vooruzhennyh sil Rossijskoj Federacii i ih diskreditacii // Nauchnyj aspekt. 2024. T. 18. № 6. S. 2183–2192.

3. Nebratenko G.G., Harzinova V.M. Sledstvennye situacii i osobennosti taktiki provedeniya pervonachal'nyh sledstvennyh dejstvij pri rassledovanii prestuplenij v sfere umyshlennogo rasprostraneniya zavedomo lozhnoj informacii v SMI i informacionno-telekommunikacionnyh setyah // Yurist"-Pravoved". 2023. № 2(105). S. 154–159.

4. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 207.1–207.3 UK RF: prakt. posobie / pod obshch. red. A.V. Petryanina, M.E. Gushcheva. SPb.: Sankt-Peterburgskaya akademiya Sledstvennogo komiteta, 2024. 130 s.

5. Zhbantkov V.A., Karpechenkov M.Yu. Kriminalistika: ucheb. / pod obshch. red. zasl. yurista RF, d-ra yurid. nauk, prof. V.A. Zhbantkova. M.: Izd-vo Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2012. 512 s.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 12.08.2026.

The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 11.08.2026; accepted for publication 12.08.2026.

Информация об авторе

А.М. Савенков – заместитель руководителя отдела криминалистики следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Нижегородской обл. (Россия, 603074, г. Нижний Новгород, ул. Маршала Воронова, 22а); аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Россия, 190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96).

Information about the author

A.M. Savenkov – Deputy Head of the Forensic Science Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Nizhny Novgorod Region (Russia, 603074, Nizhny Novgorod, Marshal Voronov Street, 22a); Postgraduate Student of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96).

УДК 343.8

**Система лиц, оказывающих юридическую помощь осужденным:
современное состояние и перспективы развития**

Дмитрий Олегович Сизов

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань,
Россия, dima_sizov_99@mail.ru, SPIN-код: 6232-3090

Аннотация. На основе изучения научной литературы, положений Конституции Российской Федерации, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и других нормативных правовых актов автором приводится классификация субъектов, оказывающих юридическую помощь осужденным. Формулируется вывод о том, что нормативное закрепление круга лиц, имеющих право на оказание юридической помощи осужденным, не может быть произведено в отрыве от изменения законодательства, регулирующего оказание такой помощи населению в общем порядке. Автором выделяется четыре основных вида лиц, оказывающих юридическую помощь: основные публичные лица, факультативные публичные лица, основные непубличные лица и факультативные непубличные лица, а также определен круг таких лиц для каждого из выделяемых видов.

Ключевые слова: юридическая помощь; лица, имеющие право на оказание юридической помощи осужденным; классификация

Для цитирования: Сизов Д.О. Система лиц, оказывающих юридическую помощь осужденным: современное состояние и перспективы развития // Правда и закон. 2026. № 3(37). С. 138–148.

**The system of individuals providing legal assistance to convicted persons:
current state and development prospects**

Dmitry O. Sizov

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russia,
dima_sizov_99@mail.ru, SPIN: 6232-3090

Abstract. Based on an analysis of scientific literature, the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Penal Code of the Russian Federation, the Federal Law No. 63-FZ dated May 31, 2002, «On Advocacy and the Bar», the Federal Law No. 324-FZ dated November 21, 2011, «On Free Legal Aid in the Russian Federation», and other regulatory legal acts, the author provides a classification of entities providing legal assistance to convicted persons. The conclusion is formulated that the regulatory consolidation of the range of persons entitled to provide legal assistance to convicts cannot be carried out in isolation from changes to the legislation regulating the provision of such assistance to the general population. The author identifies four main types of persons providing legal assistance: primary public persons, optional public persons, primary non-public persons, and optional non-public persons, and also defines the range of such persons for each of the identified types.

Keywords: legal assistance; persons entitled to provide legal assistance to convicts; classification

For citation: Sizov D.O. The system of individuals providing legal assistance to convicted persons: current state and development prospects // Truth and law. 2026. № 3(37). P. 138–148.

Часть 8 ст. 12 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации¹ (УИК РФ) гласит: «для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи». Как можно заметить – круг лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь осужденным, оставлен законодателем открытым. Эта же проблема присуща и другим нормам уголовно-исполнительного законодательства, регулирующим общественные отношения в сфере оказания осужденным юридической помощи.

Сама формулировка «иные лица, имеющие право на оказание такой помощи» косвенно отсылает к нормам иных отраслей права. Однако в настоящее время в действующем законодательстве Российской Федерации данный вопрос не находит своего разрешения, что порождает соответствующий научный дискурс.

Керефов И.Р. полагает, что под «иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи осужденным» понимаются администрации исправительных учреждений, общественные наблюдательные комиссии, комиссии по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации и другие лица, указанные в ст. 24 УИК РФ [1]. Попович М.М. выделяет в качестве лиц, оказывающих такую помощь осужденным, адвокатов, некоммерческие организации и их представителей, общественные наблюдательные комиссии, прокуратуру и иные государственные органы [2]. Сухарев С.Н. и вовсе утверждает, что «для оказания юридической помощи осужденным в исправительное учреждение может прибыть любое лицо, имеющее паспорт гражданина Российской Федерации» [3]. Как можно заметить, в научном сообществе также нет единого мнения по вопросу определения круга лиц, оказывающих юридическую помощь осужденным.

В период с 1997 по 1998 г. круг лиц, имеющих право на оказание юридической помощи осужденным, был точно определен федеральным законодательством и постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1995 г. № 344 «Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по оказанию платных юридических услуг»². Действующий УИК РФ был принят в 1997 г., а ч. 8 ст. 12 УИК РФ с того момента не претерпела изменений. Однако с принятием Федерального закона от 25 сентября 1998 г. № 158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»³ вышеуказанное постановление было признано утратившим силу, в то время как новые требования к квалификации лиц, оказывающих юридическую помощь населению, установлены не были, что свидетельствует о наличии с 1998 г. по настоящее время соответствующего правового пробела, имеющего место быть и в правовых нормах УИК РФ [4, с. 131].

Для разрешения исследуемой проблемы необходимо проанализировать не только нормы, содержащиеся в УИК РФ, но и источники иных отраслей права, ответив на вопрос: «Следует ли признать нормативные правовые акты в сфере обеспечения доступа населения к юридической помощи источниками уголовно-исполнительного права?».

С точки зрения законодателя, выраженной в ч. 1 ст. 2 УИК РФ, структура уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации включает в себя УИК РФ и другие федеральные законы. Вопрос определения структуры системы отечественного уголовно-исполнительного законодательства по сей день порождает споры о системе источников уголовно-исполнительного права среди российских ученых-пенитенциаристов. Интересной видится точка зрения Ю.А. Головастовой,

¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 20 февр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по оказанию платных юридических услуг: постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апр. 1995 г. № 344. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О лицензировании отдельных видов деятельности: Федер. закон от 25 сент. 1998 г. № 158-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

также отмечающей наличие данной научной дискуссии и делающей справедливое замечание о том, что «понятие «система законодательства» не тождественно понятию «система права» [5]. Придерживаясь данной мысли, схему содержания уголовно-исполнительного права как отрасли права можно представить в виде совокупности пересекающихся кругов Эйлера. В таком случае уголовно-исполнительное законодательство может быть представлено как круг с четко очерченными границами, выраженными в установленной законодателем системе такого законодательства. В то время как категория уголовно-исполнительного права представляет собой систему, включающую в себя уголовно-исполнительное законодательство и его пересечения с другими отраслями российского права. Такие пересечения, на взгляд автора, выражаются в рецепции правовых норм иных отраслей права в уголовно-исполнительном законодательстве (например, ч. 1 ст. 12.1 УИК РФ по своему содержанию во многом дублирует ч. 1 ст. 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации⁴) и в наличии в нем правовых норм, отсылающих нас к иным отраслям права (например, ст. 22 УИК РФ). Правовые нормы, содержащие отсылки к правилам поведения субъектов общественных отношений, содержащимся в иных нормативных правовых актах, в правовой доктрине выделяются в отдельный вид бланкетных правовых норм [6].

Особенностью проблемы неопределенности круга лиц, имеющих право на оказание юридической помощи осужденным, является и то, что круг таких лиц, выходит за рамки уголовно-исполнительного законодательства и остается неопределенным для всей отечественной правовой системы, что делает невозможным разрешение исследуемой проблемы исключительно путем внесения изменений в УИК РФ, ведь подобное изменение правовых норм в данных условиях поставит в неравное положение осужденных по отношению к остальному населению страны, особенно на фоне гарантий, предусмотренных ст. 48 Конституции Российской Федерации⁵.

Исходя из мультиисточникового характера уголовно-исполнительного права и бланкетного характера правовых норм, содержащихся в УИК РФ и регламентирующих особенности получения осужденными юридической помощи, полагаем, что конкретизация круга лиц, имеющих право на оказание такой помощи осужденным, не может быть произведена в отрыве от изменения законодательства, регулирующего оказание юридической помощи в общем. Схожей точки зрения придерживается и Т.И. Исакова, полагающая, что круг лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь осужденным, должен быть определен не в рамках УИК РФ, а путем внесения изменений в общее законодательство, регулирующее общественные отношения по оказанию юридической помощи населению [7].

Как отмечает А.М. Зарина, еще в 2014 г. Правительством Российской Федерации была утверждена государственная программа «Юстиция», предполагавшая развитие системы оказания населению юридической (правовой) помощи [8]. Идея профессионализации судебного представительства как вида юридической помощи не нова и согласовывается с мировой тенденцией постепенного наращивания требований к судебным представителям [9].

В существующей внутривластной действительности и научной доктрине существовало множество предложений о реформировании института юридической помощи и рынка юридических услуг. Одной из наиболее «нашумевших» инициатив на рубеже 2024–2025 гг. стало предложение Минюста России, предусматривающее профессионализацию судебного представительства, в соответствии с которым предлагается существенное ограничение круга лиц, имеющих право представлять

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (в ред. от 9 апр. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одоб. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

интересы граждан и юридических лиц в органах судебной власти⁶. Данной инициативой круг потенциальных судебных представителей сводится, в большинстве возможных случаев, до адвокатов, из-за чего она получила в юридическом сообществе неофициальные названия «адвокатская монополия» и «адвокатская монополия на судебное представительство» [10]. Впрочем, А.М. Зарина констатирует, что уже «более 10 лет остается открытым вопрос о внедрении в практическую деятельность юристов адвокатской монополии» [8, с. 82]. И действительно, идея профессионализации судебного представительства как сегмента рынка юридических услуг посредством консолидации вокруг адвокатского сообщества неоднократно выдвигалась представителями публичной власти нашей страны. Момотов В.В. выделял в качестве одного из важнейших трендов профессионализацию судебного представительства, способную проявляться в форме адвокатской монополии или в «иных формах обязательного профессионального представительства в суде» [11].

Тем не менее юридическое и научное сообщество во многом не приняло инициативу Минюста России о профессионализации судебного представительства в той редакции, которая была предложена в законопроекте виде. В частности, она была раскритикована в рамках научных мероприятий [12], обсуждалась в средствах массовой информации⁷, послужила причиной внесения контринициатив в Федеральном Собрании Российской Федерации⁸ и даже стала предметом судебных споров между Минюстом России и практикующими юристами⁹. Почему же, не смотря на свою «навязчивость», «адвокатская монополия» как идея о консолидации и реформировании юридической помощи и рынка соответствующих услуг с каждым разом находит сопротивление со стороны ученых и юристов? По мнению автора, подобная ситуация возникает ввиду нескольких факторов:

– во-первых, ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»¹⁰ (далее – ФЗ № 63-ФЗ) раскрывает адвокатскую деятельность как «квалифицированную юридическую помощь...», что, как справедливо отмечает И.Д. Бровко, прямо ассоциируется с ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на получение такой помощи [13];

– во-вторых, законодательство о системе юридической помощи представлено в нашей стране в большей степени ст. 48 Конституции Российской Федерации, ФЗ № 63-ФЗ и Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»¹¹ (далее – ФЗ № 324-ФЗ), что обеспечивает лишь фрагментарное правовое регулирование института юридической помощи;

⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект федер. закона (подготовлен Минюстом России, ID проекта 01/05/07-25/00158248) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/158248/> (дата обращения: 05.01.2026).

⁷ Уральские эксперты назвали подводные камни введения «адвокатской монополии». URL: <https://rg.ru/2025/12/18/reg-urfo/cehovoe-pravo-vne-suda.html> (дата обращения: 28.02.2026).

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения положений, касающихся полномочий представителя): законопроект № 1027223-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1027223-8> (дата обращения: 07.01.2026).

⁹ Суд прекратил спор юристов с Минюстом из-за адвокатской монополии. URL: <https://www.arbitr-praktika.ru/news/10695-sud-prekratil-spor-yuristov-s-minyustom-iz-za-advokatskoy-monopolii> (дата обращения: 28.02.2026); Информация по делу № 02а-1200/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. Замоскворецкий районный суд. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/kas/details/c29daa90-a45a-11f0-969d-dff99761c455?caseFinalDateFrom=11.11.2025&caseFinalDateTo=11.11.2025&formType=fullForm> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁰ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– в-третьих, законодатель, в общем как и человек по своей природе, старается, как ему кажется, идти путем «наименьшего сопротивления», пытаясь реформировать систему юридической помощи на базе уже хорошо известного института адвокатуры, вместо того, чтобы выстраивать что-то новое «с нуля».

Существенным заблуждением в данном вопросе является мнение о тождественности понятий квалифицированной юридической помощи и адвокатской деятельности. Следует отметить, что участники Конституционного совещания от 1993 г., проводившегося при разработке изначальной редакции текста Конституции Российской Федерации, отвергли идею «адвокатской монополии» на оказание юридической помощи, настаивая на сохранении у граждан права выбора лица, оказывающего таковую [4, с. 130]. Более того, все виды бесплатной юридической помощи относятся к квалифицированной юридической помощи, что прямо определено законодателем в ч. 1 ст. 8 ФЗ № 324-ФЗ.

Все вышеизложенное наводит на единственно верную мысль: построение системы юридической помощи исключительно на базе адвокатуры является ошибочным. В свою очередь, следующим встает вопрос: «Каким должен быть круг лиц, имеющих право на оказание юридической помощи населению?».

В действующем правовом регулировании субъекты оказания юридической помощи могут быть условно классифицированы на публичные и непубличные.

Выделение категории публичных субъектов оказания юридической помощи основывается на положениях ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации. С учетом системного подхода к анализу субъектов оказания юридической помощи целесообразно обратиться к положениям ч. 1 ст. 15 ФЗ № 324-ФЗ, в которой закреплены основные участники государственной системы бесплатной юридической помощи. К их числу отнесены:

- федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения;
- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации;
- уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации;
- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения;
- органы управления государственных внебюджетных фондов;
- государственные юридические бюро.

В силу положений ст. 19 ФЗ № 324-ФЗ вышеуказанный перечень следует дополнить нотариусами государственных нотариальных контор.

Несмотря на возможность участия адвокатов и частнопрактикующих нотариусов в системе государственной юридической помощи, их деятельность носит частноправовой характер. Указанные субъекты не являются органами публичной власти, не обладают властными полномочиями и в силу этого не относятся к категории публичных субъектов, оказывающих юридическую помощь.

Наряду с ними, неотъемлемой частью государственной системы оказания бесплатной юридической помощи следует считать органы прокуратуры, поскольку в сферу их полномочий входит обращение в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, что вытекает из содержания ч. 1 ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹² (ГПК РФ) и ст. 13 ФЗ № 324-ФЗ.

Омбудсмены (уполномоченные по правам) как должностные лица государства являются важным элементом системы оказания юридической помощи населению. ФЗ № 324-ФЗ прямо выделяет Уполномоченного по правам человека в Российской

¹² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в качестве участников государственной системы бесплатной юридической помощи. Вместе с тем также существуют такие омбудсмены, как Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и уполномоченные по правам ребенка в субъектах Российской Федерации (в соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»¹³ (далее – ФЗ № 501-ФЗ)); Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг (в соответствии с Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»¹⁴ (далее – ФЗ № 123-ФЗ)); Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей и уполномоченные по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации (в соответствии с Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»¹⁵ (далее – ФЗ № 78-ФЗ)). Более того, ч. 3 ст. 37 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹⁶ установлен открытый перечень омбудсменов, должности которых могут учреждаться в субъектах Российской Федерации.

Таким образом, круг лиц, оказывающих юридическую помощь населению и имеющих публичную природу, в общем виде включает:

- федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения;

- органы прокуратуры;

- Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченные по правам человека, правам ребенка, защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, а также другие омбудсмены, должности которых учреждены законодательством конкретных субъектов Российской Федерации;

- органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения;

- органы управления государственных внебюджетных фондов;

- нотариусы государственных нотариальных контор;

- государственные юридические бюро.

Однако и приведенный выше перечень лиц нельзя назвать однородным. Указанные субъекты могут быть классифицированы в зависимости от своего отношения к оказанию юридической помощи как к виду деятельности на основных и факультативных лиц соответственно.

Так, для основных публичных лиц, оказывающих юридическую помощь, характерна публичная природа и их отношение к оказанию юридической помощи населению как к одному из основных видов своей деятельности, осуществляемой ими на постоянной основе. Факультативные публичные лица, в свою очередь, наоборот, отличаются тем, что оказание юридической помощи не является для них

¹³ Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федер. закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федер. закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федер. закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

разновидностью основной деятельности, и они участвуют в оказании юридической помощи населению в отдельных случаях (эпизодически).

В соответствии с ч. 1 ст. 45 ГПК РФ и ст. 13 ФЗ № 324-ФЗ прокуроры вправе обращаться в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан. Кроме того, ч. 3 ст. 35 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁷, устанавливает, что «прокурор ... вправе обратиться в суд с заявлением или вступить в дело в любой стадии процесса, если этого требует защита прав граждан и охраняемых законом интересов общества или государства». Следовательно, стоит признать, что для органов прокуратуры оказание юридической помощи (в данном случае конкретно в виде представления интересов граждан или юридических лиц) является одним из основных видов деятельности. В поддержку данного утверждения заметим, что только за 2022 г. органами прокуратуры в защиту прав, свобод и законных интересов граждан в суды было направлено 397 937 исков и заявлений¹⁸.

Согласно ч. 1 ст. 17 ФЗ № 324-ФЗ государственные юридические бюро создаются для оказания гражданам бесплатной юридической помощи, соответственно оказание юридической помощи является для государственных юридических бюро одним из основных видов деятельности, что довольно очевидно.

Омбудсмены, в свою очередь, также обладают полномочиями по защите правовыми средствами прав лиц, входящих в сферу их ведения, в том числе давать им консультации по правовым вопросам и представлять их интересы в судах, что предусмотрено такими нормами права, как ч. 5 ст. 4 ФЗ № 78-ФЗ, ч. 1 ст. 6 ФЗ № 501-ФЗ, ст. 15 и 25 ФЗ № 123-ФЗ и т.д., что дает основание для причисления омбудсменов к категории основных публичных лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь населению и осужденным в частности.

Для федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственных им учреждений, органов управления государственных внебюджетных фондов, а также нотариусов государственных нотариальных контор деятельность по оказанию юридической помощи не является основной, поэтому они были отнесены к факультативным публичным лицам, оказывающим юридическую помощь.

Следуя представленной аналогии, круг лиц, оказывающих юридическую помощь и не наделенных публичными полномочиями, можно также подразделить на категории основных непубличных лиц и факультативных непубличных лиц, оказывающих юридическую помощь.

К числу основных непубличных лиц, оказывающих юридическую помощь, следует отнести:

- адвокатов (в силу прямой характеристики, данной ч. 1 ст. 1 и ч. 1 ст. 3 ФЗ № 63-ФЗ);
- нотариусов, занимающихся частной практикой (согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹⁹, ч. 1 ст. 24 ФЗ № 324-ФЗ и ч. 4 ст. 89 УИК РФ);
- юридические клиники (в соответствии с ч. 2 ст. 22 ФЗ № 324-ФЗ);
- негосударственные центры бесплатной юридической помощи (в соответствии с ч. 2 ст. 22 ФЗ № 324-ФЗ);

¹⁷ О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/statistics/result/> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Верховным Судом Рос. Федерации 11 февр. 1993 г. № 4462-1; в ред. от 4 авг. 2026 г.). Доступ из справ.-правового портала «Гарант».

– коммерческие и некоммерческие организации, а также частнопрактикующих юристов, оказывающих юридическую помощь в качестве одного из основных видов деятельности (в соответствии с подп. 69.10 ОК 029-2014 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности²⁰);

– общественные наблюдательные комиссии (в силу положений ч. 3 ст. 4 и п. 7 ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»²¹).

В свою очередь, к факультативным непубличным лицам, оказывающим юридическую помощь населению, следует отнести:

– законных представителей (родителей, усыновителей (удочерителей), опекунов и попечителей);

– представителей и защитников, представляющих интересы лиц вне рамок своей основной деятельности, по просьбе, по дружбе, в силу родственных связей и т.д.;

– лиц, оказывающих консультации по юридическим вопросам и помощь в составлении документов правового характера вне рамок своей основной деятельности, по просьбе, по дружбе, в силу родственных связей и т.д.

Таким образом, подводя итог, можно сделать выводы о наличии в законодательстве Российской Федерации и, в УИК РФ в частности, правового пробела в части определения круга лиц, имеющих право оказывать юридическую помощь осужденным, что привлекает внимание как ученых, так и законодателя с практиками. Посредством анализа научной литературы и практических материалов автором был сделан вывод об отсутствии единого мнения о том, какими лицами представлен круг субъектов, оказывающих юридическую помощь осужденным. Опираясь на сравнительный анализ норм права и научной литературы была предпринята попытка систематизации и классификации лиц, оказывающих юридическую помощь осужденным. Полагаем, что круг таких лиц можно условно подразделить на четыре основные категории: основные публичные лица, факультативные публичные лица, основные непубличные лица и факультативные непубличные лица. Отличительной чертой публичных лиц, оказывающих юридическую помощь, является их публичная природа и наличие властных полномочий, которых соответственно нет у непубличных. В свою очередь, разделение этих лиц на основных и факультативных основано на их отношении к юридической помощи как к основному/неосновному виду деятельности соответственно. При этом был сделан вывод: нормативное закрепление круга лиц, имеющих право на оказание юридической помощи осужденным, не может быть произведено в отрыве от изменения законодательства, регулирующего оказание юридической помощи населению в общем, и такое законодательство, по своей сути, является частью системы источников уголовно-исполнительного права, в части регулирования правоотношений по реализации права осужденного на получение юридической помощи.

Система лиц, оказывающих юридическую помощь населению и осужденным в частности, видится автору в следующем виде:

1) основные публичные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь осужденным, представлены:

– органами прокуратуры;

²⁰ Общероссийский классификатор видов экономической деятельности ОК 029-2014 (утв. Приказом Роскомнадзора от 31 янв. 2014 г. № 14-ст; в ред. от 2 июня 2026 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федер. закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, Уполномоченным по правам потребителей финансовых услуг, Уполномоченным при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченными по правам человека, правам ребенка, защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации, а также другими омбудсменами, должности которых учреждены законодательством конкретных субъектов Российской Федерации;

– государственными юридическими бюро;

2) факультативные публичные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь осужденным, представлены:

– федеральными органами исполнительной власти и подведомственными им учреждениями;

– органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственными им учреждениями;

– нотариусами государственных нотариальных контор;

– органами управления государственных внебюджетных фондов;

3) основные непубличные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь осужденным, представлены:

– адвокатами;

– нотариусами, занимающимися частной практикой;

– юридическими клиниками;

– негосударственными центрами бесплатной юридической помощи;

– коммерческими и некоммерческими организациями, а также частнопрактикующими юристами, оказывающими юридическую помощь в качестве одного из основных видов деятельности;

– общественными наблюдательными комиссиями;

4) факультативные непубличные лица, имеющие право оказывать юридическую помощь осужденным, представлены:

– законными представителями (родителями, усыновителями (удочерителями), опекунами и попечителями);

– представителями и защитниками, представляющими интересы лиц вне рамок своей основной деятельности, по просьбе, по дружбе, в силу родственных связей и по иным личным мотивам;

– лица, оказывающие консультации по юридическим вопросам и помощь в составлении документов правового характера вне рамок своей основной деятельности, по просьбе, по дружбе, в силу родственных связей и по иным личным мотивам.

Список источников

1. Керетов И.Р. Бесплатная юридическая помощь осужденным: правовое регулирование, практика реализации: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2012. С. 24.

2. Попович М.М. Оказание юридической помощи осужденным // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сб. материалов II Междунар. заоч. науч. конф. Могилев, 2017. С. 73.

3. Сухарев С.Н. Рассогласованность норм уголовно-исполнительного законодательства при реализации права осужденных на юридическую помощь // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10(190). С. 171–173.

4. Головастова Ю.А., Сизов Д.О. Проблема классификации лиц, оказывающих юридическую помощь, участвующих в уголовно-исполнительных правоотношениях // Современное право. 2025. № 12. С. 128–133.

5. Головастова Ю.А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники, система: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 197.
6. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 410, 411.
7. Исакова Т.И. К вопросу об иных лицах, имеющих право на оказание юридической помощи // Вестник науки. 2023. № 11(68). С. 81–82.
8. Зарина А.М. Адвокатская монополия: миф или реальность // Евразийская адвокатура. 2024. № 6(71). С. 81–84.
9. Кайзер Ю.В., Баканов К.И. Настоящее и будущее судебного представительства // Вестник ОмГУ. Сер.: Право. 2024. № 2. С. 49–56.
10. Рагулин А.В. «Адвокатская монополия»: разоблачение антинародной контрреформы в стенах парламента // Евразийская адвокатура. 2025. № 5(76). С. 69–90.
11. Момотов В.В. Совершенствование судебного представительства: современный взгляд // Евразийская адвокатура. 2018. № 3(34). С. 29–37.
12. Яртых И.С., Рагулин А.В. Ошибочный путь российской адвокатуры: от института гражданского общества к инструменту регулирования рынка юридических услуг: интервью с адвокатом, доктором юридических наук, профессором Игорем Семеновичем Яртых // Евразийская адвокатура. 2025. № 4(75). С. 9–12.
13. Бровко И.Д. К вопросу об абсолютном образовательном цензе для представительства в суде // Столыпинский вестник. 2023. № 6. С. 3187–3198.

References

1. Kerefov I.R. Besplatnaya yuridicheskaya pomoshch' osuzhdenным: pravovoe regulirovanie, praktika realizacii: dis. ... kand. yurid. nauk. Ryazan', 2012. С. 24.
2. Popovich M.M. Okazanie yuridicheskoy pomoshchi osuzhdenным // Aktual'nye voprosy sovremennoj yuridicheskoy nauki: teoriya, praktika, metodika: sb. materialov II Mezhdunar. zaoch. nauch. konf. Mogilev, 2017. S. 73.
3. Suharev S.N. Rassoglasovannost' norm ugovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva pri realizacii prava osuzhdenных na yuridicheskuyu pomoshch' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 10(190). S. 171–173.
4. Golovastova Yu.A., Sizov D.O. Problema klassifikacii lic, okazyvayushchih yuridicheskuyu pomoshch', uchastvuyushchih v ugovno-ispolnitel'nyh pravootnosheniyah // Sovremennoe pravo. 2025. № 12. S. 128–133.
5. Golovastova Yu.A. Ugovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossijskogo prava: predmet, metod, istochniki, sistema: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2019. S. 197.
6. Nersesyan V.S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: ucheb. dlya vuzov. M.: Norma: INFRA-M, 2024. S. 410, 411.
7. Isakova T.I. K voprosu ob inyh licah, imeyushchih pravo na okazanie yuridicheskoy pomoshchi // Vestnik nauki. 2023. № 11(68). S. 81–82.
8. Zarina A.M. Advokatskaya monopoliya: mif ili real'nost' // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 6(71). S. 81–84.
9. Kajzer Yu.V., Bakanov K.I. Nastoyashchee i budushchee sudebnogo predstavitel'stva // Vestnik OmGU. Ser.: Pravo. 2024. № 2. S. 49–56.
10. Ragulin A.V. «Advokatskaya monopoliya»: razoblachenie antinarodnoj kontreformy v stenah parlamenta // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 5(76). S. 69–90.
11. Momotov V.V. Sovershenstvovanie sudebnogo predstavitel'stva: sovremennyy vzglyad // Evrazijskaya advokatura. 2018. № 3(34). S. 29–37.
12. Yartyh I.S., Ragulin A.V. Oshibochnyy put' rossijskoj advokatury: ot instituta grazhdanskogo obshchestva k instrumentu regulirovaniya rynka yuridicheskikh uslug: interv'yu s advokatom, doktorom yuridicheskikh nauk, professorom Igorem Semenovichem Yartyh // Evrazijskaya advokatura. 2025. № 4(75). S. 9–12.

13. Brovko I.D. K voprosu ob absolyutnom obrazovatel'nom cenze dlya predstavitel'stva v sude // Stolypinskij vestnik. 2023. № 6. S. 3187–3198.

Статья поступила в редакцию 20.07.2026; одобрена после рецензирования 11.08.2026; принята к публикации 12.08.2026.

The article was submitted 20.07.2026; approved after reviewing 11.08.2026; accepted for publication 12.08.2026.

Информация об авторе

Д.О. Сизов – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Россия, 390000, г. Рязань, ул. Сенная, 1).

Information about the author

D.O. Sizov – adjunct at the Faculty of Training Scientific and Pedagogical Personnel of the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts at the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Russia, 390000, Ryazan, Sennaya St., 1).

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВДА И ЗАКОН»

Научно-практический журнал «Правда и закон» публикует **оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы** по следующим отраслям науки в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 декабря 2016 г. № 1586 «Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» и Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесение изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093»:

Шифр	Наименование групп научных специальностей, наименование научной специальности	Наименование отраслей науки, по которым присуждается ученая степень
5.1	Право	
5.1.1	Теоретико-исторические правовые науки	Юридические
5.1.2	Публично-правовые (государственно-правовые) науки	Юридические
5.1.3	Частноправовые (цивилистические) науки	Юридические
5.1.4	Уголовно-правовые науки	Юридические
5.8	Педагогика	
5.8.2	Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)	Педагогические

Журнал зарегистрирован в Научной Электронной библиотеке «РИНЦ».

Журнал включен в действующий Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (ВАК РФ).

ОСНОВНЫЕ РУБРИКИ ЖУРНАЛА:

- Обеспечение национальной безопасности: теория, законодательство, практика, политика, история.
- Предупреждение преступлений и иных правонарушений для обеспечения национальной безопасности.
- Обеспечение национальной безопасности в экстремальных ситуациях.
- Искусственный интеллект в обеспечении национальной безопасности и противодействие киберпреступности.
- Правовое положение человека при обеспечении национальной безопасности.
- Обеспечение национальной безопасности: международные стандарты и зарубежный опыт.
- Обеспечение национальной безопасности в деятельности Следственного комитета Российской Федерации и иных правоохранительных органов.
- Научная и образовательная жизнь.
- Интервью, персона.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ:

- К рассмотрению принимаются научно-теоретические, научно-практические и экспериментальные работы по отраслям юридических, психологических и педагогических наук.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, неопубликованным ранее в других печатных изданиях. Не принимаются статьи, представляющие собой параграфы или главы из уже опубликованных авторских монографий.
- Содержание статьи должно соответствовать тематике рубрик журнала.

- Статья должна являться законченной научной работой, содержащей научную новизну и / или практическую значимость, обоснование выдвинутых положений.

ПРАВИЛА И ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ

Статьи предоставляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте (e-mail): rio@skspba.ru) *.rtf или *.doc текстового редактора Word и на бумажном носителе.

Рекомендованный объем публикации – от 0,5 до 1 п.л., что составляет не менее 8 (20 тыс. знаков) и не более 16 (40 тыс. знаков) страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже техническими требованиями.

Статья должна быть представлена одним файлом, названным по фамилии автора (например, Иванов-статья.doc).

Для каждого автора должны быть указаны имя, фамилия и отчество (полностью), ученые степени и звания, должность и место работы, почетные звания, почтовый адрес, телефон и адрес электронной почты для контактов.

Название, аннотация статьи, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

Обязательно наличие приставных библиографических списков у всех статей в формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования.

Каждая представленная статья должна иметь личную подпись автора / авторов, заверенную должным образом кадровым аппаратом по основному месту их работы. Рукопись подписывается автором на последней странице. Статьи магистрантов и аспирантов (адъюнктов) должны сопровождаться отзывом научного руководителя.

Автором / авторами собственноручно подписывается, направляемая в редакцию, рукопись статьи с удостоверяющим текстом: *«Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией. Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем».*

Все статьи проходят обязательную проверку по системе анализа текстов на наличие заимствований «AntiPlagiat.ru». Доля оригинального авторского текста должна составлять **не менее 70 %**.

В соответствии с Требованиями к рецензируемым научным изданиям для включения в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденными Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 июля 2014 г. № 793, редакция журнала «Правда и закон» осуществляет двойное слепое рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Рецензирование статьи осуществляется в течение 30 (тридцати) дней.

Рецензия направляется редакцией на электронный адрес автора. Автору не сообщаются сведения о рецензенте.

Доработанная (исправленная) статья повторно направляется редакцией на рецензирование тому же рецензенту. Датой поступления статьи в редакцию считается дата возвращения автором доработанной статьи.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей, с сохранением научного содержания авторского варианта. Редакция оставляет за собой право сокращать и исправлять принятые работы.

Авторский гонорар не выплачивается. Рукописи авторам не возвращаются.

Плата за опубликование статей не взимается.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Статья должна быть оформлена в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021.

Требования к объему статьи:

Объем 8–16 страниц авторского текста (20 тыс. – 40 тыс. знаков с пробелами печатного текста), включая название статьи, сведения об авторах, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), библиографический список, таблицы и рисунки.

Требование к оформлению печатного текста:

- Формат страницы – А4, книжная ориентация.
- Поля: верхнее и нижнее поле: 2 см; левое поле: 3 см; правое поле: 1,5 см.

- Шрифт: Times New Roman, цвет шрифта: чёрный, кегель: 14, абзацный отступ устанавливать в меню «формат-абзац-первая строка (отступ 1,25 мм)», выключку устанавливать «по ширине», междустрочный интервал – полуторный.

- Форматирование текста: запрещены любые действия над текстом («красные строки», центрирование, отступы, переносы в словах, уплотнение интервалов). Не допускается форматирование абзацев табулятором или клавишей «пробел».

- Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная (общая). Подстрочные библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

- Аббревиатуры и сокращения при первом их употреблении в тексте должны быть расшифрованы, а правовые акты – содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования правовых актов может быть приведен при первом употреблении в постраничной сноске. Обязательно указание источника цитат, фактических и цифровых данных.

- Рисунки/иллюстрации: формат рисунка должен обеспечивать ясность передачи всех деталей (600 dpi). Иллюстрации нумеруются, если их количество больше одной. Иллюстрации должны быть направлены в редакцию отдельными файлами в максимально возможном (доступном автору) качестве. Иллюстрации также должны быть включены в текст статьи для определения редакцией места и порядка размещения иллюстраций.

- Таблицы: допускаются только вертикальные таблицы.

Обязательные реквизиты:

- Код универсальной десятичной классификации (УДК);
- Шифр и наименование научной специальности;
- Фамилия, имя, отчество автора/соавторов (полностью, не более трех; указываются на русском и английском языках);

- Ученая степень, ученое звание (указываются на русском и английском языках);

- Место работы, должность (указываются на русском и английском языках);

Указывают полное наименование организации (в скобках – сокращённое).

Примечание: соискатели и аспиранты заочной формы обучения указывают основное место работы и должность.

- Адрес места работы (указываются на русском и английском языках);

- Контактные телефоны, адрес электронной почты (возможно указание телефона и электронного адреса места работы (кафедры, института и т.п.) для связи с автором), SPIN-код;

- Статья аспиранта, адъюнкта, соискателя ученой степени, магистранта должна сопровождаться отзывом научного руководителя;

- Аннотация (на русском и английском языках), примерный объем 100–200 слов;

- Ключевые слова (на русском и английском языках), примерный объем 5–10 слов или устойчивых словосочетаний;

- Список источников (не менее 10);

- Транслитерация списка источников (транслитерацию русского текста в латиницу можно сделать с помощью программы на сайте <http://www.translit.net>).

Требование к указанию научной отрасли:

В статье должна быть указана научная специальность (специальности), которой соответствует тематика статьи. Научная специальность определяется в соответствии с Утвержденной Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесение изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093».

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Научная специальность - 0.0.0.
УДК 0000

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Иван Иванович Иванов^{✉1}, Петр Петрович Петров²

¹Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия

²Университет ФСИН России, Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

¹Ivanov@mail.ru[✉], SPIN-код: 0000-1111

²Petrov@mail.ru, SPIN-код: 0000-2222

Аннотация. 100–200 слов.

Ключевые слова: 5–10 слов

Для цитирования: Иванов И.И., Петров П.П. Название статьи // Правда и закон. 2022. № 3(21). С. 25–30 (оформляется редакцией).

TITLE OF THE ARTICLE

Ivan I. Ivanov^{✉1}, Petr P. Petrov²

¹SK RF SPb Academy, St. Petersburg, Russia

²University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin, St. Petersburg, Russia

¹Ivanov@mail.ru[✉], SPIN: 0000-1111

²Petrov@mail.ru, SPIN: 0000-2222

Abstract. 100–200 words.

Keywords: 5–10 words

For citation: Ivanov I.I., Petrov P.P. Title of the article // Truth and Law. 2022. № 3(21). P. 25–30 (formed by the editors).

Текст статьи

Список источников

1. Источник.
2. Источник.

References

1. Istochnik.
2. Istochnik.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 22.09.2022; принята к публикации 28.09.2022.

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 22.09.2022; accepted for publication 28.09.2022.

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой ... Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (Россия, 190000, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96);

П.П. Петров – кандидат юридических наук, начальник кафедры ... юридического факультета Университета ФСИН России (Россия, 196602, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Саперная, 34).

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department ... of the SK RF SPb Academy (Russia, 190000, St. Petersburg, nab. r. Moika, 96);

P.P. Petrov – Candidate of Juridical Sciences, Head of the Department ... of the Law Faculty of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, 196602, St. Petersburg, Pushkin, Sapernaya St., 34).

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

[16+]

Научно-практический журнал

ПРАВДА И ЗАКОН

№ 3(37)/2026

Главный редактор
Скиба Андрей Петрович
доктор юридических наук, профессор

Подписной индекс в электронном каталоге АО «Почта России»: ПО 950

Регистрационный орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-69137

**Редакция принимает к рассмотрению материалы, отвечающие
вышеизложенным требованиям к оформлению рукописей
и соответствующие профилю и научному уровню журнала**

Адрес редакции научно-практического журнала «Правда и закон»:

Россия, 190000, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 96,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации»

телефон для справок: +7(812)318-22-55, e-mail: rio@skspba.ru

Подписано в печать 28.09.2026 Вышел в свет 30.09.2026 Формат 60×84_{1/8}

Печать цифровая

Объем 19,25 п.л.

Тираж 50 экз.

Свободная цена

Отпечатано в Санкт-Петербургской академии Следственного комитета
190000, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 96